

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Е. С. СЫСОЕВА

**ОЦЕНОЧНЫЕ АНТРОПОНИМЫ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ**

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2016

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предлагаемая монография продолжает серию, в которой публикуются результаты научных исследований, выполненные в русле актуальных направлений современных лингвистических студий – когнитивного и лингвокультурологического.

Надеемся, что серия будет интересной и даст новый импульс в творческом поиске опытных ученых, молодых исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов, работающих в сфере когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, сопоставительного и типологического языкознания.

Редакционная коллегия

COGNITIVE LINGUISTICS AND CULTURAL STUDIES

The monograph continues the series which presents the results of linguistic research within the framework of cognitive linguistics and cultural studies.

We hope that the series will be of interest and give a new creative impetus to experienced linguists, young researchers, teachers and postgraduate students who work in the field of cognitive linguistics and cultural studies, as well as contrastive and typological linguistics.

Editorial Board

COGNITIVE LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES

Volume IV

Ye. S. SYSOIEVA

EVALUATIVE ANTHROPNYMS IN THE ENGLISH LANGUAGE AND CULTURE

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. O.L. Byessonova (editor-in-chief)

Doctor of Philology, Prof. S.G. Vorkachev
(Krasnodar, Russian Federation)

Doctor of Philology, Prof. E. Geniušienė
(St. Petersburg, Russian Federation)

Doctor of Philology, Prof. Z.A. Kharitonchik
(Minsk, Republic of Belarus)

Doctor of Philology, Prof. V.I. Karasik
(Volgograd, Russian Federation)

Doc. PhDr., D. Lančarič, PhD.
(Bratislava, Slovak Republic)

Doctor of Philology, Prof. V.F. Novodranova
(Moscow, Russian Federation)

Doctor of Philology, Prof. N.I. Panasenko
(Trnava, Slovak Republic)

Doctor of Philology, Prof. M.V. Pimenova
(St. Petersburg, Russian Federation)

Doctor of Philology, Prof. G.G. Molchanova
(Moscow, Russian Federation)

Doctor of Philology, Prof. V.I. Terkulov
(Donetsk, DPR)

Dr hab., Prof. A. Uberman, Assoc. Prof.
(Rzeszów, Poland)

Rostov-on-Don

Publishing House of Southern Federal University

2016

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Том IV

Е. С. СЫСОЕВА

ОЦЕНОЧНЫЕ АНТРОПОНИМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

Редакционная коллегия

д-р филол. наук, проф. О.Л. Бессонова (главный редактор)

д-р филол. наук, проф. С.Г. Воркачев
(Краснодар, Российская Федерация)
д-р филол. наук, проф. Е. Генюшене
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
д-р филол. наук, проф. З.А. Харитончик
(Минск, Беларусь)
д-р филол. наук, проф. В.И. Карасик
(Волгоград, Российская Федерация)
проф. Д. Ланчарич, доктор философии
(Братислава, Словацкая Республика)
д-р филол. наук, проф. В.Ф. Новодранова
(Москва, Российская Федерация)

д-р филол. наук, проф. Н.И. Панасенко
(Трнава, Словацкая Республика)
д-р филол. наук, член-кор. Сибирской академии
наук высшей школы М.В. Пименова
(Кемерово, Российская Федерация)
д-р филол. наук, проф. Г.Г. Молчанова
(Москва, Российская Федерация)
д-р филол. наук, проф. В.И. Теркулов
(Донецк, ДНР)
доц. А. Уберман, доктор философии
(Жешув, Польша)

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2016

УДК 81'373.23:316.74:81=111

ББК Ш12=432.1*316.2

С 408

Рецензенты:

А. Э. Левицкий, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

С. Е. Кремзикова, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Донецкого национального университета

Научный редактор:

О. Л. Бессонова, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Донецкого национального университета

*Печатается по решению Ученого совета
Донецкого национального университета.
Протокол № 3 от 25.03.2016 года*

Сысоева Е. С.

С408 Оценочные антропонимы в английском языке и культуре : монография /
Е. С. Сысоева. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального
университета, 2016. – 206 с.
ISBN 978-5-9275-2011-4

Монография посвящена исследованию семантических, структурных и функциональных особенностей оценочной антропонимической лексики. Подробно описывается механизм влияния экстралингвальных факторов на появление оценки в значении антропонимов.

Предлагаются критерии отбора оценочных антропонимов, на основе которых создан корпус языкового материала исследования. Исследуются семантические оценочные антропонимы с учетом таких актуализаторов оценки, как этимология апеллятивной основы и культурно-исторический компонент.

Анализируется словообразовательный потенциал оценочных антропонимов. Семантическая деривация рассматривается как основной путь обогащения антропонимикона оценочными единицами. Оценочные антропонимы в системе английского языка описываются как лексические единицы с большим функционально-стилистическим потенциалом, чем другие типы антропонимической лексики.

Для филологов, преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных университетов.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-2011-4

УДК 81'373.23:316.74:81=111

ББК Ш12=432.1*316.2

© Сысоева Е. С., 2016

© ГОУ ВПО «ДонНУ», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	9
ВВЕДЕНИЕ	10
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ И СТРУКТУРЫ ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ	18
1.1 Лингвистический статус антропонимов	19
1.2 Категория оценки и ее интерпретация в современной лингвистике	26
1.3 Оценочный компонент значения антропонимических единиц	31
1.4 Особенности лексикографической репрезентации оценочного значения английских антропонимов	36
1.5 Критерии отбора оценочной лексики из английских антропонимических словарей	40
1.6 Роль оценочного компонента значения антропонимов в процессе имяназвания. Мотивы имяназвания	44
Выводы к разделу 1	56
РАЗДЕЛ 2. СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ	59
2.1 Методы исследования семантики оценочных антропонимов	59
2.2 Общая семантическая характеристика оценочных антропонимов	61
2.2.1 Актуализаторы оценки в значении антропонимов	61
2.2.2 Семантическая классификация оценочных антропонимов	62
2.2.3 Классификация оценочных антропонимов по характеру оценки	64
2.3 Семантический класс аллюзивных оценочных антропонимов	65
2.3.1 Семантическая группа исторических аллюзивных оценочных антропонимов	66
2.3.2 Семантическая группа литературных аллюзивных оценочных антропонимов	74
2.3.3 Семантическая группа библейских аллюзивных оценочных антропонимов	78
2.4 Семантический класс оценочных антропонимов с дифференциальной семой “внешность”	79
2.5 Семантический класс оценочных антропонимов, указывающих на род деятельности и социальный статус	84
2.6 Семантический класс оценочных антропонимов сферы религии	86
2.7 Семантический класс оценочных антропонимов, обозначающих черты характера и личностные качества	88
2.8 Семантический класс оценочных антропонимов с дифференциальной семой “межнациональная вражда”	89

2.9 Семантический класс оценочных антропонимов с дифференциальной семой “межличностные отношения”	91
2.10 Оценочные антропонимы класса “ДРУГИЕ”	92
2.11 Семантические характеристики английских оценочных антропонимов, изменивших ассоциативное значение	92
Выводы к разделу 2	95
РАЗДЕЛ 3. ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКИХ ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ	99
3.1 Структурные типы английских оценочных антропонимов	99
3.2 Словообразовательные модели английских оценочных антропонимов	103
3.3 Основные пути пополнения антропонимикона оценочными компонентами	116
3.3.1 Семантическая деривация оценочных антропонимов.....	117
3.3.2 Словообразовательные способы пополнения английского антропонимикона оценочными единицами.....	125
3.3.2.1 Образование сокращенно-производных антропонимов	126
3.3.2.2 Словосложение как способ образования оценочных антропонимов.....	132
3.3.2.3 Редупликация как способ образования оценочных антропонимов.....	132
3.3.3 Заимствования оценочных антропонимов.....	133
Выводы к разделу 3	136
РАЗДЕЛ 4. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	140
4.1 Семантический и функционально-стилистический потенциал оценочных английских имен и фамилий в художественном тексте.....	140
4.2 Семантический и функционально-стилистический потенциал английских прозвищ в художественном тексте.....	160
Выводы к разделу 4	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	174
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	179
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	198
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	199
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	201
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	205

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ОА – оценочный антропоним (оценочные антропонимы)

АОА – аллюзивный оценочный антропоним (аллюзивные оценочные антропонимы)

АС – антропонимическая система

ИС – имя собственное (имена собственные)

англ. – английский язык

вал. – валлийский язык

гэльск. – гэльский язык

древнеангл. – древнеанглийский язык

древнеевр. – древнееврейский язык

кельт. – кельтский язык

лат. – латинский язык

нем. – немецкий язык

норм. – нормандский язык

рус. – русский язык

франц. – французский язык

ВВЕДЕНИЕ

О том, что между именем человека, его судьбой и характером существует связь, знали еще наши предки. Считалось, что знать имя человека (своеобразный социолингвистический код) означает иметь власть над ним. По сути латинское слово *fatum* ‘судьба’ происходит от слова *for*, ‘произнести, сказать’, а в Древнем Шумере этимология слова “судьба” была связана с глаголом “давать имя”. Семантика апеллятивной основы антропонима может много рассказать об интенциях родителей, их надеждах и мыслях в процессе имянаречения. В любом языковом сообществе личные имена могут вызывать позитивные или негативные ассоциации, однако в каждой отдельной лингвокультуре набор факторов, влияющих на возникновение дополнительных созначений в семантике антропонимических единиц, будет разным.

Работа посвящена исследованию особенностей семантики, структуры и функционирования английских антропонимических единиц со значением, осложненным оценочным компонентом. Оценочный антропоним (далее ОА) рассматривается как имя человека (личное имя, фамилия и прозвище), лексический фон которого содержит оценочный компонент. Оценка является компонентом коннотации антропонимов, который может быть эксплицирован на основании таких признаков: родное – иностранное; редко – часто употребляемое; активное – пассивное; знакомое – незнакомое; созвучное с позитивно-оценочными – негативно-оценочными единицами вокабуляра; тождественное именам достойных – недостойных известных носителей. Например, позитивная оценка женского имени *Goldie* в современной антропонимической системе (далее АС) определяется на основании созвучия единицы с английским существительным *gold* ‘золото’, именем традиционно называют девочек с красивым золотистым цветом волос. Мужское имя *Adolf* является негативно-оценочным из-за ассоциации с именем известного общественно-политического деятеля Адольфа Гитлера, идеолога нацизма и основателя тоталитарной диктатуры Третьего Рейха. Женское имя *Cordelia* маркировано позитивной оценкой из-за ассоциации с именем героини трагедии “Король Лир” У. Шекспира, самой молодой и самой любимой дочери короля. Позитивную оценку имени также сообщает этимология внутренней формы – лат. *cordis* ‘сердце’. Оценочное значение антропонимов реализуется в процессе имянаречения, участники которого демонстрируют позитивное или негативное отношение к определенному антропониму, который базируется на этимологическом или культурно-историческом компоненте его лексического фона.

Вслед за О. М. Вольф оценка в значении антропонимической лексики рассматривается как единство следующих элементов: субъект оценки (языковая личность, которая дает имя), объект оценки (языковая личность, которой дают имя), характер оценки (абсолютная позитивная или негативная оценка) и основания оценки (признаки, которые влияют на позитивный или негативный знак оценки антропонима) (Вольф, 2009). В семантике имен собственных (далее ИС) на первый план выходят такие признаки, как: родное – иностранное, редко – часто употребляемое, активное – пассивное, знакомое – незнакомое. Признак “знакомое – незнакомое” позволяет определить этимологию, которая, в свою очередь, тесно связана с культурным компонентом коннотации, и констатировать, что имя имеет ярко выраженную национальную принадлежность, которая реализуется в процессе именования, т.е. выступает основой для мотивов имянаречения. Признак “часто употребляемое – редко употребляемое” и признак “знакомое – незнакомое” позволяет субъекту номинации реализовать свои предпочтения с точки зрения частотности имени. Указанные признаки раскрывают систему ценностей, а также основные предпочтения общества в процессе именования на современном этапе.

Появление в значении антропонимов оценочного компонента связывается с явлением коннотации (Отин 2000: 73), которая рассматривается как семантическая сущность, которая выражает эмоционально-оценочное и стилистически маркированное отношение говорящего к действительности, на основании чего это значение получает экспрессивную окраску (Телия 1986: 73). Описывая процесс приобретения лексикой коннотативного значения, А.Р. Лурия отмечает, что слово порождает не только указание на определенный предмет, но неизбежно приводит к установке ряда дополнительных связей, включающих в свой состав элементы близких к ним слов, основываясь на прежний опыт. Следовательно, слово становится центральным узлом целого ряда порожденных им образов и “коннотативно” связанных с ним слов. Исследовательница явления коннотативности антропонимов Е. Н. Белицкая (Беліцька 2000) среди формальных признаков коннотации, свойственных проприальным единицам, отмечает вторичность номинации и образное переосмысление, которое становится возможным при наличии внеязыковой информации про денотат, узуальных характеристик имени, а также звукового вида единицы. Исследования семантики антропонимической лексики как правило требуют привлечения к рассмотрению сведений о денотате имени, значит, наблюдается переход от экстралингвальной сферы к лингвальной.

В современных ономастических исследованиях наблюдается значительный интерес к проблемам антропонимики, который является, в частно-

сти, результатом развития антропоцентрической парадигмы языковедческой науки. Хотя специфика антропонимов уже в значительной степени осознана, инновационным направлением в антропонимике являются исследования ОА и аспектов, связанных с особенностями их семантических, структурных и функционально-стилистических характеристик.

Проблема образования в семантической структуре антропонимов коннотативных созначений неоднократно была объектом исследования многих ономатологов и лексикологов (Автеньева 1988; Андриенко 1992; Беліцька 1999; 2000; Буштян 1982; 1983; 1984; 1985; Буянова 2000; Васильева 2009, Вельмешева 1971; Горбаневский 1987, 1988; Евсеева 2000; 2002; Космеда 1997; Лукаш 2011 а; б и др. (Лукьянова 1983; 1986; Маслова 1989; 2009; Никонов 1970; 2000; Отин 1991; 1996; 2000; 2004; Пелевин 1983; Пименова 1999; Потапова 1997; Поцепцов 1987; Ревзина 2001; Реформатский 2010). В основном вопрос коннотативных онимов (конотонимы, термин Е.С. Отина) отдельно рассматривался в системе более общих вопросов: проблемы номинации (Залевская 1999; 2007; Павлова 1983), проблемы номинации в ономастике (Алейникова 1991; Ермолович 2001; Живоглядов 1982; Зайцева 1973; 1986; Зинин 1970; 1979; Карпенко 2004; 2006; Катермина 1998; Суперанская 2009; Evans 2003; Kripke 1971; Moncur 1998; Nicolaisen 1978 та ін. (Флоринский 2000; Чурсина 2002; Vod 2003; Joseph 2004; Lieberson 2000; Shore 1996) и вопросов фразеологического состава языка (Зыкова 2003; Мокиенко 1980 а; б). Отдельно рассматриваются процесс метафоризации в значении антропонимов (Арутюнова 1990 а; б;) и проблемы коннотации (Говердовский 1981; 1985; Мягкова 1990). В центре внимания исследования также оказываются особенности словообразования антропонимов (Подольская 1990; Curme 1996) и пути пополнения антропонимического состава новыми единицами (Чурсина 2002; Storm 1939). Отдельного внимания заслуживает исследование особенностей функционирования окказиональных имен и конотонимов в художественном тексте (Гаранина 1997; Гюббенет 1991; Карпенко 1970; 1986; Касьяненко 1991; Ковалев 2002; 2003; Ковалева 2001; Кресан 2001; Лосев 1997; Магазанник 1964; 1978; Милашевич 2003; Михайлов 2008; Мезенин 1975; Смирнов 1991; Таич 1974; Фонякова 1990; Шермет 1984; Vaiker 1977; Culleton 1994). Отдельно изучаются мотивы наименования (Ивашко 1988; Кисель 2009; Мельник 2001; Мельникова 2003; Lawson 1984; Mathews 2000; Tamura 1998). Хотя специфика антропонимов уже в значительной степени осознана, однако еще остаются недостаточно изученными их отдельные группы, в частности оценочные антропонимы и особенности их семантики, структуры и функционирования.

Рядом с другими группами оценочной лексики, изучение которой, всегда привлекало внимание лингвистов (Арутюнова 1988; 1988; Бессонова 1995; Бессонова 2002; Вульфсон 1991; Гак 1979, 1990; Ивин 1970, 2005; Хиддекель 1983); и др. (Азнаурова 1973; Апресян 1983; 1995; Ахманова 2009; Барт 1975; 1980; 1994; Вакуров 1991; Вежбицкая 1996; Виноградов 1953; 1959; 1977; Гальперин 1976; 2009; Гиляревский, Старостин 1985; Кубрякова 1972; 1986; Попова, Стернин 2011; Потапенко 2009; Разинкина 1972; Толстой 1995; 1997; Трипольская 1984; Швачко 2007; Stern 1991), оценочные антропонимы являются выразителями особенной национальной ментальности английского языкового общества.

Большой объем лингвистической литературы по проблемам семантики, структуры и функционированию антропонимов в текстовом пространстве, а также публикации специализированных антропонимических словарей и справочников (Рыбакин 1989; Butler 1954; Delahunty 2003; Dickson 1986; Freedman 1997; Gottschald 1987; Hanks, Hodges 1996; Withycombe 1971 та ін. (Dictionary of the English Language and Culture 1992; Чернобров 1994; Crowder 2001; Hayward 1969) свидетельствуют о том, что исследования антропонимов в семасиологическом направлении продолжают оставаться актуальными. На современном этапе изучение антропонимической лексики требует взаимодействия с новой лингвокультурологической исследовательской парадигмой. Оценочный антропонимикон обогащает лексическую систему английского языка значительным пластом специфической лексики, в которой отображаются особенности национального мироощущения и система этнокультурных ценностей и доминант английской лингвокультуры.

Привлечение лингвокультурологического подхода к изучению особенностей оценочного антропонимикона дает возможность проанализировать антропоним как выразитель особого национального мироощущения английского языкового общества в процессе имяназвания.

Актуальность проблематики исследования обусловлена лингвокультурологическим подходом к изучению семантико-словообразовательного и функционально-стилистического потенциала оценочных антропонимов, которые формируют значительный пласт английского антропонимикона. Такой ракурс исследования раскрывает роль оценочных антропонимов в реконструировании фрагментов английской ценностной картины мира, связанных со стереотипами и приоритетами носителей языка в процессе номинации.

Объектом исследования в работе являются английские антропонимы, семантика которых осложнена оценочным компонентом.

Предметом исследования являются семантические, структурные и функциональные особенности оценочных антропонимов как значительного слоя единиц английского ономастического пространства.

Целью исследования является установление и описание семантических, структурных и функционально-стилистических особенностей неаглийских оценочных антропонимов.

Достижение поставленной цели предусматривает решение таких **задач**:

- обосновать теоретические основы исследования семантики оценочных антропонимов, определить специфику их значения;
- выявить основные мотивы имянаречения и установить роль оценочного компонента значения антропонимов в процессе номинации;
- на основе предложенных критериев выделить оценочные антропонимы из общего антропонимического фонда английского языка;
- осуществить семантическую классификацию английских ОА, исследовать их семантические особенности и проанализировать аксиологические изменения в их семантике;
- описать структурные типы и модели ОА;
- охарактеризовать основные пути пополнения английского антропонимикона оценочными единицами;
- раскрыть особенности реализации оценочного значения английской антропонимической лексики в контексте художественных приведений.

Материал исследования составляют 3275 ОА, полученные методом сплошной выборки из антропонимических словарей: “Oxford Dictionary of First Names” под редакцией П. Хенкса, Ф. Ходжес, “The Wordsworth Dictionary of First Names” под редакцией Т. Фрадмана и Словаря английских личных имен и фамилий под редакцией А. И. Рыбакина. Корпус исследования уточнялся по таким словарям: Collins English Dictionary and Thesaurus, Oxford Dictionary of Nicknames под редакцией А. Делагунти, Collector’s Compendium of Rare and Unusual, Bold and Beautiful, Odd and Whimsical Names под редакцией П. Диксона, Deutsche Namenkunde под редакцией М. Готтшальда, Macmillan English Dictionary, Dictionary of British Names под редакцией А. И. Рыбакина, Oxford English Dictionary под редакцией Дж. Симпсона, Ф. Вайнера, Webster’s Third New International Dictionary of the English Language Unabridged, The Oxford Dictionary of English Christian Names под редакцией Э. Уиткомб. Текстовую выборку формируют примеры из английских и американских художественных произведений XIX – XX веков

Методы исследования определены целью, задачами и материалом. *Метод компонентного анализа* применялся для установления семантичес-

кого объема оценочных антропонимов, интегральных и дифференциальных признаков их лексического значения. *Этимологический метод* позволил выявить происхождение апеллятивов во внутренней форме антропонимической оценочной лексики. *Словообразовательный анализ* использовался для выявления способов образования и структурных типов антропонимов с оценочным компонентом. Применение *контекстуального анализа* дало основание для определения функционально-стилистической специфики оценочной антропонимической лексики в художественных произведениях и особенностей реализации оценочного значения английских антропонимов в контексте. При помощи *лингвокультурологического анализа* прослежено этнолингвистические особенности оценочных антропонимов как специфических языковых знаков, которые отображают ценностное отношение носителей языка к определенным фрагментам реальности; выяснено влияние национально-культурных факторов на формирование оценочного значения антропонимической лексики. Использование *количественного анализа* дало возможность определения продуктивности единиц разных структурных и семантических типов, а также интенсивности обогащения новыми оценочными проприальными единицами разных семантических классов и групп, а значит, и антропонимической системы английского языка.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые:

- осуществлено комплексное, многоаспектное лингвокультурологическое исследование английских антропонимов с оценочным значением;
- на основе установления критериев выделен корпус проприальных единиц с оценочным значением общего фонда АС английского языка;
- определены семантические классы, группы и подгруппы ОА в английском языке, которые коррелируют с ценностными доминантами концептуальной картины мира английского лингвосоциума;
- исследованы пути пополнения английского антропонимикона оценочными единицами, установлена продуктивность структурных типов исследуемых антропонимических единиц;
- раскрыты особенности реализации оценочного значения английских антропонимов в контексте.

Теоретическое значение исследования состоит в том, что его результаты, связанные с определением ОА как отдельного типа языковых единиц с оценочным значением, являются вкладом в развитие лексической семантики. Предложенная модель анализа ОА может быть применена при изучении оценочных антропонимических единиц других языков или оценочных единиц других ономастических разрядов, что способствует дальнейшему развитию

теории ономастики. Исследования особенностей актуализации оценочного значения английских антропонимов в контекстуальном окружении расширяет достижения теории коммуникации.

Практическое значение работы состоит в возможности использования результатов исследования в преподавании нормативных курсов по лексикологии (разделы “Лексическая семантика”, “Лексикография”, “Словообразование”) и стилистике английского языка (разделы “Лексическая стилистика”, “Грамматическая стилистика” и “Функциональная стилистика”), в спецкурсах по ономастике и лингвокультурологии современного английского языка, в лексикографической практике при составлении словарей английской оценочной антропонимической лексики, написании учебных пособий.

Структура и объем работы. Монография состоит из введения, четырех разделов с выводами к каждому из них, общих выводов, списков литературы – теоретических источников, перечня лексикографических источников, источников иллюстративного материала.

Во **введении** обоснована актуальность выбранной темы, выяснено состояние изучения проблемы, определены цель, задания, методы, объект, предмет, материал исследования, раскрыта научная новизна, теоретическое значение и практическая ценность монографии.

В первом разделе монографии **“Теоретические основы исследования семантики и структуры оценочных антропонимов”**, который содержит теоретическое обоснование ключевых положений, истолкование основных понятий терминологического аппарата, освещены основные подходы к определению природы содержания антропологической лексики, выявлена специфика оценочного значения английских антропонимов. На основе анализа лексикографической репрезентации оценочного значения английских антропонимов сформулированы критерии отбора оценочных антропонимов, установлена роль оценочного компонента значения антропонимов в процессе имяназвания.

Во втором разделе **“Семантика английских оценочных антропонимов”** обоснован выбор лингвокультурологического направления исследования, изложена общая методика анализа семантических особенностей оценочных антропонимов, представлены методы решения задач. Осуществлена семантическая классификация английских оценочных антропонимов, установлено и проанализировано соотношение негативно и позитивно окрашенных антропонимических единиц в выделенных семантических классах, группах и подгруппах, описан характер изменений оценки в значении антропонимов в процессе эволюции языка, охарактеризованы цен-

ностные стереотипы и приоритеты участников именования в английской лингвокультуре.

В третьем разделе **“Особенности структуры английских оценочных антропонимов”** исследованы ономастические структурные типы, словообразовательные модели и пути пополнения английского антропонимикона оценочными единицами. Выяснено, как структурные типы исследуемых единиц и словообразовательные форманты, которые принимают участие в их образовании, коррелируют с характером оценки антропонимических единиц.

Четвертый раздел **“Специфика функционирования оценочных антропонимов в художественном тексте”** посвящен анализу реализации оценочного значения антропонимов, а также выявлению функционально-стилистической специфики оценочной антропонимической лексики в текстах художественных произведений английских и американских авторов XIX – XX веков.

Заключение содержит основные результаты проведенного исследования с описанием возможных путей дальнейшей разработки рассматриваемых проблем.

Автор предложенного исследования выражает благодарность профессору О.Л. Бессоновой, своему научному консультанту, за помощь, терпение и доброжелательную конструктивную критику в процессе работы над монографией, профессорам А.Э. Левицкому и С.Е. Кремзиковой, чьи советы и замечания способствовали усовершенствованию этой научной работы.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ И СТРУКТУРЫ ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ

В разделе рассмотрена история становления исследований, посвященных семантике ИС, что дает возможность изучить основные методологические принципы и подходы к изучению особенностей семантической структуры антропонимических единиц в целом, в том числе антропонимов, семантика которых осложнена позитивной или негативной оценкой.

Одним из базовых вопросов ономастики является семантика ИС. Любой лингвистический анализ проприальной лексики базируется на вопросе, который касается семантической или асемантической сущности ИС. Анализ литературы по антропонимике свидетельствует о том, что лингвисты, исследуя проприальные единицы в системе языка или речи, приходят к достаточно противоречивым выводам относительно природы содержания ИС. Основное расхождение состоит в том, что одна группа авторов, опираясь на теорию Дж. Ст. Милля (Милль 2011), считает, что ИС не передает никакого значения и является асемантическим (Брендаль 1965; Мокиенко 1980; Реформатский 2010; Gardiner 1940; 294 Russel 1985; Stebbing 1952). С позиции другого подхода, ИС при синхронном рассмотрении приобретает лексическое значение в речи, в контексте речевого окружения и коммуникативной ситуации (Блисковский 1972; Есперсен 2006; Srensen 1996; Sweet 1971). Сторонники третьего подхода утверждают, что ИС характеризуются наличием лексического значения и в языке, и в речи, но несколько иного характера, чем имена нарицательные (Данилина 1969; Карпенко 2004; Кондратьева 1983; Курилович 2000; Ступин 1985; Травничек 1950; Фоякова 1990; Щетинин 1966; 1972). Последняя теория представляется более убедительной, поскольку, с одной стороны, учитывается диалектическая взаимосвязь общего и отдельного, абстрактного и конкретного, социального и индивидуального в семантике ИС на уровне языка и речи, а с другой стороны, во внимание берется неоднородность денотативного, сигнификативного содержания в семантике разных тематических разрядов.

Проблема значения антропонимов в работе решается в плане их соотношения с культурно-историческим фоном имени (известным носителем, ассоциациями с определенными событиями, произведениями литературы и искусства) или семантико-этимологическими характеристиками апеллятивных антропооснов, которые определяются при помощи метода компонентного анализа. В связи с этим целесообразным также является рассмотрение особенностей толкования семантики антропонимических единиц лексикографами.

1.1 Лингвистический статус антропонимов

1.1.1 Одной из важнейших проблем ономастики является изучение механизма номинации и соотношения в ИС таких первостепенных для ономастиологии понятий, как “значение”, “реалия”, “понятие”, “имя” (Чурсина 2002: 34). В современном теоретическом языкознании почти аксиоматической является мысль о двойственном характере речевой деятельности. Выделяется уровень языка (системы) и речи (функции) при возможном выделении уровня нормы (узуса), который трактуется как составляющая часть уровня языка или как отдельный уровень речевой деятельности. Следовательно, при определении сущности языковых явлений, в частности, семантики проприальных единиц, надо ориентироваться соответственно на структурный или функциональный уровень (Чурсина 2002).

В языковой структуре, где базовым для лексем является понятие значения, ИС как единицы ономастического поля характеризуются специфическим семантическим наполнением. Значение имени собственного тождественно самому понятию “собственное имя” (Беліцька 2000: 21). На речевом уровне ИС приобретают определенные характеристики, которые благодаря продолжительности, устойчивости использования формируют определенную семантическую наполненность имени. Эти характеристики со временем могут сформировать значение ИС на уровне узуса.

Определение семантической специфики антропонимической лексики зависит, в первую очередь, от подходов к самому вопросу значения. Существует несколько толкований значения. Его определяют как соотношенность слова с соответствующим понятием (которое составляет ядро лексического значения слова) и его местом в лексической системе языка (т.е. разнообразными связями этого слова с другими словами) (Беліцька 2000: 21). Согласно другому взгляду, значением следует считать “...концепт, который актуализируется в сознании человека как информационная функция другого концепта, который актуализирует первый” (Беліцька 2000: 21). Следовательно, значение может трактоваться узко или широко. При узком толковании значения ИС практически равно его сигнификативному аспекту или значению. Как пишет Е. Н. Белицкая, при широком толковании концепт, который информирует о другом концепте (в нашем случае это ИС), является семантически наполненной субстанцией, потому что даже при первом использовании ИС имеют характеристики, которые формируют его понятийную основу (Беліцька 2000: 22).

Теоретический подход к определению понятийного объема ИС базируется на концепции значения М.В. Никитина (Никитин 2009). Согласно

этой концепции, значение антропонимической лексики в работе рассматривается как структура, которая состоит из двух частей: интенционала (ядро значения) и импликационала (периферия значения). Импликационал в составе значения не является однородным. Выделяется сильный, слабый и негативный импликационал. В ИС интенциональную часть значения составляет концепт “имя собственное”, который, по нашему мнению, гносеологически равен концепту “единичность” как обязательному в семантической структуре проприальных единиц. Импликационал ИС состоит из нескольких частей. Это, во-первых, признаки онимов, которые являются более вероятными в определенных языках, т.е. сильный импликационал. Разные разряды онимов имеют собственный сильный импликационал. Так, сильный импликационал антропонимов составляют семы “живое существо”, “пол”, “возраст”, “национальная принадлежность”, “социальные признаки” (Беліцька 2000: 22). Топонимически сильный импликационал составляют признаки “неживой объект”, “локальность” (Беліцька 2000: 22). Для хрононимов это семы “промежуток времени”, “событие” (Беліцька 2000: 22) и т.д. Высокая вероятность признаков, которые принадлежат к сильному импликационалу, является результатом их узуальной релевантности, т.е. их социальной значимости. Кроме того, существуют признаки, которые являются результатом внеязыковых (энциклопедических) характеристик онимов. Продолжительность использования, фактор известности этих признаков делает их частью сильного импликационала значения. В речи также актуализируются определенные признаки, которые формируют слабый или негативный импликационал значения (Беліцька 2000: 22).

Из вышесказанного следует, что онимы – это единицы, которые имеют концепт единичного как основу значения имени, т.е. это единицы с денотативным значением. В речи содержание имени семантически наполняется за счет сем, которые характеризуют его денотат. Таким образом, согласно теории Е.Н. Белицкой (Беліцька 2000), в составе значения онима выделяется: 1) семантическое ядро, интенционал, который равен структурному значению единицы, – “принадлежность к проприальному полю”; 2) сильный импликационал, который состоит из узуальных признаков имени, которые релевантны в пределах определенного языка (семантико-этимологические характеристики антропонимических апеллятивов), и некоторых устоявшихся характеристик, которые исходят из энциклопедической информации об ИС; 3) слабый импликационал, т.е. семы, которые могут реализовываться в речи; 4) негативный импликационал, или семы, которые не могут характеризовать денотат обозначения ИС (Беліцька 2000).

В речи структура денотативного значения ИС может подвергаться семантическим модификациям, при которых любой признак она ощущается носителем языка как субъективное отображение окружающей среды. Результатом этого является возникновение коннотативного значения проприальной единицы, одним из аспектов которого является оценка.

1.1.2 История вопроса свидетельствует о том, что проблема семантики ИС была в центре внимания еще древнегреческих и древнеримских философов (Платон 1968). Стоики воспринимали проприальные единицы как целиком независимый класс слов. Характерную особенность этого класса лексем они видели в том, что ИС могут выражать как общие свойства, присущие индивиду, так и личные. Термином “имя” школой Платона обозначался как класс собственных, так и нарицательных (Платон 1968).

Учение, опровергающее теорию Платона об именах, зародилось в эпоху Просвещения. Его выразителем стал английский философ Т. Гоббс (Гоббс 1991). Т. Гоббс высказал предположение касательно произвольности появления имен и об отсутствии любой связи между именем и предметом, который оно называет: “имя есть произвольно выбранное в качестве метки с целью возбуждения в нашем уме мыслей, сходных с нашими мыслями... Я считаю возникновение имен результатом произвола...” (Гоббс 1991: 18).

Последователем данного подхода изучения ИС является выдающийся английский логик XIX века Дж. С. Милль (Милль 2011). Выдвинутые им положения относительно значения слова легли в основу многих дальнейших лингвистических теорий (Милль 2011). Вслед за Т. Гоббсом, Дж. С. Милль исследовал ИС как результат произвольного, безосновательного выбора. Сравнивая собственные и нарицательные имена, он ввел понятие “коннотирующих” и “неконнотирующих” имен. Первый термин употреблялся по отношению к именам, обозначающих только субъект с определенным признаком; второй – для имен, которые обозначают субъект без определенного признака. Исследуя природу слова с этой позиции, Дж. С. Милль пришел к выводу о том, что ИС не коннотируют и ничего не значат (Милль 2011).

Теорию произвольности языкового знака находим также в работах самого известного лингвиста XX века Ф. де Соссюра (Соссюр 1977). Именно Ф. де Соссюром понятийная сущность лингвистического знака определяется как двусторонняя зависимость означаемого и означающего, связанных по принципу произвольности (Соссюр 1977).

Точка зрения, относительно которой имена – только ярлыки именуемых объектов, которые лишены собственного лексического значения,

объединяет теории многих ученых. Среди них выделяется имя известного лингвиста А. Гардинера (Gardiner 1940), который разработал теорию ИС. Основной целью его теории явилась адаптация концепции Дж. С. Милля о коннотирующих и неконнотирующих именах (Милль 2011), к общей теории семантики и структурной лингвистики. Изучая ИС в языке, А. Гарднер выделил среди них три класса. Первый класс – это так называемые “воплощенные имена” (англ. “embodied”, укр. “втілені”), которые находятся в непосредственной связи с конкретным носителем имени. Им противопоставлены так называемые “развоплощенные имена” (англ. “disembodied”, укр. “розрізнені”), которые существуют непосредственно в языке и являются предметом изучения в области этимологии, частотности или дистрибуции ИС. Третий подкласс составляют “частично развоплощенные имена”, которые в большинстве своем являются результатом использования ИС во множественном числе (*Johns*) или употребление проприальных единиц вместо имен нарицательных (*Every country has its Babylon*) (Gardiner 1940: 15–23).

1.1.3 Значительный вклад в развитие общей теории ИС внесла А.В. Суперанская (Суперанская 2009). Анализируя семантические особенности ономастической лексики, А.В. Суперанская пришла к важному выводу о том, что семантика ИС не может сводиться только к значению апеллятива: “...поскольку все имена собственные в конечном счете происходят от нарицательных, их семантика вторичная и более сложная” (Суперанская 2009: 91). Семантика ИС осложняется за счет наличия в них социокультурной информации. Исследовательница подчеркивает, что лексическое содержание морфем ИС не может быть основным при определении его значения; необходимо учитывать тот факт, что имя собственное – явление социальное (Суперанская 2009: 264). Опровергая теорию о наличии понятий в ИС, А. В. Суперанская указывает на то, что семантический треугольник ИС “вытягивается в линию” (Суперанская 2009: 125), поскольку ИС не имеют сигнификатов. Однако это предположение представляется спорным. Предпринятый в предложенном исследовании анализ традиций имянаречения в староанглийский период свидетельствует о том, что в древнеанглийской мужской антропонимике сигнификатом могло выступать, например, понятие “воин”. Отмечается также, что ИС могут выражать некоторые абстрактные понятия, но они демонстрируют несколько другую, своеобразную связь с этими понятиями, нежели имена нарицательные.

Гипотеза о наличии социокультурного компонента в семантической структуре ИС развивалась в теории Е. М. Верещагина та В. Г. Костомарова

о лексическом фоне ономастических единиц (Верещагин, Костомаров 1990). Авторы определяют лексический фон как совокупность непонятийных семантических долей в составе семемы слова (Верещагин, Костомаров 1990: 25–26). При этом, исследователи отмечают, что семеме слова и его сигнификат определяет не только и не столько лексическое понятие этой семемы, сколько лексический фон с количественным преимуществом семантических долей над лексическим понятием (Верещагин, Костомаров 1990: 27). Сверхпонятийный компонент слова детерминируется фоновыми знаниями как представителей отдельных этносов, так и человечества в целом. Описывая роль лексического фона антропонимической лексики, Е.М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечают, что ИС может быть действительно лишено лексического понятия, но его лексический фон оказывается обширным и качественно сложным (Верещагин, Костомаров 1990: 170).

Следовательно, сопоставление семантических структур имени нарицательного (слово) и антропонима (имя), с учетом лингвострановедческой теории слова, дает возможность представить их в виде таких схем: слово = лексема (или звуковая оболочка) + семема (лексическое понятие + лексический фон). Имя = лексема (звуковая оболочка) + семема (только лексический фон) (Чурсина 2002). Данное сопоставление выявляет то, что семеме или плану содержания антропонима составляют сверхпонятийные семантические компоненты, которые в контексте структуры слова приобретают статус понятийных семантических долей, поскольку лексический фон рассматривается как составляющая часть семемы, а семема выражает план содержания слова. Таким образом, в имени нарицательном *table* ‘стол’ семема определяется через дефиницию *a piece of furniture with a flat top supported by one or more upright legs* ‘тип мебели в виде горизонтально укрепленной на ножках широкой доски’ (Collins English Dictionary and Thesaurus 2011: 1346). В имени личном *Edward* семема определяется фоновыми знаниями: *a royal and also saintly name chiefly because of Edward the Confessor, it has always been popular. Famous 20th-century bearers are Edward Kennedy, Edward Heath, Prince Edward* ‘имя, которое принадлежало королям и святым. Всегда пользовалось популярностью в основном из-за ассоциации с личностью Эдварда Завоевателя. Известными носителями XX в. являются Эдвард Кеннеди, Эдвард Гиз, Принц Эдвард’ (Hanks, Hodges 1996: 63).

В этом исследовании базовым является мнение о том, что именно лексический фон ИС может рассматриваться как составляющий его понятийный компонент. К основным компонентам лексического фона относят историю и этимологию имени, энциклопедическую информацию, заложен-

ную в имени, его стилистическую окрашенность и поэтику (Верещагин, Костомаров 1990: 224).

Анализ этимологии антропонимов, предложенный Д. К. Зелениным, В. И. Чернышовым, Л. Данклингом, Б. Сельтенем, Г. Штемом (Зеленин 1994; Чурсина 2002; Dunkling 1993; Selten 1972; Storm 1939), проводится на основании этимологического анализа апеллятивных основ, которые входят в состав ИС. В результате данного анализа Л. Данклинг выделяет такие классы имен: дескриптивные (*Thomas* – древнеевр. “близнец”), конвертированные или фразовые (*Abigail* – древнеевр. “отец – моя радость”), трансформированные (оттопонимические, отантропонимические – *Cliford*), выдуманные (*Miranda*), имена-связки, в основе которых древнееврейское имя *Jehova* > *John, Joan* (Dunkling 1993: 26–27).

Более релевантным типом информации для анализа лексического фона антропонимов является энциклопедическая информация. Теория об энциклопедическом значении имени была разработана В. И. Болотовым в научной работе “К вопросу о значении имен собственных” (Болотов 1972). Согласно этой теории энциклопедическое значение антропонима состоит из общего и индивидуального компонентов (Болотов 1972: 5). Общий компонент значения указывает на связь понятия, лица и определенного антропонима, а также определяет социальные поля, в том числе ограничительные факторы места и времени. Индивидуальный компонент энциклопедического значения антропонима охватывает весь спектр оценок конкретного денотата членами различных социальных полей. Индивидуальный компонент, в отличие от общего, всегда эмоционально окрашен и субъективен (Болотов 1972: 6–8).

Соотношение индивидуального и общего компонентов, составляющих энциклопедичность имени, несколько иначе трактуется В. Г. Костомаровым и Е. М. Верещагиным (Верещагин, Костомаров 1990). Ученые выделяют имена с так называемой групповой информацией, которые аналогичны именам-биркам, которые функционируют с целью идентификации и различия индивидов в обществе. К именам с групповой информацией также относятся и репрезентативные имена, которые являются символами определенной нации, например, Иван – символическое русское имя (Верещагин, Костомаров 1990: 175). Именно совокупность групповой и индивидуальной информации в имени раскрывает его историко-культурные импликации.

В данном исследовании в основе теоретического подхода к анализу энциклопедической информации проприальных единиц лежит концепция А. В. Суперанской (Суперанская 2009: 91), согласно которой энциклопедическая информация включает в себя характеристики или описание конк-

ретных денотатов и обычно представлена в антропонимических словарях (Суперанская 2009: 91). К энциклопедической информации имени лингвист относит не только тот комплекс сведений, который появляется у говорящего в результате знакомства с объектом, но и сумму предварительной информации об объекте, которую он может получить, никогда при этом его не видев (Суперанская 2009: 259). Взаимосвязь указанных типов информации проявляется в следующем: антропоним актуализируется в речи; для введения его в речь необходимо иметь первоначальное языковое и экстралингвистическое знание о нем. По мнению А. В. Суперанской, без этих звеньев функционирование ИС в речи невозможно.

Более детальный список единиц лексического фона антропонимов предоставляет Н. В. Алейникова в работе “Закономерности функционирования антропонимов в художественном произведении” (Алейникова 1991: 26–39). Согласно теории Н.В. Алейниковой, к компонентам лексического фона антропонимов следует также отнести этимологию имени, дистрибуцию ИС по родам, словообразование ИС, функционирование ИС в составе фразеологизмов, возраст имени, его употребительность, территориально-национальный колорит, который определенным образом указывает на социальную идентификацию (Алейникова 1991: 26–39). Рассматривая описанные компоненты, считаем целесообразным также учитывать и обстоятельства возникновения имени в антропонимиконе определенного этноса. Именно представление о культурно-историческом фоне, который сопровождает возникновение онимов, формирует в определенной мере социально-культурную информацию антропонимов (например, антропонимы *Mercy, Faith, Prudence* выступают как маркеры эпохи Реформации).

Новаторский подход к раскрытию значения ИС через их лексический фон предложен А. А. Чернобровым (Чернобров 1994). В результате эксперимента А.А. Чернобров проанализировал ассоциативные цепочки определенных английских антропооснов и на этом основании определил понятийный компонент ИС. Автором были выделены ассоциации с определенными экстралингвистическими реалиями, с фразеологическими и свернутыми предикативными единицами, коннотирующими и фонетическими характеристиками имен. Результатом эксперимента явилась разработка ассоциативного словаря ИС (Чернобров 1994).

Ассоциативности антропонимических единиц посвящена работа Т.Е. Никольской, в которой исследуется ассоциативное поле русских ИС. (Никольская 1996). Источником формирования ассоциативного поля, согласно концепции Т.Е. Никольской, является ментальный универсум – “со-

вокупность представлений о мире, которые существуют в сознании носителей языка, он отражает факты историко-культурного развития общества в их взаимосвязи” (Никольская 1996: 188). В результате лингвистического эксперимента автором было выделено два типа ассоциаций: лингвистические и нелингвистические. В основе лингвистических ассоциаций ИС – фонетическое сходство антропонима и апеллятива, рифма, цитата, этимология, словообразовательные отношения. Нелингвистические ассоциации основываются на фоновых знаниях говорящих. Результаты эксперимента дают возможность исследователю сделать вывод о том, что “ассоциативное поле ИС – не аморфное явление, а структурированный семантический уровень” (Никольская 1996: 190).

Таким образом, в современном английском антропонимиконе существует значительный пласт единиц с семантикой, осложненной социокультурным компонентом, который рассматривается как один из экспликаторов оценки в значении антропонимов. Поэтому целесообразным считается анализ специфической семантической структуры антропонимической лексики с учетом лингвистических и экстралингвистических компонентов в их составе.

1.2 Категория оценки и ее интерпретация в современной лингвистике

1.2.1 Категория оценки универсальна, поскольку не существует языка, в котором отсутствовало бы представление о “хорошем-плохом”. Как отмечает В.В.Виноградов, “слово не только обладает грамматическими, лексическими и предметными значениями, но в то же время выражает оценку субъекта...” (Виноградов 1977: 24). Данное определение подходит для описания особенностей функционирования ИС в антропонимических системах разных языков.

Оценку можно изучать двупланово: как категорию логики и как лингвистическую категорию (Бессонова 1995: 12). В логике оценка определяется как суждение о ценностях (Ивин 1970). Оценить – значит выразить мысль, рассуждение о ценности или значения кого-либо или чего-либо. Основная сфера значений, которые традиционно соотносятся с оценочными, связана с признаками “хорошо – плохо”. С предикатами “хорошо” “плохо” ассоциируется представление об оценке и в лингвистике (Бессонова 1995: 12). В этой работе оценочное значение понимается как “информация, которая содержит сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого, выделенному относительно того или иного ас-

пекта рассмотрения некоторого объекта ” (Телия 1986: 98). Оценку можно определять по разным признакам, однако основная сфера оценочных значений связана с оппозицией “хорошо – плохо”.

В работе исследуется абсолютная оценка, которая в отличие от сравнительной ‘всегда учитывает оценочные стереотипы говорящих, что и является одной из основных ее особенностей’ (Вольф 2009: 204).

Одним из элементов структуры оценки является аксиологическая шкала, которая может быть представлена в виде разнообразных моделей. При определении оценки антропонимической лексики мы придерживаемся аксиологической модели, разработанной Н. Д. Арутюновой (Арутюнова 1990), О. Л. Бессоновой (Бессонова 1995; Бессонова 2002), О. М. Вольф (Вольф 2009), Д. Болинджером (Bolinger 1972; 1975), А. Вежбицкой (Вежбицкая 1996), Э. Сепиром (Сэпир 1993). Согласно этой модели норма оценки содержится не в середине шкалы, а совпадает с ее позитивным краем. Таким образом, норма приобретает аксиологическую функцию и воспринимается как нечто “нормальное”, а значит, “позитивное”, в то время как лексические единицы со значением “отклонение от нормы” воспринимаются как “негативное”. Например, имя *Rhonwen* (*f*) (Hanks, Hodges 1997) образованное от апеллятива *rhawn* ‘волосы’ та *gwen* ‘белый’, популярное среди валлийцев. Стойкая популярность антропонима обусловлена его ассоциацией с именем лирической героини валлийской средневековой поэзии, которую авторы восславляли как эталон национальной красоты. То есть такие признаки внешности, как светлые волосы, воспринимаются как норма, которая дает основание маркировать единицу как позитивно-оценочную.

Н. Д. Арутюнова (Арутюнова 1990), О. Л. Бессонова (Бессонова 1995; Бессонова 2002) и О. М. Вольф (Вольф 2009) предполагают, что с понятием нормы связано и количественное преимущество негативной оценки над позитивной. Обычно человек не концентрирует внимание на событиях или ситуации, когда ему хорошо. Но, когда человеку плохо (имеется ввиду отклонение от нормы), он привлекает целый ряд способов для того, чтобы об этом сообщить. Очевидно, именно с этой психологической особенностью человеческого мышления связано пристальное внимание лингвистов к изучению негативной оценки. В целом в системе языка “негативные коннотативные поля в количественном отношении более мощные, чем поля с позитивной коннотацией” (Бессонова 1995: 14).

По мнению многих лингвистов, например, Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1990), Г. П. Лукаш (Лукаш 2011 а; б), О. А. Постниковой (Постникова 2009), позитивная оценка занимает базовое место в словаре. Анализ коли-

чественного соотношения позитивно или негативно маркированных единиц в корпусе исследования также свидетельствует о преобладании позитивно-оценочных антропонимов. Обогащение лексики положительными оценками, которые совпадают с нормой, демонстрирует влияние на лексику прагматического фактора. Говорящий стремится устранить, смягчить неприятные темы, сообщения, воздержаться от имянаречения, имеющего неприятные коннотации, и, таким образом, обращается к позитивным оценкам.

1.2.2 В этой работе используется семантическая классификация, предложенная С.С. Хиддекель, в пределах которой выделяют рациональную, эмоциональную и рационально-эмоциональную оценки (Хиддекель 1983).

Рациональная оценка базируется на оценочных критериях общественного опыта носителей языка. В лингвистике существует много терминов для обозначения этого типа оценок: логическая оценка (Ивин 1970), интеллектуально-логическая (Арнольд 1974), деонтическая (Арутюнова 1988). Рациональная оценка ориентирована на референт и определяется на основе объективных признаков, присущих денотату, т.е. на основе соотношения с картиной мира референтов. Примерами могут служить единицы древнеанглийского образования имени *Alfred* < *Ælfred* *Ælf* – эльф, *Woden* < *Odinn* – Один, имя верховного бога в скандинавской мифологии (Рыбакин 1989). Строение шкалы рациональной оценки логически основывается на оппозиции “норма – отклонения от нормы”, другими словами + / – оценки. Оппозиция “норма – отклонения от нормы” может расширяться и интерпретироваться в виде таких противопоставлений: умный – глупый; правдивый – неправдивый; добрый – злой и т.д. Таким образом, рациональная оценка связана со стремлением логично обосновать определенное решение.

Эмоциональная оценка базируется на оценочных переживаниях, чувствах, эмоциях, т.е. эмоциональная оценка ориентирована на эмоциональное отношение говорящего к предмету оценки, например, гипокористики *Annie*, *Mickey*, *Danny* (Hanks, Hodges 1996), редуцированные имена *Lulu*, *Fifi*, *Vivi/Viva* (Freedman 1997), имена-национальные символы, выражающие национальную неприязнь или даже враждебность *Micky* < *Michael*, *Paddy* < *Patrick* (Рыбакин 1989) (оскорбительные, уничижительные формы именования ирландцев). Этот тип оценки также называют эмотивным (Телия 1986; Шаховский 1987; Говердовский 1985), эмоциональным, эстетическим (Арутюнова 1988). По мнению О. Л. Бессоновой, такая оценка является более прагматически ориентированной, поскольку эмоции являются той “рекомендательной силой”, которая определяет поведение говорящего в процессе коммуникации (Бессонова 1995: 17).

Определение шкалы эмоций очень сложное задание. Лингвистический подход к решению этой проблемы базируется на исследовании проблемы эмоций в психологии и физиологии (Апресян 1983; Гаспаров 1996; Гоббс 1991; Ивин 2005). По данным Р. Г. Апресяна, приблизительный “словарь эмоций” содержит 5000 – 6000 терминов (Апресян 1983). Отсутствие четкого определения эмоции препятствует теоритическому обоснованию и построению эмоциональной шкалы. Вместе с тем такие эмоциональные явления, как эмоции, чувства, аффекты, настроения, установки, мотивы и побуждения, выделяются в один смысловой комплекс. Эмоции в духовной деятельности выполняют ценностно-ориентированную, прогностическую, интегральную, оценочную и коммуникативную функции. Основной оппозицией эмоциональной шкалы является противопоставление “одобрение – осуждение”, которое можно трансформировать в + / – оценку. Четко распределить эмоционально оценочные наименования по аксиологической шкале достаточно трудно, поскольку большинство из них выражает несколько эмоций, их окраска отмечается разнообразием оттенков.

Основываясь на подход выделения видов эмоциональной оценки, который был предложен В.И. Шаховским (Шаховский 1987; 1991), выделяем такие виды эмоциональной позитивной оценки антропонимической лексики (приведенные примеры принадлежат автору монографии): 1) ласковость (чаще всего реализуется в именах женщин и детей – *Honey (f)*, *Darlene (f)*); 2) игривость (*Winnie (m, f)*, *Piggy (m)* – наблюдательно-прозвищные наименования толстого человека, ребенка); 3) восхищение (*Goldie (f)*, *Pearl (f)* – имена, образованные от названий драгоценных камней); 4) одобрение (оттапелятивные антропонимы *Dexter (m)* – лат. *dexter* ‘правый’, *Manley (m)* – фонографическая ассоциация с прилагательным *manly* ‘мужественный’); 5) шутливость (*Queenie (f)* как семантический дериват имени *Victoria*).

В рамках эмоциональной негативной оценки выделяем такие типы: 1) осуждение (*Tinker (m)* – англ. *tinker* ‘делать что-то некачественно, неаккуратно, кое-как’); 2) неуважение (*Norris (m)* – норм. *norreis* ‘север’ неуважительное наименование переселенцев и жителей севера); 3) обида (*Jock (m)* ассоциируется с обидным именованием шотландца).

Анализируя языковой материал, можно предположить, что с эмоциями могут быть связаны разные виды оценок – как сенсорные, так и этические, эстетические и т.д. Кроме того, предполагаем, что существует разрыв между широкой шкалой эмоциональных оценок с оттенками от ласковости до уничижения и лексикографической практикой, маркирующей их одной отметкой.

Занимая разное место в структуре значения антропонима, оценка может быть компонентом денотата или коннотации. То есть, относительно одних сфер деятельности субъект актуализирует способности логического восприятия, а относительно других – чувственно-образного. Однако, когда суждения и переживания находятся в ограниченном единстве, речь идет о рационально-эмоциональном типе оценки (Бессонова 1995: 19).

В контексте лексико-семантического анализа проприальной лексики релевантными признаками наличия в антропониме рационально-эмоционального типа оценки являются оценочное значение апеллятивной основы имени (интенционал) и референтные коннотации, т.е. экстралингвистические признаки имени – информация об известных носителях и т.п. (слабый импликационал). Например, исключительно лингвистическая характеристика имени *Bill* или его интенционал включает такие признаки: гипокористик мужского имени *William* германского происхождения, апеллятивная семантика которого базируется на пожелательных для германцев формантах *wil* ‘свобода’+ *helm* ‘шлем, защита’. К сильному импликационалу современные носители языка могут отнести такие признаки, как состоятельный человек, компьютерный гений (ассоциация имени с личностью Билла Гейтса, *Bill Gates*). К слабому импликационалу принадлежат характеристики внешности, характера, деятельности более известного носителя имени, а также признаки всех других носителей. Следовательно, рационально-эмоциональный тип оценки объединяет в себе как исключительно лингвистические оценочные характеристики антропонима, так и фоновые знания об известных носителях, которые обогащают лексический фон имени и придают его семантике дополнительного оценочного значения.

Лексикографическими критериями выделения смешаного типа оценки является семантическая часть словарной статьи, в которой фиксируются лингвальные признаки имени, и предметная часть, содержащая помету, которая традиционно фиксирует коннотативные признаки. Например, в словарной статье имени Бланш *Blanche (f)*: originally a nickname for a blonde from *blanche*, feminine of Old French *blanc* ‘white’. ***It came to be associated with the notion of whiteness as indicating purity*** (Hanks, Hodges 1996) имеется ассоциация имени с понятием белого цвета и чистоты. Этот коннотативный признак соотносит имя *Blanche (f)* с позитивным концом аксиологической шкалы. Следует отметить, что смешанный характер оценки может быть идентифицирован не только при помощи дифиниции и функционально-стилистических и эмоционально-оценочных помет. Как дополнительная информация воспринимаются пометы, которые маркируют ограничение значения

временным или пространственным ареалом, например: англ. *old fashioned* ‘старомодное’, *out of active use as a given name* ‘неактивно употребляется как имя’, *dated* ‘устаревшее’, *popular in G.B., USA, Fr.* ‘широко употребляемое в Великобритании, США, Франции’ и т.д., например: *Warren (m): popular in the USA after General Joseph Warren, a hero of the American Revolution* (Hanks, Hodges 1996).

Следует отметить, что все “сопровождающие” смысловые элементы должны фиксироваться в лексикографических источниках. Некоторые из исследователей подчеркивают тот факт, что в переводных словарях часто отсутствуют указания на коннотации слов, без чего “перевод превращается в бестелесный скелет и не является литературным произведением ” (Гак 1979: 89).

Следовательно, антропонимы с оценочным компонентом формируют значительный пласт лексики английского языка. Целесообразным представляется рассмотрение роли оценочного компонента в значении антропонимической лексики.

1.3 Оценочный компонент значения антропонимических единиц

1.3.1 Как указывалось выше, проприальные единицы имеют денотативное значение и могут приобретать в процессе функционирования в антропонимиконе коннотативную окраску. Анализ коннотативного аспекта семантики антропонимической лексики предусматривает уточнение центральных вопросов, связанных с коннотативным потенциалом проприальных единиц, поскольку сам термин “коннотация” не имеет четкого однозначного определения. Представители разных научных школ предлагают собственные интерпретации этого термина, собственное понимание объема этой категории и ее свойств (Балли 2009; Барт 1994; Винокур 2009; Елмслев 2006; Леонтьев 2001; Сапожникова 2003; Скребне 1975; Смирницкий 1995; Телия 1981; Тульнова 2000; Филиппов 1978; Шмелев 1973; Burge 1973; Chafe 1971; Davison 1983; Ehrlich 1999; Horst 1970; Smith 1956).

Следует отметить, что общим выводом всех исследователей категории коннотации является понимание ее как дополнительного модального значения слова. Диапазон мыслей относительно решения проблемы коннотации варьируется от признания до непризнания анализируемого явления в значении слова. Все это дает основания выделять несколько теорий коннотации: философскую, семиотическую, психолингвистическую, стилистическую, лингвистическую. В предложенном исследовании особое внимание уделяется семиотическому, психолингвистическому и собственно лингвисти-

ческому направлениям исследования коннотативного аспекта семантики слова, поскольку все они взаимосвязаны.

Представителями семиотической интерпретации коннотации являются Л. Ельмслев, Р. Барт (Барт 1994; Ельмслев 2006), которые называют явление коннотации “коннотаторами” и исследуют его в тесной связи с “денотатором” (денотативной семантикой).

Психолингвистическое трактование коннотации приведено в работах А.А. Леонтьева, А.А. Залевской (Леонтьев 2001; Залевская 1999; 2007). Ученые утверждают, что основу коннотации составляет ассоциативная и эмоциональная организация речи.

С сугубо лингвистической точки зрения изучают коннотацию представители лингвистического направления Э. С. Азнаурова (Азнаурова 1973), И. В. Арнольд (Арнольд 1999), Ш. Балли (Балли 2009), Л. М. Буштян (Буштян 1985), Г. П. Лукаш (Лукаш 2011 а; б). При условии разных подходов к вопросу о коннотации слова возникает проблема более четкого определения характеризуемого понятия. Так, Ш. Балли, основоположник направления, интерпретировал коннотацию как “стилистическое понятие” (Балли 2009); Л. А. Новиков – “эмотивное значение” (Новиков 2001); В. Г. Винокур, Ю. М. Скребнев – “стилистическое значение” (Винокур 2009; Скребнев 1975); Д. М. Шмелев – “эмоциональное наложение” (Шмелев 1973); В. Г. Гак – “потенциальные признаки” (Гак 1990). Разные интерпретации коннотации привели к возникновению разных толкований соответствующего термина.

В этом исследовании, поддерживая взгляды И. В. Арнольд (Арнольд 1999), Л. Г. Бабенко (Бабенко 1989), Ю. М. Карауловой (Караулов 2010), И. М. Кобозевой (Кобозева 2007), Н. А. Лукьяновой (Лукьянова 1986), С. Г. Фроста (Фрост 2006), под коннотацией понимаем направленную на прагматику категорию, которая охватывает большое количество эмоциональных, стилистических, оценочных окрасок. При этом С. Г. Фрост подчеркивает, что “несмотря на субъективный характер происхождения эмоциональных качеств языка, они являются указаниями не на индивидуального пользователя языковым знаком, а на языковой коллектив и, вследствие этого, представляют собой объективные особенности языковых значений” (Фрост 2006: 14).

Особый интерес и ценность для данного исследования представляют работы по ономастической коннотации (Беліцька 2000; Лукаш 2011; Кисель 2009; Олійник 2001; Отин 2000). Так, например, Л. М. Буштян определяет коннотацию ИС как комплексное социально-лингвистическое явление

ние с экстралингвистической природой (Буштян 1982). Ономастическая коннотация включает эмоциональность и дополнительную информацию языкового знака. Эта информация может иметь разную природу в зависимости от национально-культурного, социального и возрастного уровня говорящего.

1.3.2 Оценка, которую традиционно относят к компонентам коннотативного объема слов, в подсистеме антропонимов актуализируется в процессе имянаречения и в процессе функционирования имени в коммуникации. Вслед за О. В. Кисель в процессе исследования антропонимической оценки выделяем составные оценки, которые опираются на экспрессивную характеристику носителя имени: 1) личностная составляющая (гипокористики личных имен) (Кисель 2009: 75); 2) социальная составляющая (отношение к общеизвестному имени на основе общенациональных и групповых стереотипов); 3) регистрационная составляющая (употребление дериватов в официальной и неофициальной сферах) – *Tony Blair*, в то время как полная форма имени – *Antony*. На пресс-конференции американский политик заявил, что работал с *Jack Kennedy* и *Joe Califano*, *Cy Vanse*. Указанные формы имен не характерны для стандартных именований, но в этом случае они выражают эмоционально-позитивную оценку с оттенком фамильярности, благодаря чему говорящий подчеркнул свою личную близость к указанным политикам (Ермолович 2001: 190).

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что антропонимы с коннотативным значением и оценочным компонентом в его составе могут характеризоваться такими особенностями употребления (ниже приведены примеры О. А. Постниковой (Постникова 2009):

1) в составе устойчивых выражений, фразеологизмов, пословиц, сравнений: “*I hear he’s as generous as Robin Hood, his wife is an amazing cook, and his kids are smart as Albert Einstein*” (Постникова 2009: 13). – ‘Я слышал, что он щедрый, как Робин Гуд, его жена чрезвычайно вкусно готовит, а его дети – умные, как Альберт Эйнштейн’;

2) с артиклем, притяжательным, указательным, неопределенным, возвратным местоимением: “*Moreover, it would have taken a Rockefeller to decorate it, for it soaked up baubles and tinsel like melting snow*” (Постникова 2009: 13). – ‘Более того, нужно было быть Рокфеллером для того, чтобы украсить это, ведь понадобились разные безделушки и мишура для имитации талого снега’;

3) в форме множественного числа: “*...the young John Bulls should get to know young Uncle Sams – but nine out of ten of the people on these islands*

simply cannot afford it” (Постникова 2009: 14). – ‘...молодые англичане должны знакомиться с молодыми американцами – но девять из десяти на этом острове просто не могут себе этого позволить’;

4) в группе однородных членов предложения рядом с общими существительными и прилагательными: *“Joanna, the faithless, the betrayer: Joanna, who mocked him, whispered about him behind his back, trapped and tortured him. Joanna Eve”* (Постникова 2009: 143). – ‘Джоанна, вероломная предательница: Джоанна, которая смеялась с него, осуждала его за его спиной, изменяла ему и издевалась над ним. Джоанна Ив’;

5) в функции определения или части составного именного сказуемого: *“She was wearing something very like a man’s evening suit, made in dark velvet, and looked remarkably elegant. I was beginning not to notice her Gordon face”* (Постникова 2009: 14). – ‘На ней было надето что-то вроде необыкновенно элегантного мужского костюма из темного бархата. Я начал не замечать ее серьезного лица’.

Предложенную классификацию нельзя считать исчерпывающей. Однако, если антропоним соответствует всем вышеуказанным критериям, или по крайней мере большинству из них, можно уверенно определять его таким, который имеет оценочный компонент в семантической структуре; такой антропоним должен иметь соответствующие пометы в специализированных антропонимических словарях или справочниках.

Оценочные антропонимы передают важную фоновую культурно-историческую информацию, которую необходимо знать лингвистам, которые изучают английский язык или культуру, и желательно знать тем родителям, которые хотят назвать ребенка именем с релевантной семантикой. Для того, чтобы оптимизировать имянаречение и научное исследование антропонимики возникает необходимость создания антропонимических словарей и справочников с более подробной системой указаний и обозначений, которые предоставляют развернутую информацию о денотативном и коннотативном значении антропонимов, на основе которых говорящий воспринимает имя как достойное или недостойное, хорошее или плохое. В последнее время делаются попытки формирования специализированных словарей, в которых учитываются коннотативные элементы семантики ИС (Ермолович 2001; Катермина 1998; Отин 2004). Создание таких антропонимических словарей имеет большое значение для лингвистов и участников процесса имянаречения.

1.3.3 Эмотивность, как один из аспектов коннотативного значения слова, очень плотно коррелирует с оценочным компонентом. Категория эмо-

тивности интерпретируется как уникальное сочетание информации об аксиологических ориентирах социума и связанные с ними типичные эмоции (Азнаурова 1973: 230).

По мнению О. В. Кисель, эмотивный компонент в коннотативном аспекте семантики антропонимов трактуется как благозвучие имени, поскольку звучание имени непрямо связано с его значением, на основе благозвучия можно проследить позитивную или негативную оценку определенной антропонимической единицы (Кисель 2009).

Принцип благозвучия не менее важен и для учених, которые занимаются переводом. Д. И. Ермолович отмечает тот факт, что во время перевода встречаются звукосочетания, которые вызывают в целевом языке неприятные и нежелательные ассоциации с лексикой пониженного регистра, включая вульгаризмы и ругательные слова. Исследователь приводит пример перевода немецких личных имен с начальным слогом *her-*: *Herbert*, *Hermann*, *Hermione*, в которых осуществляется традиционная перемена начальной [х] на [г] для благозвучия имени: Герберт, Германн, Гермiona (Ермолович 2001).

Л. Т. Фатыхова в процессе фоносемантического анализа русских и татарских имен приходит к выводу о том, что фонетические характеристики имени непосредственно связаны с его семантикой: “во-первых, фоносемантика имени в значительной степени маркируется фонемограммой и имеет вариативный характер: во-вторых, содержательность звуков в оболочке собственного имени коррелирует с его собственными свойствами; в-третьих, звуковая емкость при восприятии и интерпретации извне может быть по разному маркированной ” (Фатыхова 2006: 253).

Существование указанной тенденции отмечает А. Н. Антышев (Антышев 2001), считая благозвучие основным и традиционным мотивом имяназвания в языке. “Понимание красоты и уродства имен может, в первую очередь, достаточно широко варьироваться и зависеть от многих гетерогенных факторов, среди которых более существенным и достаточно многогранным является социальный статус того, кто дает имя, в котором присутствует информация о происхождении, уровне образования, роде деятельности, вероисповедании и знании своей родословной, увлечениях и т.д., создающие единый конгломерат социальной личности ” (Антышев 2001: 206).

Опираясь на мысль А.Н. Антышева, приходим к выводу о том, что благозвучие является категорией, которая учитывается в процессе имяназвания в любом языковом коллективе, а значит, является универсальной категорией в подсистеме проприальной лексики вообще.

Следовательно, коннотативный объем значения антропонимических единиц понимается как совокупность эмотивных, стилистических и оценочных окрасок, которые адекватно интерпретируются не только отдельными языковыми личностями, но и языковым коллективом в целом. Оценка, являющаяся частью коннотативного значения антропонимов, актуализируется в процессе имянаречения и в процессе функционирования имени в коммуникации. Основанием оценки в значении антропонимов может служить комплекс таких признаков, как родное – иностранное, редко – часто употребляемое, активное – пассивное, знакомое – незнакомое, созвучное с позитивно-оценочными – негативно-оценочными единицами вокабуляра, тождественное именам достойных – недостойных носителей, деривационная активность – пассивность и специфические контекстуальные условия употребления имен в речи.

В настоящей работе целесообразным представляется рассмотрение особенностей лексикографической фиксации оценочного компонента в семантической структуре английских антропонимов.

1.4 Особенности лексикографической репрезентации оценочного значения английских антропонимов

1.4.1 Предлагаемый подраздел посвящен анализу толкования английских антропонимических единиц общелингвистическими и антропонимическими словарями, при этом основное внимание уделяется наличию социокультурного компонента в семантике антропонимов. Исследование семантики антропонимов предлагается осуществить путем анализа социокультурного компонента и контекстологического анализа. Известно, что идея компонентной организации значения базируется на представлении о том, что значение слова – это упорядоченная структура большого количества элементарных единиц. В лингвистической литературе описано много способов выделения сем (Аскольдов 1997; Болотов 1972; Буштян 1985), однако все они сводятся к дефиниционной методике, сущность которой состоит в том, что дифференциальный признак значения слова устанавливается на основе дефиниций или толкований слова, которые содержатся в лингвистических словарях.

Поскольку лексическая система языка пронизана гипо-гиперонимическими отношениями, последовательный, иногда многоуровневый анализ словарных дефиниций (трансформаций объяснения) дает возможность выявить систему основных лексико-семантических категорий, субкатегорий, их иерархию и близость (Шеремет 1984).

Таким образом, исследование словарных дефиниций является эвристически эффективным не только потому, что на основе подобия опорных слов дефиниций получаем операциональный метод установления узуральных (а не окказиональных) лексико-семантических категорий, но также и потому, что оно дает основу для компонентного анализа, т.е. установления семного состава лексических значений. Поэтому, исследуя проблему значения английских антропонимов, считаем целесообразным установить, каким образом раскрывается и описывается семантика слов этого типа в лексикографических источниках.

1.4.2 К изучению вопроса лексикографической обработки английских антропонимов были привлечены авторитетные английские и американские антропимические словари *The Wordsworth Dictionary of First Names*, составитель Т. Фридман (Freedman 1997), *Dictionary of First Names* под редакцией П. Хэнкса и Ф. Ходжес (Yanks, Hodges 1996), *Butler's Lives of the Saints*, составители А. Батлер, Д. Атватер (Butler, Attwater 1954), преимущественно имеющие этимологический характер, а также толковые английские и американские словари *Collins English Dictionary and Thesaurus* (Collins English Dictionary and Thesaurus 2011), *Macmillan English Dictionary* (Macmillan English Dictionary 2002), *Oxford English Dictionary (twenty volumes)* под редакцией Дж. Симпсона (Simpson 1989) та *Webster's Third International Dictionary of the English Language* (Webster's Third International Dictionary of the English Language 1993). Выбор именно этих словарей обусловлен богатой лексикографической традицией ономастических словарей и авторитетностью общелингвистических лексикографических изданий.

Опираясь на подход к анализу лексикографической репрезентации языковых единиц А. И. Киселевского (Киселевский 1977), в структуре словарной статьи антропонимов различаем семантическую и предметную части. По мнению А. И. Киселевского, семантическое описание, в отличие от предметного, содержит элементы, которые указывают лишь на лингвальные признаки. В нашем случае, это указание на то, что антропоним является существительным, функционирует в форме гипокористика, характеризуется определенными фонографическими нормами. Предметная часть содержит развернутые эмпирические описания, которые предоставляют подробную характеристику лиц реальной действительности и библейских персонажей (Киселевский 1977: 16). Именно эта часть словарной статьи содержит описание всех деталей экстралингвистической сферы и может содержать указание на наличие оценочного компонента значения антропонима. Например, в словарных статьях антропонимов *Anna* и *Charles* словаря Webster's Third

International Dictionary of the English Language в семантической части описания указывается, что *Anna* – это существительное, женское имя, имеет гипокористичекую форму *Annie*. *Charles* – это существительное, мужское имя с гипокористическими вариантами *Charley*, *Charlie*. Предметная часть словарной статьи содержит информацию об известных носителях имен в разные периоды развития английской АС.

1.4.3 В антропонимических словарях имеются сведения преимущественно историко-этимологического характера, например: *Ann is from the Hebrew “Hannah”, ‘grace’ and is the name Anne, traditionally given to the mother of our Lady, whose Feast (Anna) is kept on July, 26 (Buttler, Attwater 1954: 7)*. Структуру приведенной словарной статьи формируют два элемента: имя и этимологическая справка. Словарная статья содержит лишь предметную часть описания антропонима, предоставляя информацию о святых, которые носили имя, и даты их почитания. Оценочный компонент значения имени может определяться отношением говорящих к религии, которую имя репрезентирует (в словарной статье это указание святого-носителя имени).

Более детальную, многоаспектную и релевантную для этого исследования информацию предоставляет Oxford Dictionary of First Names под редакцией П. Хэнкса и Ф. Ходжес (Hanks, Hodges 1996). Например: *Ann: English, French and German (via Old French, Latin and Greek) of the Hebrew female name Hanna ‘He (God) has favoured me (i.e. with a child)’. This is the name borne in the Bible by the mother of Samuel, and according to non-biblical tradition also by the mother of the Virgin Mary. It is the widespread folk cult of the latter that has led to the great popularity of the name of various forms throughout Europe. The simplified form Ann was in the 19th century very much more common, but the form with final -e has grown in popularity during the 20th century, partly perhaps due to the enormous popularity of L. M. Montgomery’s story Anne of Green Gables (1908), and partly due to the Princess Anne (Hanks, Hodges 1996: 21)*. Структурно эта словарная статья содержит четыре части: имя; маркеры, указывающие на происхождение имени; этимологическую справку; указание популярности имени. Кроме этимологического фона имени, словарь также предоставляет информацию относительно национальной принадлежности, популярности, распространения онимов и факторов, которые на это влияют. Составители словаря прослеживают изменение статуса определенных личных имен в процессе развития английской национальной АС, устанавливают корреляции между лексическим фоном антропонимов в современном антропонимиконе и их литературной, мифологической, библейской, исторической аллюзивностью, ком-

ментируют морфологические изменения антропонимов и мотивов современного имянаречения. Структура приведенной словарной статьи характеризуется наличием и семантической, и предметной части описания. Следует отметить, что возможно использование графических лексикографических приемов в семантической (курсив: *Ann*, final *-e*) и предметной (жирный курсив: *has grown in popularity during the 20th century, enormous popularity of L. M. Montgomery's story Anne of Green Gables*) частях словарного описания. Оценочный компонент актуализирует указание на популярность / непопулярность имени в определенный период.

Анализ лексикографической репрезентации популярных мужских имен *Harry, John, Tom* в словаре Oxford English Dictionary (twenty volumes) под редакцией Дж. Симпсона (Simpson 1989) свидетельствует о том, что словарь подает эти личные имена в одном ряду с именами нарицательными как такие, которые имеют целиком определенную связь с понятием. Например:

Harry: A familiar equivalent of the Christian name "Henry"; used also in transferred applications and as part of many appellatives 'привычный эквивалент христианского имени "Генри", также используется в переносном значении как часть многих апеллятивов'. 1) The proper name 'имя собственное'. 2) As a generic name for: a) a country fellow; b) a young Englishman of a low class type (Simpson 1989: 105, vol. V).

John: 1). A masculine Christian name, that of John the Baptist and John the Evangelist; hence from early M.E. one of the commonest in England. 2) Also used as a representative proper name for a footman, butler, waiter, messenger, or the like and in other ways (Simpson 1989: 592, vol. V).

Tom: A familiar shortening of the Christian name "Thomas"; often a generic name for any male representative of the common people. Tom, Dick and Henry, any men taken at random from the common run (Simpson 1989: 118, vol. XI).

Анализ лексикографического описания указанных антропонимов свидетельствует о том, что исследуемые антропонимические единицы приобрели дополнительный пейоративный компонент значения "человек простого происхождения", "представитель низшего социального сословия" (*Harry, John, Tom*). Это подтверждается такими словами в словарных дефинициях, как "*the common people*", "*one of the commonest in England*" и т.д. Структурно вышеуказанные словарные статьи содержат три части: имя; этимологическую справку; дополнительный пейоративный компонент значения. Такое лексикографическое описание содержит семантическую (Tom: A familiar shortening of the Christian name "Thomas") и предметную часть (often

a generic name for any male representative of the common people). Информация об имени в семантической части вводится после двоеточия и предшествует фактам предметной части, которые указываются после точки с запятой.

Анализ функционирования антропонимов *Harry, John, Tom* в некоторых художественных контекстах подтверждает наличие пейоративного компонента значения в их семантике:

(1) ... “*he rode from public house to public house, and shouted his sorrows into the mug of Tom, Dick and Harry*” (Steinbeck 1937). – ‘...он ездил от трактира к трактиру и изливал душу первому встречному’.

(2) “*Some John was around asking for you...*” (Grisham 2003). – ‘Тут тобой интересовался один тип...’.

(3) “*In this idiotic world of the theatre, either you are Tamburlaine shaking the earth or you are poor Tom Fool sinking into obscurity and oblivion*”. (Steinbeck 1937) – ‘В нашем идиотском театральном мире вы или Тамерлан, который будоражит человечество, или никому не известный шут’. В вышеуказанных примерах подчеркнуты части словарных дефиниций, которые являются маркерами оценки антропонимических единиц.

Следовательно, словарная статья, кроме информации этимологического характера, может содержать сведения о наличии дополнительных компонентов значения имени, что дает возможность маркировать антропоним как позитивно- или негативно-оценочный.

Таким образом, анализ лексикографического описания антропонимической лексики свидетельствует о важности интерпретации социокультурного компонента значения для определения оценочной маркированности антропонимов. Социокультурный компонент значения антропонимов содержится в предметной части словарного описания и может графически маркироваться жирным курсивом или пунктуационно – точкой с запятой. Как правило семантическая часть словарного описания предшествует предметной.

1.5 Критерии отбора оценочной лексики из английских антропонимических словарей

1.5.1 Языковой материал исследования отобран из английских антропонимических словарей “Oxford Dictionary of First Names” П. Хэнкса и Ф. Ходжес (Hanks, Hodges 1996), “Wordsworth Dictionary of First Names” (Freedman 1997), составитель Т. Фридман и Словаря английских имен и фамилий под редакцией А.И. Рыбакина (Рыбакин 1989). Выбор именно этих источников обусловлен тем, что словарные статьи, которые они содержат, предоставляют более детальное и многоаспектное описание лингвальных

и экстралингвальных сведений об имени. Корпус материала исследования формировался с учетом социокультурного компонента значения антропонимов, которые содержатся в предметной части лексикографического описания, поскольку, как указывалось выше, именно предметная часть может содержать указание на наличие дополнительных позитивно- или негативно-оценочных компонентов значения. Корпус исследования сформирован согласно следующим критериям отбора антропонимических единиц (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1

Критерии отбора языкового материала

Критерии	Лексикографические приемы
Словарные пометы, указывающие на популярность/непопулярность имени	<ul style="list-style-type: none"> • <i>bears perennial popularity after...</i>, • <i>the name has enjoyed steady popularity since the appearance of the novel...</i>, • <i>name popularized by the central character in the novel...</i>, • <i>completely out of fashion after X starred in the film...</i>
Маркеры словарной статьи, указывающие на происхождение антропонимических единиц	<i>Germanic, Greek, French, Norman, Celtic, from Old English</i>
Словарные указания на этимологию апеллятивной основы имени	лексемы с определенной оценочной характеристикой во внутренней форме антропонимов
Словарные пометы, указывающие на “географию” популярности имени	<ul style="list-style-type: none"> • <i>preferred by relatives proudly conscious of their Welsh roots...</i>, • <i>name chosen as a token of Scottish national identity...</i>, • <i>a typical Irish name...</i>, • <i>name chosen by parents conscious of their ancestral heritage in the continent of Africa...</i>
Словарные указания на тождественность антропонимических единиц с именами известных носителей, литературных персонажей, вызывающие в сознании англичан позитивные или негативные ассоциации	Графические или пунктуационные приемы

Следует отметить, что главным критерием отбора материала является наличие оценочного компонента в коннотативном поле личного имени. Нижеприведенные критерии и лексикографические приемы актуализируют наличие позитивной или негативной оценки в значении антропонимов.

1. Словарные пометы, указывающие на популярность – непопулярность имени.

Этот критерий реализует аксиологическую оппозицию “популярное – непопулярное” имя, которую можно трансформировать в “+” (популярные) / “–” (непопулярные) оценку. Лексические единицы, отобранные согласно этому критерию, маркированные в словарях антропонимических единиц рядом помет: *bears perennial popularity after ...* ‘много лет сохраняет популярность с появлением ...’, *the name has enjoyed steady popularity since the appearance of the novel ...* ‘имя пользуется популярностью с момента появления романа ...’, *name popularized by the central character in the novel ...* ‘имя, чья популярность связана с именем центрального персонажа в романе’, *completely out of fashion after X starred in the film ...* ‘полностью вышло из моды после появления X в фильме ...’. Например: *Scarlett, Rhett, Ashley have enjoyed steady popularity since the appearance of the novel “Gone with the Wind” by M. Mitchell* (Курдина 2010 а; б; в).

2. Маркеры словарной статьи, указывающие на происхождение антропонимических единиц.

В данном случае актуализируется аксиологическая модель “свое – чужое”, т.е. оппозиция имен исконно английских и имен немецкого, французского, норманского, древнееврейского происхождения. Лексикографическими критериями определения происхождения антропонимической лексики являются словарные пометы *of Germanic, Greek, French, Norman* ‘немецкого, греческого, французского, нормандского происхождения’; *Celtic, from Old English* ‘со староанглийского’. В условиях растущей глобализации имя – часто единственное, что указывает на национальную принадлежность и реализацию национального самосознания. Следовательно, будет логичным маркировать антропонимы древнеанглийского происхождения оценкой “+”, имена, чье происхождение связано с историей и культурой других стран, – знаком “–”. Например: *Maurice originates as a French name derived from the Roman Mauritiu; Emma is derived from the Germanic word ermen meaning whole or universal; Oswald found chiefly in Northern England and Scotland, is of Anglo-Saxon origin, and derives from the Old English* (Курдина 2009 а; б).

3. Словарные указания на этимологию апеллятивной основы имени.

Этимология апеллятивной основы имени не является основным мотивом имяназвания, поскольку требует достаточного объема культурно-ис-

торических знаний. Однако, имея этимологическую справку, можно получить представление о семантике общих основ, аффиксов имени, которые соотносятся в сознании носителей языка с позитивной или негативной оценкой. Например: *Loyal* англ. *loyal* ‘верный, преданный’; *Felicity* англ. *felicity* ‘счастье, блаженство, благословение’; *Dotty* англ. *dotty* ‘чудаковатый, странный, бессмысленный’ (Kurdina 2010; 2011).

4. Словарные пометы, указывающие на “географию” популярности имени.

Принадлежность антропонима к ирландскому, шотландскому, валлийскому национальному имени влияет на формирование негативной оценки в сознании англичанина, что связано с межнациональной неприязнью. В этом случае основными классификаторами являются пометы словарной статьи *preferred by relatives proudly conscious of their Welsh roots...* ‘преимущественно используется родителями, которые гордятся своими валлийскими корнями’, *name chosen as a token of Scottish national identity...* ‘имя, выбранное как символ национального самосознания’, *a typical Irish name...* ‘типичное ирландское имя’. Тот факт, что имя или дериват собственного имени более популярный в США или употребляется преимущественно там, не сделает его популярным и широко употребляемым в английской антропонимической системе. Например: *Riodan*: is composed of the Gaelic prefix “O”, male descendant of, and “Rioghbhardan”; *Gwendolyn*: a Welsh female first name, derived from Gwendolen; *Africa*: preferred by relatives proudly conscious of their African roots.

5. Словарные указание на тождественность антропонимических единиц с именами известных носителей, литературных персонажей, которые вызывают в сознании англичан позитивные или негативные ассоциации. Например: *Richard* – Richard the Lionheart; *Ebenezer* – Ebenezer Scrooge; *Dwight* – Dwight D. Eisenhower.

1.5.2 Анализ материала исследования свидетельствует о временной неоднородности возникновения оценки в семантике антропонимических единиц. Учитывая период возникновения в семантике имени оценочного компонента, можем выделить в корпусе языкового материала два слоя оценочной антропонимической лексики: историко-оценочные и современные оценочные антропонимы (см. табл. 1.2).

По данным таблицам 1.2 видно, что наибольшим по объему является пласт современной оценочной антропонимической лексики. Этот факт можно объяснить тем, что значения единиц, которые приобрели оценочную характеристику сравнительно недавно, более понятны для современных но-

сителей английского языка, а поэтому их проще ассоциировать с позитивной или негативной оценкой.

Таблица 1.2

Исторические слои английских ОА (количественная характеристика)

Исторические слои	Период	Количество	%	Примеры
Историко-оценочные антропонимы	XI – XVIII в.	587	17,9	<i>William (m), Richard (m), Ralph (m), Alfred (m), Edward (m), Hilda (f), Mildred (f)</i>
Современные оценочные антропонимы	XIX – XXI в.	2688	82,1	<i>Mae (f), Madonna (f), Andy (f), Elvis (m), Martina (f), Rocky (m), Jordan (m), Anna (f)</i>
Всего		3275	100	

Анализ корпуса языкового материала осуществлялся в несколько этапов. На первом этапе определялся семантический потенциал антропонимической единицы: описывалось коннотативное содержание, рассматривались этимологический и культурно-исторический компоненты значения. На втором этапе анализа определялся актуализатор, тип и характер оценки в значении ОА, место ОА в процессе имянаращения, структурно-словообразовательные и функционально-стилистические характеристики ОА.

1.6 Роль оценочного компонента значения антропонимов в процессе имянаращения. Мотивы имянаращения

1.6.1 Процесс имянаращения является сложным и многогранным. Как в лингвистическом, так и в экстралингвистическом плане целью именно этого процесса является связать говорящего как субъекта внеязыковой действительности с языковым знаком – личным именем.

Через процесс имянаращения происходит пополнение антропонимикона языка, поскольку имя возникает по определенным причинам, основными из которых является потребность общества в номинации и идентификации носителей языка в любом лингвистическом пространстве.

На процесс имянаращения влияют социальные, исторические, культурные, общественные факторы, поэтому нельзя воспринимать мотивы как совокупность причин выбора имени. Мотивы имянаращения возникают и за-

крепляются в социуме: одни из них имеют социальный характер, другие – индивидуальный, одни являются более частотными, другие – менее употребляемыми, но все они присутствуют пассивно или активно при имяназвании, отображаются в динамике развития антропонимикона языка, составляя его историю и создавая систему.

Все мотивы и причины выбора имени, возникающие в социуме, подлежат структурированию и теоретическому объяснению.

1.6.2 Мотивы имяназвания коррелируют с внеязыковой реальностью и принадлежат к мотивации как языковой сущности. Мотивированность связана с языком и языковыми процессами, поскольку антропоним выступает как языковой знак, функционирование которого регулируется законами определенной языковой системы (Кисель 2009).

Мотивы выбора имени является экстралингвистическим фактором, они всегда исторические и социальные, поэтому следует анализировать их в свете как языковых, так и внеязыковых факторов. Эти факторы, в свою очередь, наделяют имя рядом ассоциаций, которые могут преобразоваться в стойкие оценочные характеристики и найти свое отображение в семантической структуре имени (Кисель 2009).

Тенденции пополнения антропонимикона языка зависят от многих социальных закономерностей развития самого общества в определенный исторический промежуток. Способы становления, развития, пополнения АС языка при помощи лингвистических способов – это языковые факторы. Анализ теоретических и лексикографических источников свидетельствует о том, что антропонимикон развивается не стихийно, а в соответствии с законами развития языка и потребностями общества (Кисель 2009; Рыбакин 1989; Суперанская 2005).

Единство как лингвистического, так и экстралингвистического факторов в процессе имяназвания обусловлено:

– желанием того, кто называет, выбрать для объекта номинации редкое имя, что способствует развитию исторического, религиозного и этимологического мотивов. «Воскресшие» имена как языковые единицы способствуют реструктурированию и пополнению антропонимикона языка как лексической подсистемы (*Raymond (m)* малоупотребляемое имя до середины XIX в.);

– желанием того, кто называет, выразить собственные культурные, национальные преимущества через использование для номинации иностранных имен. Культурные, национальные и идеологические преимущества, которые принадлежат экстралингвистическим факторам, часто не учиты-

вают лингвистические аспекты: качественную адаптацию и натурализацию антропонима в системе языка. Названные лингвистические явления тесно связаны с благозвучием как мотивом имянаречения (*Xanthe (f)* имя, упоминающееся в греческой мифологии, выбирается родителями, которые стремятся дать необычное имя для девочки);

– желанием того, кто дает имя, выразить особенные чувства к ребенку. Это побуждает его выбирать или использовать уменьшительно-ласкательные дериваты. Таким образом, деривационные возможности антропонима определяют выбор его как личного имени, а использование антропонима-деривата в официальной или неофициальной сферах приводит к пополнению антропонимикона языка (*Tita (f)*, *Sessy (f)*, *Kikki (f)* и др. редуцированные имена).

Среди социально-культурных признаков имен, которые влияют на процесс имянаречения, Е. М. Верещагин та В. Г. Костомаров выделяют такие: 1) возраст имени (устаревшие, старые, новые, новейшие); 2) происхождение имени (заимствованные, исконные); 3) источник происхождения (греческие, иудейские, германские, латинские, римские); 4) социальная среда существования (сельская местность); 5) употребляемость имени; 6) антропонимическая мода; 7) внутренняя форма имени (Верещагин, Костомаров 1990: 43).

Согласно теории М.В. Голомидовой, объекту номинации дает имя в честь старших родственников; в честь человека, который сыграл важную роль в судьбе кого-либо из членов семьи; в честь известного и популярного человека; из-за собственных предпочтений или личной оценки фоносемантической характеристики имени; из-за оригинальности имени (Голомидова 1998: 56).

В своем исследовании мы склонны придерживаться точки зрения А.В. Суперанской и О.В. Кисель (Кисель 2009; Суперанская 2009), согласно которой конечной целью субъекта именованья является не только идентификация объекта номинации, но и выражение своего отношения к отдельным фрагментам реальности, оценка и актуализация мировоззрения через антропоним.

Все мотивы постоянно функционируют в социуме и зависят как от социальных условий, так и от индивидуальных потребностей того, кто дает имя. Поэтому небезосновательно воспринимать мотивы не как сумму причин выбора определенного имени, а как систему, сложную и многогранную.

Подход к изучению мотивов имянаречения, предложенный в этом диссертационном исследовании, базируется на теории О.В. Кисель (Кисель

2009), согласно которой существует два типа мотивов имянаречения: **социальные** и **индивидуальные**. Под социальными понимаются мотивы, которые меньше всего зависят от того, кто дает имя. К индивидуальным относятся такие, которые в большей мере обусловлены желаниями того, кто дает имя. К социальным мотивам процесса имянаречения О.В. Кисель относит гендерный, этимологический, религиозный, национальный, идеологический. Индивидуальными мотивами считаются благозвучие, деривационная активность антропонима и семейная традиция (Кисель 2009: 86–87). Две группы мотивов тесно взаимосвязаны, невозможно выделить ту или иную группу как приоритетную. Так, например, национальный и религиозный мотивы могут комбинироваться с благозвучием и деривационным потенциалом антропонима. Неудачным может быть учитывание только одного из мотивов выбора имени. О.В. Кисель приводит пример неудачной ориентации лишь на благозвучие имени, когда в немецком лингвокультурологическом пространстве как личное имя для дочери родители выбрали антропоним *Владлена*. При этом субъекты номинации пренебрегли идеологическими и этимологическими мотивами, отдав предпочтение только фонетическому аспекту (Кисель 2009: 89).

1.6.2.1 Нельзя отрицать социальный характер личных имен – личные имена существуют в обществе и для общества. ИС всегда социальны. Они – это зеркало социальной истории (Кисель 2009: 88). Социальные мотивы выбора имени сформировались на ранних этапах становления и развития антропонимикона языка и зависят не от индивидуальных потребностей того, кто дает имя, а от социальных нужд. Систему социальных мотивов процесса имянаречения составляют гендерный, национальный, этимологический, религиозный и идеологический мотивы.

1.6.2.1.1 Гендерный мотив номинации – один из базовых социальных мотивов, который в общей системе мотивов имянаречения является константным. Юридическая сторона именованья предусматривает то, что лицо мужского пола не может носить женское имя (исключения составляют антроповарианты, которые имеют идентические формы в женской и мужской номенклатуре). Однако в английском ономастическом пространстве вышеуказанное утверждение является верным только относительно исходных (полных) форм имен. Гендерные признаки оценочных на морфологическом уровне гипокористиков, которые часто приобретают узувальную форму и фиксируются в словарях как полноценные личные имена, могут нивелироваться, например *Tony (f, m)* – Tony Braxton – женщина, Tony Blair – мужчина.

Гендерный мотив вместе с религиозным самый давний, следовательно, в антропонимиконе языка количественный состав имен, которые могут быть и женскими, и мужскими, неограниченный. В антропонимической лексике гендерные отличия проявляются в морфологических средствах, а изменение в семантической структуре антропонимов происходит в базовых и фоновых компонентах. Информационный потенциал и этимологическое значение антропонимов остаются неизменными. Вследствии этого анализируемая группа имен может содержать в своем значении коннотации с ярко выраженной мужской или женской маркированностью.

Развитие антропонимикона и его пополнения заимствованными именами с дальнейшим их использованием в процессе именованья порождает проблему гендерной характеристики и окраски. Так, например, как отмечает Норман Хорст (Horst 1970), антропонимы *Yasko*, *Yoko*, заимствованные из японского языка, не несут в себе гендерную сему (Horst 1970: 37). При назывании подобными именами необходимо наличие другого имени как маркера половой принадлежности носителя имени.

1.6.2.1.2 Национальный мотив процесса именованья заключается в общенациональной тенденции определенного лингвокультурного общества к использованию антропонимов по определенным словообразовательным правилам, с использованием определенных морфологических и фонетических элементов.

Сама фонетическая форма имени содержит информацию о национальной принадлежности его носителя, поскольку имеет фонемы, характерные для определенного языка.

Национальная оригинальность антропонимов обусловлена особыми условиями материально-культурной и общественно-экономической жизни народа. Национальная неповторимость онимов исходит от индивидуальности и уникальности самих языков. Ономастическая специфика определенного лингвокультурологического пространства проявляется в формальных отличиях собственных и нарицательных имен, в их функционировании в языке, что особенно отчетливо прослеживается на фоне аппелятивов.

Национальная самобытность антропонимической лексики любого языка наиболее четко проявляется при сопоставлении их с единицами другого языка.

Внимание многих лингвистов современности привлекают явления, которые заставляют по-новому взглянуть на особенности функционирования имен в естественной среде и в том культурном пространстве, которое открыто к восприятию элементов другой культуры (Беліцька 2000; Ермоло-

вич 2001; Кисель 2009; Отин 2000; Чурсина 2009). Систему таких явлений и процессов составляют глобализация контактов между людьми, миграция целых групп людей, новые условия проживания и вместе с этим ностальгия по исторической родине, интернационализация литературного процесса и многочисленные случаи того, как писатели создают свои произведения, пользуясь родным или иностранным языками. Однако в контексте глобализации имя – часто единственное, что указывает на национальную принадлежность и реализацию национального самосознания (Nuessel 1992; Searle 1965; 1991). Это утверждение объясняет современную антропонимическую моду на исконные имена, в отличие от заимствований.

Наличие национально-культурной специфики ИС объединяет его как знак языка с внеязыковой реальностью. ИС как национально маркированные слова помогают определить особенности и характерные черты той или иной нации. Однако национальное своеобразие ИС хоть и отличается в разных языках, но остается неотъемлемой частью коннотации антропонима.

Основной критерий определения национальной принадлежности имени – узуальный, т.е. возможность воспроизводимости имени в широком масштабе. Однако анализ языкового материала свидетельствует о своеобразии восприятия национально маркированных имен: они оцениваются по аксиологической модели свое – чужое. В современной антропонимической системе английского языка наблюдается преобладание исконных, исключительно английских имен над иноязычными заимствованиями (King 2000; Martin 286; Simmonds 1996; Sloat 1969).

1.6.2.1.3 Этимологический мотив имянаречения играл важную роль на разных этапах становления языка, антропонимикона и общества. При выборе имени для ребенка особенное внимание уделялось этнокультурной информации в семантике имен: связь антропонимов с мифами, легендами, верованиями. В эпоху политеизма и на ранних этапах развития религии преобладают языческие верования, которые ярко проявляются в информационном потенциале антропонимических единиц.

Нижеприведенные тематические группы антропонимов корпуса исследования демонстрируют реализацию этимологического мотива имянаречения через их морфологическую структуру: 1) обозначение воина, борьбы – *Cathaoir (m)* (кельт. *cath* ‘борьба, битва’ + *vir* ‘мужчина’); 2) обозначения животных: *Adolf (m)* (герм. *adal* ‘благородный’ + *wolf* ‘вовк’); 3) теофорные имена, обозначающие богов или других неземных существ: *Alfred (m)* (герм. *alb* ‘эльф’ + *Freund* ‘друг’); 4) абстрактные понятия любви, дружбы, красоты: *Adalwin (m)* (герм. *adal* ‘благородный’ + *wini* ‘друг’). Возможность выде-

ления таких этимологических групп антропонимов подтверждает мнение о том, что в процессе развития антропонимикона имя приобретает диахроническую информативность, т.е. история имен тесно связана с историей языка и народа.

1.6.2.1.4 Религиозный мотив имянаречения связан с религией, одним из первых факторов, которые определяли направление и динамику процесса создания имени и процесса именованя. Несмотря на то, что имена содержат в себе ограниченный объем сем, которые составляют семантику онима, религия играет важную роль в овладении всем информационным богатством человечества. Многими исследователями имен эпохи политеизма отмечается, что ИС выполняют свою кумулятивную функцию, отображают в своей семантике взгляды людей от эпохи политеизма до эпохи монотеизма (Кисель 2009; Суперанская 2009; Чурсина 2002; Ehrlich 1999).

Значительным изменениям подвергается мотивация и религиозная коннотация, а также восприятие имен сферы религии после принятия христианства.

Библейские имена составляют значительную часть антропонимикона английского языка. Они обслуживают христианское культурное пространство и характеризуются моносемантичностью, т.е. понятийным содержанием. Подобные имена одинаково воспринимаются носителями разных языков. (Кисель 2009: 99). По данным словарей М. Готтшальда (Gottschald 1987) и А. В. Суперанской (Суперанская 2005) мощность конотативного потенциала и, соответственно, ярко выраженная оценка библейских имен Иисус (*Jesus*) и Иуда (*Judas*) влияет на специфику реализации религиозного мотива именованя. Указанные имена входят в АС английского и русского языков, но не используются говорящими как личные имена, поскольку они имеют полярно маркированные оценки: имя Иисус ассоциируется со Спасителем человечества и связано только с позитивными характеристиками. Имя Иуда является олицетворением предательства и несет в себе пейоративную характеристику. В этом случае оценка как компонент значения антропонима является определяющим фактором “запрета” для именованя.

Д. И. Ермолович отмечает четкую социальную дифференциацию при выборе библейских имен и имен святых. Среди сельских жителей такой тип имянаречения является основным, городские жители руководствуются в процессе именованя наследственным фактором (по И. Д. Ермоловичу “внутрисемейное имя”) или антропонимической модой. Вследствии этого имена римского, греческого происхождения начали восприниматься как “сельские”, “просторечные” (Ермолович 2001: 78).

Следовательно, можно сделать предположение, что все этапы и моменты влияния религии, языческих верований, которые занимали важное место в процессе исторического развития английской антропонимической системы, могут регулярно проявляться или эпизодично актуализироваться и отображаться на современном этапе развития языка и общества в процессе имянаречения.

1.6.2.1.5 Идеологический мотив имянаречения также важен для участников процесса номинации. Идеология как мотив имянаречения в отдельных случаях имеет большое значение, поскольку в зависимости от субъективных идеологических взглядов тот, кто дает имя, выражает собственные идеологические предпочтения.

Идеологический мотив имянаречения соотносится с культурным компонентом коннотации, поскольку при актуализации этого мотива из антропонимикона языка участники процесса именованья выбирают антропонимы, которые отображают мироощущение определенной эпохи. Следовательно, корпус имен наделен информацией как языкового, так и внеязыкового характера. Важно отметить, что идеологический мотив достаточно субъективен, поскольку общественно-политические и идеологические приоритеты являются более противоречивым аспектом современной жизни. Для кого-то имя определенного политического деятеля ассоциируется с реформами, которые улучшили жизнь, а кто-то эти реформы может трактовать совсем по-другому. Характер оценки антропонимов зависит от отношения того, кто называет, к известному носителю имени (в случае позитивного отношения антропоним маркируется позитивной оценкой, следовательно, выбирается как личное имя; в другом случае – антропоним пейоративно окрашен, что служит основанием того, чтобы сделать выбор в пользу другой антропонимической единицы).

Идеологический компонент значения антропонима является частью культурного компонента коннотации. “Но в сравнении с другими характеристиками и компонентами он представляет собой менее стойкую составляющую культурного компонента определенной группы слов, поскольку его изменения хронологически совпадают со сменой социально-политических и идеологических приоритетов в соответствующем лингвокультурологическом обществе” (Фрост 2006: 63).

Влияние идеологии как экстралингвистического фактора на антропонимикон языка проявляется, главным образом, в личных именах общественно-политических деятелей, монархов. Этот процесс происходит таким образом: идеология пропагандирует определенные идеи, взгляды, вслед-

ствие чего личность становится популярной, а имя становится неотъемлемой частью идеологии, что вызывает частичное его использование. В таком случае процесс именованности – попытка приближения и поклонения определенной идее. Так, например, предпочтение имен *Richard* и *Edgar* обусловлено влиянием их известных носителей: три английских короля, особенно *Richard I (Lionheart)* и король Англии, который был выбран наследником короля Гарольда, *Edgar the Peaceful*.

Анализу идеологически маркированных английских имен посвящено исследование Л. М. Сапожниковой (Сапожникова 2003), которая выделяет факторы, влияющие на ИС: жизненный опыт, профессиональные знания, мировоззрение, уровень образования, начитанность личности. Набор собственных имен, актуальных для историка, филолога, музыканта, инженера, будет в большей степени различаться. К этому следует добавить и варьирование “ономастического репертуара” от индивида к индивиду (Сапожникова 2003: 87).

Идеология как экстралингвистический фактор влияния на СИ приводит к искусственному созданию имени. Как указывает Ю. А. Рылов, “новое время” порождает новые онимы. Существуют носители с именами торговых брендов или городов, при этом подобные онимы не имеют антропонимической традиции: *Dior, Armani, Chanel, Paris, London* (Рылов 2006: 11).

Поскольку появление идеологически маркированных имен спровоцировано экстралингвистическими факторами, которые имеют эпизодический характер, употребление имени во временном пространстве ничем не стимулируется, из-за того, что нет “повтора”, который порождает ситуацию (Кисель 2009: 105).

Таким образом, социальные мотивы имянаречения пополняют АС языка новыми единицами или же вносят изменения в семантическую структуру уже существующих имен. Религиозный, этимологический, идеологический мотивы проявляют тот факт что каждый исторический период развития общества предопределяет определенный набор антропонимов. При этом семантическая структура такого набора имен отображает основные мировоззренческие предпочтения, релевантные как для отдельной языковой личности, которая дает имя, так и для всего языкового коллектива.

С одной стороны, определенный набор антропонимов, характерных для той или иной эпохи развития общества, унифицирует антропонимикон языка, с другой стороны, в своем историческом развитии АС языка переживает как этап расширения всего корпуса имен, так и этап сужения активного именника.

1.6.2.2 Индивидуальные мотивы имянаречения зависят от индивидуальных предпочтений участников процесса именованья или от условий, которые выдвигает микросоциум. Индивидуальные мотивы, к которым относятся благозвучие, деривационная активность антропонимов и семейная традиция, иногда не поддаются логическому объяснению и являются непредсказуемыми. Они могут коррелировать с антропонимическими традициями социума, а могут не соответствовать им.

1.6.2.2.1 Благозвучие как индивидуальный мотив имянаречения. Благозвучие определяет прикладное применение имени. Анализируя систему номинации в немецком языке, Р. З. Мурясов (Мурясов 1989) подтверждает это предположение и подчеркивает важность соблюдения таких рекомендаций при выборе имени: 1) имя не должно заканчиваться звуком, с которого начинается фамилия (*Frank Korder*); 2) следует избегать сингармонизма гласных в имени и фамилии (*Kuno Buthold*); 3) ритмичность имени, сочетание долгого имени с краткой фамилией (*Christine Brit*) (Мурясов 1989: 17).

Комфорт человека во внеязыковой среде напрямую связан с прагматикой в языковом плане. Так, например, сын актера Дэвида Боуи очень дискомфортно чувствовал себя с именем *Zowie*, что и сподвигло заменить его на *Joe* (Кисель 2009: 91).

1.6.2.2.2 Деривационная активность антропонима как индивидуальный мотив имянаречения. Очень часто именно деривационные возможности антропонимической единицы определяют его выбор. Деривационный потенциал антропонимов как мотив процесса номинации исторически проявляется на уровне дифференциации общества. Так, например, В. Д. Бондалетов отмечает, что для представителей высшего сословия насаления выбирались имена в полных формах, для простого народа – дериваты (Бондалетов 1970; 1983).

Социальное расслоение имени происходило в пределах оппозиции богатый – бедный. Некоторые имена вызвали представление о родовитости и благородстве, другие – о бедности и неизвестности. Подобная социальная оценка глубоко закрепились в языке. Так, например, такие имена, как *Tom, Dick, Harry, Brown, Jones* ассоциируются с простыми людьми (Суперанская 2009: 46).

1.6.2.2.3 Семейная традиция как индивидуальный мотив имянаречения. Названный мотив зависит от традиции именованья в отдельной семье, но анализ литературы свидетельствует о том, что именованье в честь родственников имело долгую историю. Ярким примером семейной традиции является выбор имени для детей в семьях монархов.

Наглядным примером соблюдения семейной традиции служат случаи именованя родовыми именами. Антропонимы такого типа свидетельствуют о месте человека в социуме, “о его родственных связях, о его юридических и материальных правах и о должностях, которые они занимают” (Суперанская 2009: 22).

Вышеуказанные мотивы связаны между собой и образуют систему.

Оценочная характеристика антропонима, как компонент коннотации, является опосредованным отображением явлений реальности, а значит, связана с основным процессом, для которого и выбирается имя собственное – именовать и идентифицировать своего носителя, т.е. с процессом номинации.

В этом исследовании целесообразным является анализ социальных и индивидуальных мотивов в связи с оценочной семантикой антропонимов, поскольку сама сема оценки в значении имен влияет на решение участников процесса номинации выбирать или не выбирать единицу как личное имя.

Подобная тенденция отмечается у многих исследователей, которые изучали вопрос имянаречения в диахронии и синхронии: М. В. Голомидовой (Голомидова 1998), Д. И. Ермоловичем (Ермолович 2001), В. А. Никоновым (Никонов 1970), Ю. А. Рыловым (Рылов 2006), А. В. Суперанской (Суперанская 2009) и др.

Взаимосвязь мотивов имянаречения и оценки антропонимов отображает аккумулированный социально-исторический опыт говорящего любого лингвокультурного пространства, а также его чувственные оценки на основе ценностных ориентиров. Специфика подобной взаимосвязи состоит в том, что в нем органически переплетаются две линии эмотивно-оценочного отображения носителя антропонима и общественно-значимые ценности языкового общества.

Для исследования взаимосвязи оценки в семантической структуре антропонимов и мотивов имянаречения основными являются социальные мотивы, поскольку именно они в большей степени, чем индивидуальные, влияют на коннотацию собственного имени и могут расширить или сузить семантическую структуру антропонима, а именно ее фоновые компоненты.

Индивидуальные мотивы имянаречения соотносятся с оценочным, экспрессивным, а также эмотивным компонентом коннотации антропонимов, поскольку в процессе исторического развития именника языка антропонимы с нейтральной оценкой могут приобретать новое оценочное значение, таким образом индивидуальные мотивы отображаются через лингвистические средства в парадигме собственного имени.

По мнению О.В. Кисель, мотивы имянаречения отображаются определенным образом в семантической структуре антропонима, разделяясь на основные и фоновые компоненты. Так, например, такие мотивы, как национальный, гендерный, возрастной, наследственный, проектируются в основные компоненты семантической структуры антропонимов (Кисель 2009: 110).

О. В. Кисель подчеркивает отсутствие четкой границы при разделении мотивов на основные и фоновые компоненты. В каждом отдельном случае тот или другой мотив может быть имеющимся или отсутствующим в определенном компоненте структуры. Иллюстрируя вышеуказанное, исследовательница приводит пример разделения мотивов на компоненты в семантике имени Джорджа Буша младшего: мужчина, американец, наследственное имя, отчество. Мужской пол и принадлежность к определенной нации как мотивы имянаречения проектируются на основные компоненты, а наследственное имя, отчество – на фоновые компоненты (Кисель 2009: 112).

Следовательно, обзор теоретической литературы по вопросам исследования мотивов имянаречения в диахроническом плане дает возможность сделать вывод о том, что социальные мотивы процесса наименования соотносятся с национально-культурным компонентом коннотации. Так, религиозный и этимологический мотивы являются самыми давними и связаны с эпохой становления современного именника языка, а значит, отображены через куммулятивную функцию в информационном потенциале антропонима и связаны с фоновыми знаниями носителей языка. “Каждая культура порождает определенные типы собственных имен, в каждом имени отображаются крупницы” (Суперанская 2009: 124). Система индивидуальных мотивов имянаречения является более субъективной и менее связанной с внеязыковой сферой.

ОА – неотъемлемый фрагмент языковой картины мира. Человека окружает реальная действительность. В процессе деятельности, работы, общения с другими людьми у человека возникают определенные отношения с обществом в целом, и с отдельными людьми в частности. Отношение человека к объективной действительности – это отношение активного воздействия окружающего мира, это целенаправленное преобразование мира в соответствии с собственными ценностных представлений.

Глубокий анализ системы мотивов имянаречения невозможен без исследования оценочного компонента в семантике антропонимов, поскольку процесс выбора имени связан с декодированием, интерпретацией и оценкой фрагментов внеязыковой реальности, которые репрезентируют антропонимы.

Выводы к разделу 1

Как антропоцентрическое явление язык ориентирован на человека, поэтому языковые знаки в процессе коммуникации способны приобретать позитивную или негативную оценку. При этом семантика лексических единиц коррелирует с позитивным или негативным отношением языкового общества к обозначаемым фрагментам реальности. Важную роль среди оценочной лексики играют антропонимы, поскольку процесс именования личности является основным для описания лексической системы языка в связи с тем, что человек воспринимает мир.

Семантическая структура антропонимической лексики рассматривается с учетом разных аспектов языковой деятельности. Обзор литературы по антропонимике дает возможность сделать вывод о том, что на уровне языка антропонимы соотносятся только с понятием “принадлежность к проприальному полю”, которое гносеологически тождественно понятию “единичность”. На уровне речи антропонимы расширяют семантику, дополнительно обогащаясь рядом других смысловых компонентов, связанных с системой ценностных стереотипов английского языкового общества. Выделяются устойчивые признаки онимов, которые связаны с традицией использования антропонимов в определенном языке. Наблюдается сосуществование денотативного и коннотативного значений в семантической структуре антропонимов при условии преобладания прагматического аспекта значения над когнитивным. Субъективное пререосмысление антропонима и появление оценочного значения в его семантике основывается на преобладании любого из признаков антропонима.

Лингвокультурологический взгляд на семантику английских антропонимов позволяет сделать вывод о том, что в процессе развития антропонимона имя приобретает диахроническую информативность, т.е. семантика антропонима коррелирует с историей языка и народа. Следовательно, основой для образования оценочного компонента в понятийном объеме антропонимов могут служить как языковые, так и внеязыковые факторы. Энциклопедическая информация о денотате (культурно-исторический компонент значения) обогащает ассоциативное поле имени экстралингвистическими сведениями, в то время как внутренняя форма имени (объем релевантной для восприятия этимологической информации об апеллятиве) является исключительно лингвистической частью значения антропонимической единицы.

В работе под антропонимической коннотацией понимается тот компонент значения проприальной единицы, выступающий во вторичной для нее функции номинации, который дополняет ее объективное значение ассоциативно-образным, оценочным представлением о носителях имени на основе

энциклопедической информации о нем. Оценка в значении антропонимической лексики рассматривается как компонент конотативного значения и представлена единством таких элементов: субъект оценки (языковая личность, которая дает имя), объект оценки (языковая личность, которой дают имя), характер оценки (позитивный или негативный) и основание оценки (признаки антропонимов, на основании которых определяется оценка). Выделяются три типа оценки: рациональная, эмоциональная и рационально-эмоциональная.

Анализ лексикографической репрезентации оценочного значения антропонимических единиц дает возможность сделать вывод о том, что словарная статья антропонимов объединяет в себе как семантическую, так и предметную часть. Семантическое описание характеризуется использованием в английской лексикографической традиции специальных языковых формул, функция которых – указывать только на лингвистические значения. Предметная часть предоставляет развернутые эмпирические описания и охватывает все детали экстралингвистической сферы. Опыт анализа особенностей словарных толкований английских антропонимических единиц дает возможность определить критерии отбора оценочных единиц из общего фонда английских антропонимов.

Сформулированные критерии отбора оценочной антропонимической лексики из словарей стали основой для выделения единиц исследования и формирования корпуса английских антропонимов с оценочным компонентом. Это – словарные пометы, которые указывают на популярность – непопулярность имени; маркеры, указывающие на происхождение антропонимических единиц; указания на этимологию апеллятивной основы имени (лексемы с определенной оценочной окраской во внутренней форме антропонимов); словарные пометы, указывающие на географию популярности имени; словарные указания на соотношение антропонимов с именами известных носителей, литературных персонажей, которые вызывают в сознании англичан позитивные или негативные ассоциации.

Мотивы имянаречения, с одной стороны, неразрывно связаны с экстралингвистической сферой, а с другой стороны, коррелируют с мотивацией как языковой сущностью. Участники процесса именования стремятся не только выбрать имя, но и выразить свое ценностное отношение к отдельным фрагментам действительности и актуализировать мировоззрение через антропоним. Процесс номинации основывается на социальных и индивидуальных мотивах. Группа социальных мотивов имянаречения, которые являются универсальной языковой категорией, объединяет гендерный,

национальный, религиозный, этимологический и идеологический мотивы. Индивидуальные мотивы процесса именованя, которые формируются под влиянием культурно-исторических особенностей определенного языкового коллектива, представлены благозвучием, деривационной активностью антропонимов и семейной традицией. Для достижения взаимосвязи оценки в семантической структуре антропонимов и мотивов имянаречения основными являются социальные мотивы, поскольку именно они, в большей степени, влияют на коннотацию собственного имени и могут расширить или сузить семантическую структуру антропонима.

РАЗДЕЛ 2. СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ

Этот раздел посвящен обоснованию выбора лингвокультурологического направления исследования, описанию общей методики анализа семантических особенностей оценочных антропонимов, рассмотрению методов решения поставленных задач. В разделе также осуществлена семантическая классификация ОА, проанализированы соотношения позитивно- и негативно-оценочных антропонимических единиц в семантических классах, группах и подгруппах и охарактеризованы ценностные стереотипы и приоритеты участников номинации английской лингвокультуры.

Корпус языкового материала был проанализирован с точки зрения семантических признаков единиц, актуализаторов оценки, знака оценки (“+” / “-”), активности в процессе имяназвания.

2.1 Методы исследования семантики оценочных антропонимов

Антропонимы представляют собой отдельный класс существительных с осложненной семантикой, т.е. план содержания слова имеет скрытый характер, который достаточно сложно определить и описать. Теоретическая и эмпирическая часть исследования семантической структуры и значения ИС основывается на трудах А. В. Беспаловой (Беспалова 1984; 1991), Л. В. Гнаповской (Гнаповская 1999), И. Г. Добродомова (Добродомов 1982), В. М. Каменец (Кам’янец 2001), Т. И. Семеновой (Семенова 1990), В. Э. Сталтмане (Сталтмане 2009), А. В. Суперанской (Суперанская 2009), Ф. Атли (Utley 1993), А. Бака (Bach 1952), Г. Берри (Barry 1995), Г. Беббингтона (Bebbington 1972), В. Бланара (Blanar 1979), Б. Волека (Volec 1987), Е. Куриловича (Курилович 2000), Р. Лонга (Long 1969) и др. (Бестужев-Лада 1970; Вопросы ономастики 2004; Гарагуля, Комарова 1998; Круковер 2006; Крюкова 2004; Леонович 2002; Лидин 2006; Лосев 1990; Малащенко 2003; Pulgram 1984; Woodward 2002).

Специфический лингвистический статус ОА как слоя единиц, изучение которых входит в круг вопросов лингвокультурологии и ономастики обусловил использование таких методов исследования семантики ОА: *описательный метод, этимологический метод, метод компонентного анализа, лингвокультурологического и количественного анализа.*

Под методом чаще всего понимают систематизированную совокупность шагов, приемов которые необходимо предпринять для выполнения определенного задания, достижения цели (Большой энциклопедический словарь 2008). Каждый метод характеризуется собственной сферой применения и исследует отдельные аспекты и качества объекта.

Суть описательного метода состоит в наблюдении, обобщении, интерпретации и классификации языкового материала (Теория и методика ономастических исследований 2009: 36). Результатом наблюдения является выделение ОА из общего фонда антропонимов английского языка. Корпус языкового материала, который стал основой этого исследования, насчитывает 3275 антропонимов. Языковые единицы отбирались из специализированных антропонимических словарей и источников художественной литературы с учетом критериев отбора материала. Наличие оценочного компонента в значении антропонимов определялось на основе системы лексикографических средств – словарных помет, маркеров, графических и пунктуационных приемов, указаний на наличие оценочных лексем во внутренней форме имен. Обобщение связано с синтезом подобных сем в значении ОА в полную семантическую структуру.

Интерпретация представляет собой анализ ОА в диахроническом плане, т.е. рассмотрение хронологических этапов развития семантики ОА. В данном исследовании релевантным является определение периода приобретения антропонимом оценочного компонента значения, поскольку такая информация может стать определяющим фактором для участников процесса имянаречения.

Этимологический метод применяется при анализе внутренней формы ОА. В данном исследовании этимологический метод является одним из основных, поскольку этимология апеллятива – это один из актуализаторов оценки антропонимических единиц. Как отмечает В.Н. Телия, фундаментом (мотивирующим основанием) выявления оценки становится внутренняя форма антропонимов, а на эту мотивирующую основу “наслаивается эмотивная модальность” (Телия 1981: 87). Согласно концепции В. Н. Телия, эмотивная модальность, как и оценка, является обязательным компонентом коннотативного значения слова.

Специфика метода компонентного анализа состоит в вычленении минимального набора признаков, свойственных определенной категории языковых единиц (Суперанская 2009: 51). Один и тот же семантический признак ОА может иметь разный статус: от компонента дифференциального признака (фоновые компоненты семантической структуры антропонима), к категориальному, релевантному для всех личных имен (основные компоненты семантической структуры антропонима) (Кисель 2009: 25). При наличии дифференциальных сем в значении ОА корпус исследования был классифицирован на семантические классы, группы и подгруппы.

Лингвокультурологический анализ применялся для описания специфики английской картины мира и изучения влияния национально-культурных

факторов на формирование оценочного значения антропонимической лексики. В результате анализа были выявлены ценностные приоритеты и стереотипы англичан в процессе именованья.

Применение *количественного анализа* позволило определить продуктивность единиц разных семантических типов и интенсивность обогащения новыми оценочными проприальными единицами разных семантических классов и групп, а следовательно, и антропонимической системы английского языка в целом.

Совокупность вышеуказанных методов исследования языкового материала дает возможность изучить и описать структурно-семантические и функционально-стилистические особенности ОА в английском языке.

2.2 Общая семантическая характеристика оценочных антропонимов

Компонентный и этимологический анализ ОА позволил выявить ряд семантических признаков исследуемых языковых единиц. В результате анализа установлено, что основными элементами лексического фона ОА является этимология апеллятивной основы и культурно-исторический компонент (энциклопедическая информация о личном имени) (Верещагин, Костомаров 1990).

2.2.1 Актуализаторы оценки в значении антропонимов. Специфическая семантика антропонимической лексики дает возможность выделить два типа актуализаторов оценки: этимологию общей основы и культурно-исторический компонент (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1

Типы актуализаторов оценки (количественная характеристика)

Актуализаторы оценки	Количество	%
Этимология апеллятивной основы	1670	51
Культурно-исторический компонент	1605	49
<i>Всего</i>	<i>3275</i>	<i>100</i>

В работе под этимологией общей основы понимается значение лексем, которые составляют внутреннюю форму имени. Культурно-исторический компонент трактуется как объем внеязыковых сведений об антропониме, который включает в себя информацию об известных носителях имени или ассоциации с определенными литературными, кинематографи-

ческими персонажами-носителями такого или подобного имени (Верещагин, Костомаров 1990). Знак оценки антропонимов в данной работе определяется с учетом ценностного отношения субъекта речи к аспектам реальности, которые представляют английские антропонимы.

Количественные данные таблицы 2.1 свидетельствуют о том, что два типа актуализаторов оценки практически равноправны. Это утверждение коррелирует с известной в ономастике теорией относительно сосуществования в понятийном объеме антропонимической лексики информации лингвистического и экстралингвистического характера (Беліцька 2000; Верещагин, Костомаров 1990; Курдина 2011 а; б; в; г; Отин 1999; Суперанская 2009; Шеремет 1984). Например, этимология женского имени *Merry* коррелирует со значением английского прилагательного *merry* ‘веселый, подвижный’ (Сисоева 2012; 2013 а; б). Ассоциация фонографической формы имени с лексемой обозначающей положительные черты характера определяет позитивную оценку антропонима. Культурно-исторический компонент значения мужского имени *Clint*, являющееся сокращенной формой имени *Clinton*, эксплицируется в ассоциации с именем талантливого американского актера, режиссера, продюсера, композитора и политического деятеля Клинта Иствуда (Clint Eastwood). Популярность, а значит и позитивная оценка антропонима подтверждается словарной дефиницией: *now the name is bestowed because of its association with a popular American film actor, director, producer, composer and politician* (Freedman 1997).

2.2.2 Семантическая классификация оценочных антропонимов. На основе набора понятийных признаков представляется возможным выделить такие семантические классы ОА (см. табл. 2.2):

Таблица 2.2

Семантические классы английских ОА (количественная характеристика)

Семантические классы	Кол-во	%	Примеры
1	2	3	4
Аллюзивные ОА	1294	39,5	<i>Narcissus (m)</i> – имя мифологического персонажа, который влюбился в собственное отражение, олицетворяет самолюбие; <i>Cordelia (f)</i> – имя героини трагедии У. Шекспира “Король Лир”, самой молодой и самой любимой дочери короля

Продолжение таблицы 2.2

1	2	3	4
ОА с дифференциальной семой “внешность”	685	20,7	<i>Goldie (f)</i> – имя указывает на красивый золотистый цвет волос; <i>Belle (f)</i> – имя ассоциируется с итал. <i>bella</i> или франц. <i>belle</i> ‘красивая’
ОА, указывающие на род деятельности и социальный статус	379	11,5	<i>Skipper (f)</i> – имя, образованное от прозвища <i>skipper</i> ‘капитан, руководитель’; <i>Earl (m)</i> – имя давалось тем, кто был на службе у графа, иронично подчеркивало низкий социальный статус носителя
ОА сферы религии	265	8,1	<i>Faith (f)</i> ‘вера’, <i>Felicity (f)</i> ‘счастье’ – пуританские антропонимы, непопулярные как личные имена
ОА, означающие черты характера и личностные качества	164	5,3	<i>Loyal (m)</i> – англ. <i>loyal</i> ‘верный, преданный’; <i>Curtis (m)</i> – происходит от франц. <i>curteis</i> или англ. <i>courteous</i> ‘вежливый’
ОА с дифференциальной семой “межнациональная вражда”	132	4	<i>Norris (m)</i> – норман. <i>norreis</i> ‘север’, приобретает негативную оценку из-за недружественных отношений жителей юга и севера; <i>Scot (m)</i> – распространенное имя в Шотландии
ОА с дифференциальной семой “межличностные отношения”	116	3,6	<i>Honey (f)</i> – англ. <i>honey</i> ‘милая’; <i>Pet (f)</i> – (сокращ. от <i>Petula</i>) англ. <i>pet</i> ‘питомец, любимый’
Другие	237	7,3	<i>Donna (f)</i> – итал. <i>donna</i> ‘дама’; <i>Holly (f)</i> – <i>holly</i> ‘падуб, остролист’ (растение, ассоциируется с европейским Рождеством)
Всего	3275	100	

По данным таблицы 2.2, в количественном отношении значительно превалирует семантический класс “аллюзивные ОА”, который насчитывает 1294 единицы, что составляет 39,5 % от общего объема выборки. Второе место по количественному наполнению занимает класс “ОА с дифференциальной семой “внешность”, в который вошли 685 ОА, что составляет 20,7 % от общего количества единиц. Менее продуктивен семантический класс “ОА, указывающие на род деятельности и социальный статус”, который насчитывает 379 ОА, 11,5 % от общего объема выборки, классы

“ОА сферы религии”, “ОА, означающие черты характера и личностные качества” и “ОА с дифференциальной семой “межнациональная вражда”, представленные 265 ОА (8,1 %), 164 ОА (5,3 %) и 132 (4 %) соответственно. Наименьшее количество ОА зафиксировано в семантическом классе “ОА, с дифференциальной семой “межличностные отношения” (116 ОА, 3,6 % от общего объема выборки). Целесообразным оказалось выделение отдельного класса “другие”, к которому отнесено 237 ОА (7,3 %), семантика которых не соотносится ни с одним из вышеуказанных семантических классов.

2.2.3 Классификация оценочных антропонимов по характеру оценки. Анализ семантики исследуемых единиц позволяет определить специфический характер оценки в подсистеме антропонимической лексики. В отличие от оценочных имен нарицательных, характеризующихся количественным преимуществом негативно окрашенных лексем, в фонде оценочной антропонимической лексики преобладают позитивно окрашенные единицы. Анализ аксиологических характеристик английских антропонимов определяет существенное преобладание позитивно оценочных ОА над негативно оценочными (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3

Соотношение позитивно и негативно окрашенных антропонимов

Характер оценки	Количество	%
“+” окрашенные	2639	80,6
“-“ окрашенные	636	19,4
<i>Всего</i>	<i>3275</i>	<i>100</i>

По данным таблицы 2.3, позитивно-оценочные антропонимы (2639 ОА, 80,6 % от общего объема выборки) составляют существенный пласт английского антропонимикона. Таким образом, позитивно оценочная антропонимическая лексика, фиксируя в своей семантике только положительные аспекты реальности, отражает имеющиеся в концептуальной картине мира представления английского культурно-языкового общества, в том числе определяет специфические черты процесса именования. Мотивы участников имянаречения определяются стремлением выбрать имя с пожелательной семантикой или имя, имеющее позитивные культурно-исторические ассоциации (Курдина 2011 д; е).

2.3 Семантический класс аллюзивных оценочных антропонимов

Семантический класс аллюзивных оценочных антропонимов (далее АОА) (термин “аллюзивный антропоним” употребляется вслед за Т.С. Олейник (Олійник 2001), является самым продуктивным, он охватывает 1294 ОА (39,5 % от общего количества единиц выборки). Аллюзивность имен собственных связана с тем, что имя отождествляется с особенностями его носителя или с определенной ситуацией. Подобные имена становятся широко известными не только в определенном культурно-языковом пространстве, но и выходят за границы национальных антропонимических систем. Всемирно известные аллюзивные имена часто становятся символическими собственными именами (см. работы Н. Ф. Алефиренко (Алефиренко 2010), Т С Олейник (Олійник 2001). Загадка в тексте аллюзивного ИС вызывает ряд ассоциаций, основной отправной точкой которых является начальный (буквальный) образ, известный читателю из определенного литературного источника. Именно поэтому для адекватного восприятия информации необходимо прежде всего определить этот источник. Основываясь на классификацию Т. С. Олейник (Олійник 2001), по происхождению выделяем следующие АОА:

1. Исторические АОА: *Rockefeller* (Рокфеллер) “богатство, благотворительность” (Hanks, Hodges 1996).

2. Литературные АОА: *Simon Legree* (Симон Легри) – продавец “живым товаром”, персонаж повести Гарриет Бичер-Стоу “Хижина дяди Тома” (1852), отличающийся особой жестокостью в обращении с неграми → “жестокий, беспощадный человек” (Hanks, Hodges 1996).

3. Библейские АОА: *Dorcus* (Доркас) – имя женщины-християнки в “Новом Завете”, которая шила одежду и раздавала ее бедным → “благотельница” (Hanks, Hodges 1996) (см. табл. 2.4).

Таблица 2.4

Классификация аллюзивных оценочных антропонимов по происхождению

Семантические группы АОА (по происхождению)	Количество	%	Примеры
1	2	3	4
Исторические АОА	451	34,9	<i>Monroe</i> (f, m) – ассоциация с Meryly Monroe (звезда кино) и James Monroe (пятый президент США)

Продолжение таблицы 2.4

1	2	3	4
Литературные АОА	439	33,7	<i>Frankenstein (m)</i> – герой романа “Франкенштейн, или современный Прометей” М. Шелли; талантливый, но несчастный создатель
Библейские АОА	407	31,4	<i>Philippina (f)</i> – греч. <i>philein</i> ‘любить’ + <i>poine</i> ‘боль; имя символизирует самоистязание
<i>Всего</i>	<i>1297</i>	<i>100</i>	

По данным 2.4, наиболее продуктивной семантической группой этого класса является группа исторических АОА, в которую вошли 451 ОА (34,9 % от количества единиц этого класса). Группа “Литературные АОА” менее многочисленна, она насчитывает 439 ОА (33,7 %). Наименьшей по объему является группа “библейские АОА”, которая представлена 407 ОА, что составляет 31,4 % от общего количества АОА.

Знак оценки аллюзивных антропонимов определялся только с учетом культурно-исторического компонента коннотативного значения исследуемых единиц, т.е. энциклопедической информации об известных носителях, закрепленной в лексическом фоне на уровне узуса. Значит, в семантике АОА по характеру оценочной квалификации преобладает рациональный тип оценки.

По характеру оценки фиксируется значительное преимущество позитивно над негативно окрашенными АОА, что составляет 1046 ед., 80,6 % от общего количества единиц класса и 251 ед., 19,4 % соответственно. Этот факт объясняется стремлением участников языкового сообщества зафиксировать в активном именнике антропонимы, сохраняющие ассоциации с известными историческими, литературными и библейскими носителями, объем национально-культурной информации о которых соотносятся с позитивным концом аксиологической шкалы.

2.3.1 Семантическая группа исторических аллюзивных оценочных антропонимов. В работе под историческими аллюзивными оценочными антропонимами понимаются имена, которые развили дополнительные значения, референтные коннотации, которые основываются на ассоциациях антропонимов с именами известных носителей.

По степени популярности референта исторические АОА классифицируем на антропонимы общей популярности и антропонимы, преимущественно известные в англоязычных странах (см. табл. 2.5).

Семантические подгруппы исторических АОА

Исторические АОА		Кол-во	%	Примеры
Общая популярность	• социально-политические деятели	180	39,9	<i>Adolf (Adolph) (m), Rockefeller (m), Fulbright (m), Dwight (m), Diana (f)</i>
	• предавители сферы эстрады, театра и кино	112	24,8	<i>Mae (f), Madonna (f), Harvey (m), Elvis (m)</i>
	• представители сферы спорта	40	8,9	<i>Martina (f), Rocky (m), Jordan (m), Anna (f)</i>
известные преимущественно в англоязычных странах		119	26,4	<i>William (m), Grace (m), Casey (m)</i>
Всего		451	100	

По сведениям таблицы 2.5, в группе исторических АОА значительно преобладают оценочные антропонимы общей популярности (332 ОА, 73,6 % от количества единиц группы). Среди общеизвестных АОА самыми многочисленными являются ОА социально-политических деятелей (180 ОА, 39,9 %) и представителей сферы эстрады, театра, кино (112 ОА, 24,8 %). Группа АОА представителей сферы спорта (40 ОА, 8,9 %) менее продуктивна. Отдельную подгруппу формируют АОА, известные преимущественно в англоязычных странах (119 ОА, 26,4 %).

По характеру оценки зачительно преобладают позитивно-оценочные антропонимы (384 ед., 85,1 % от всех единиц этой группы) над негативно-оценочными (67 ед., 14,9 %). В семантической структуре единиц этой группы наблюдается преобладание ОА с рациональной оценкой. В коннотативном значении исторических АОА оценка объединяется с социокультурным компонентом, т.е. объемом информации об известных носителях.

2.3.1.1 Подгруппу “социально-политические деятели” формируют 180 антропонимических единиц, что составляет 39,9 % от количества единиц группы. Семантический анализ показывает, что оценка антропонимов этой группы определяется только культурно-историческим компонентом, а не этимологией апеллятивной основы. То есть отношение к имени с референтной коннотацией формирует исторический портрет его известного носителя. Например, специфика оценочной семантики германского имени *Adolf* (англизированный вариант *Adolph*) состоит в том, что имя имеет ассоциативную связь в сознании носителей языка с центральной фигурой

немецкого национал-социализма, основателя тоталитарной диктатуры Третьего рейха, человеком, чья популярность окрашена “–” Адольфом Гитлером. Общественно-политическая деятельность этого человека, ставшая причиной начала Второй мировой войны, воспринимается как проявление невообразимой ненависти и враждебности. Именно имя *Adolf* стало логически мотивированным и символическим, окрашенным в сознании носителей языка абсолютной негативной оценкой. Энциклопедическая информация об известном носителе шимени делает его непривлекательным и непопулярным (табуированным) с момента начала Второй мировой войны. В подтверждение приведем заглавие газетной статьи “The New Adolf” (CNN March 29, 1999), где политика Слободана Милошевича, с чьим именем связан ряд сложных и драматических этнических конфликтов и гражданских войн, сравнивается с деструктивной деятельностью Адольфа Гитлера. В приведенном заголовке автор статьи использовал негативно-окрашенное собственное имя исторической личности, жестокого, безжалостного деспота, вместо имени нарицательного, например существительного *tyrant* ‘тиран, деспот’ с целью привлечь внимание читателей. В стилистике этот прием называется антономазией (языковой оборот, используемый для обозначения присущих или приписываемых человеку черт и заключается в замене имени нарицательного собственным именем исторической личности, литературного персонажа и тому подобное или другим именем нарицательным) (Ахманова 1969: 107).

Примером анализируемых АОО с позитивной референтной коннотацией, а значит, и с позитивной оценкой, может служить имя *Rockefeller* (Рокфеллер), которое в сознании языкового общества неразрывно связано с Джоном Дэвисоном Рокфеллером (1839–1937), американским предпринимателем, первым долларовым миллиардером в истории человечества. Известно также, что Рокфеллер был одним из крупнейших филантропов США, основателем Фонда Рокфеллера, который жертвовал большие суммы на образование, медицинские исследования, в том числе, на борьбу с желтой лихорадкой. От также основал университет Чикаго и Университет имени Рокфеллера. Рокфеллер был верующим баптистом и жертвовал часть своих доходов в поддержку церковных учреждений в течение всей жизни. Следовательно, исторический портрет этого общественно-политического деятеля создает положительный образ богатого человека, который не жалеет средств на благотворительность. Можно говорить о символическом характере имени, которое вызывает ассоциации с богатством, благотворительностью. В общественном сознании этот антропоним окрашен позитивной оценкой.

Высокая степень популярности носителя имени может способствовать переходу ОА в омонимические нарицательные существительные, при этом не всегда наблюдаются изменения в орфографии имени, например: “You don't have to be a *Rockefeller* to collect art” (The Times, January 2002) или “I'm no *Rockefeller*, I'm no fortune teller, I don't promise you my heart” (текст песни группы Modern Talking “I'm no Rockefeller”), где имя *Rockefeller* означает невероятно богатого человека, которому подвластно все. Однако в других контекстуальных условиях может употребляться с оттенком пейоративности: Everything he has is this 10-year-old Chevy – *Rockefeller* would be jealous. (The Voice Magazine, May 18 2009).

Исследователи указывают на наличие эстетического и социального компонентов в коннотативном значении исторических антропонимов (Шаховский 1994; 2008; Cameron 1961), которые тесно связывают ономастику и психолингвистику.

Социальный и эстетические компоненты антропонимов играют активную роль в создании “антропонимической мозаики эпохи”: “в имени заложен только иероглиф, только намек, условный знак события, действие или качество. Задумываясь над его этимологией, мы призываем на помощь собственный жизненный опыт и знания, домысливаем и “расцветиваем” картину, ключевой момент которой подсказан именем, как бы становимся соавторами образа, заложенного в основу имени” (Щетинин 1966: 8).

Социальный и эстетический компоненты собственного имени политика играют важную роль при создании имиджа. Например, замена полной формы личного имени *Antony* на деминутивную форму *Tony* экс-премьер-министра Великобритании стала своего рода знаменем обновленной Британии, стремящейся на пороге третьего тысячелетия стать постиндустриальным государством, эмблемой ее новых политических идей. Имя *Tony* звучит энергичнее имени *Antony* (“it sounds zippier”) (Utley 1993: 12), именно его краткость и энергичность звучания соответствует имиджу молодого энергичного лидера-реформатора Британии на рубеже тысячелетий.

К. Триллин полемизирует с премьер-министром, отстаивая исконно английские антропонимические традиции, выступая против “экспансии” дериватов. Он считает, что дериват имени не соответствует статусу премьер-министра (Trillin 1994: 12).

Жизнеспособность антропонима в языке отмечается, в первую очередь, его семантическим потенциалом с устойчиво закрепленным ассоциативным содержанием. Ассоциативность антропонима связана с тем, что он отождествляется с особенностями его носителя или с определенной ситуацией (Мурнаева 1993: 67).

Так, имя *Monica*, в связи со скандалом вокруг бывшего Президента США Билла Клинтона, приобрело негативные коннотации, которых раньше в этом имени не было. Наоборот, оно ассоциировалось у американцев с милой домашней женщиной. Э. Монкур в статье “Why didn't Monica change her moniker?” (“Почему Моника не изменила свое имя?”) задается вопросом, действительно ли имя *Monica* подходит для женщины, находящейся в центре громкого сексуального скандала.

Э. Монкур подчеркивает, что за именем закрепились исключительно положительные ассоциации. Учитывая этот факт, автор статьи делает вывод о том, что имя *Monica* не соответствует статусу роковой женщины, ему легче представить в роли секс-символа его старую тетушку Флосс или партнершу по танцам в младших классах школы, чем женщину с этим именем (Moncur 1998).

Анализ семантики АОА позволяет прийти к выводу о том, что только небольшая часть подобных имен используется в процессе имянаречения, однако они активно принимают участие в процессах трансонимизации – переходе имени из одного разряда в другой (Подольская 1988). Это один из новейших путей создания имен собственных в современном языке. Трансонимизация бывает абсолютной, или безафиксной, лексико-семантической, и смешанной, в которой принимают участие афиксы. В данной работе представлен только абсолютный вид трансонимизации и только те его проявления, когда обязательным промежуточным звеном выступают ОА, формально тождественные предыдущему состоянию, например: *Fulbright* (двухтемное имя германского происхождения, значение апеллятивной основы “очень яркий”) > *Fulbright* (ОА, имя основателя программы академических обменов Уильяма Фулбрайта (J. William Fulbright) > *Fulbright* (эргоним), *Mae* (орфографический вариант имени *May*, возможно, под влиянием *Maeve*) > *Mae* (популярная американская звезда кино Mae West) > *Mae* (надувной спасательный жилет, названный так в честь киноактрисы Мей Уэст, которая славилась пышным бюстом). В процессе трансонимизации на первый план выходят самые яркие ассоциации имени с тем или иным социально-политическим деятелем или литературным персонажем.

Как уже отмечалось ранее, в семантике АОА оценочный компонент определяется только на основе отношения языкового общества к фрагментам реальности, с которыми соотносятся имена. Этимология внутренней формы не является приоритетной при определении знака оценки АОА, хотя в единичных случаях может также привлекаться к рассмотрению. Например, популярное имя *Fulbright* иллюстрирует корреляцию социального и эстети-

ческого компонентов его коннотативного значения. Если обратиться только к этимологии имени, оно уже импонирует, поскольку означает “очень яркий, выдающийся, прославленный”. Как видим, имя стало для Уильяма Фулбрайта счастливым знаменем.

2.3.1.2 Группа аллюзивных исторических ОА общей популярности также включает подгруппу имен, чьи носители представляют сферу эстрады, театра и кино (112 единиц, 24,8 % от количества исторических АОА). Роль таких имен в процессе имянаречения очень важная. Популярность того или иного актера или актрисы кино, театра или популярность исполнителя эстрадной песни обуславливает популярность их имен. Структурно-семантической особенностью этой семантической подгруппы антропонимов является преимущество гипокористиков (уменьшительных имен) над полными формами антропонимов.

Следует отметить, что в подгруппе английских ОА, чьи носители связаны со сферой кино, театра и эстрады, кроме традиционных для английского языкового общества имен (*Madonna (f)*, *Sylvester (m)*, *Elvis (m)*, *Catherine (f)*, *Matthew (m)* (Freedman 1997) выделяется также группа редких имен. Некоторые из редких мужских и женских антропонимов не зарегистрированы в словарях и антропонимических справочниках: *Darren (m)*, *Feargal (m)*, *Fenn (m)*, *Keanu (m)*, *Per (m)*, *Pio (m)*, *Blondean (m)*, *Bud (m)*, *Capers (m)* (Freedman 1997); женские имена *Cerys (f)*, *Olwyn (f)*, *Sharyn (f)*, *Calista (f)*, *Chasity (f)*, *Courtney (f)*, *Emme (f)*, *Kamena (f)*, *Oprah (f)* (Freedman 1997). Отношение англичан к редким именам неоднозначно. Некоторые из таких имен, особенно женские, маркируются позитивной оценкой, например, имя *Courtney* (Freedman 1997). Другие, например, *Berleana* (Freedman 1997) – негативной, о чем свидетельствует частота употребления единицы в процессе именованья.

2.3.1.3 К общеизвестным историческим АОА отнесена также подгруппа, которую формируют имена, ставшие популярными благодаря достижениям их носителей-спортсменов. Сфера спорта является одним из источников пополнения национального антропонимикона позитивно или негативно оценочными именами. Семантическая подгруппа по этому классификационному признаку насыщается 40 единицами (8,9 %). В подгруппу вошли имена представителей разных видов спорта, которые достигли высоких результатов на международных олимпийских соревнованиях. Примечательно то, что для спортсменов-боксеров очень важным элементом имиджа, вызывающего страх у соперников, является имя. Так, своим возникновением личное имя *Rocky (m)* обязано появлению на спортивной арене итальянского боксера

Рокки Марчиано (Rocky Marciano), который «англизировал» свое итальянское имя *Rocco (m)*, заменив его антропонимом *Rocky* (Hanks, Hodges 1996) (англ. *rock* ‘скеля’), который изначально функционировал в антропонимике не как прозвище сильного, бесстрашного человека. Имя *Rocky* маркировано в ономастических словарях и справочниках как популярное имя среди родителей, которые предвещают спортивное боксерское будущее своим сыновьям. Подобными тенденциями характеризуются имена *Martina (f)* (Martina Navratilova – выдающаяся чехословацкая и американская теннисистка, «первая ракетка» мира в 1978–1987 гг.), *Pete (m)* (Pete Sampras – бывший американский теннисист греческого происхождения, 14-кратный победитель турниров Большого шлема в одиночном разряде, был первой ракеткой мира в течение 286 недель, установив рекорд по продолжительности пребывания в ранге первой ракетки мира среди мужчин). Частота использования так называемых «спортивных» антропонимов как имен собственных делает их мотивированными и воспринимается как актуализатор позитивной оценки. Однако есть и исключения. Так, имя *Anna (f)* среди людей, чьи интересы связаны со спортом, ассоциируется со спортсменкой-теннисисткой Анной Курниковой (Anna Kournikova), которая достигла достаточных высот в профессиональном спорте (бывшая ракетка мира в парном разряде, двукратная победительница Открытого чемпионата Австралии в парном разряде). Однако Анна Курникова объединяла свою спортивную деятельность с карьерой фотомодели, что вызвало неоднозначное отношение к ее личности. Все это обуславливает непопулярность имени среди родителей спортивных детей. В прессе имя Анны все реже употребляется в контексте ее спортивных достижений, чем и приобретает скорее негативную оценку в сознании болельщиков, например, ‘*Bikini – Wearing Tennis Star Anna Kournikova is back*’, ‘*Anna Kournikova's skimpy dress was a hot topic over Labor Day weekend*’ (The Huffington Post, January 10, 2011).

2.3.1.4 Кроме исторических ОА общей популярности, семантический класс АОА включает подгруппу ОА людей, известных преимущественно в англоязычных странах, которая насчитывает 119 единиц (26,4 % от общего объема исторических АОА). Семантика единиц, которые составляют данную подгруппу, осложнена национально-культурными коннотациями или “созначениями”, “семантическими приростками” (Отин 2000), которые являются весомыми в пределах отдельных лингвокультурных пространств. Например, имя *Casey (m)* в сознании американцев имеет достаточно емкое ассоциативное содержание. Героический поступок его известного носителя Кейси Джоунса (Casey Jones) сделал это имя, прозвище ирландского про-

исхождения, гельск. *Cathasaigh* 'внимательный, бдительный', известным и любимым. Кейси Джоунс был машинистом центральной железной дороги в Иллинойсе, ценой собственной жизни он спас сотни пассажиров "Canonball Express", который столкнулся с товарным поездом. Антропоним *Casey* (Hanks, Hodges 1996) пользуется широкой популярностью как в женском, так и в мужском варианте имени, укрепившись в английском антропонимиконе в форме диминутива, суффикс *-ey* коннотирует оттенок ласкательности. Сепаратизация полной формы имени *Cathasaigh* от его диминутива *Casey* в английском национальном антропонимиконе свидетельствует о неразрывной связи семантики антропонима с судьбой конкретного члена социума. В рабочем коллективе Джоунса называли именно по имени *Casey*, что было уместным в неформальной дружественной обстановке, к тому же для американца было важно завуалировать свое ирландское происхождение. Следовательно, привлеченная к рассмотрению единица является позитивно-оценочным антропонимом, поскольку семантика этого онима включает значение начального мотивационного онима, а также отождествляется с именем национального американского героя.

Специфической характеристикой семантики единиц анализируемой подгруппы является преимущество историко-оценочных над современными оценочными антропонимами. Так, в английской АС уже продолжительное время популярными остаются такие имена, как *Richard, William, Elizabeth, Anna, Catherine, Victoria, Alexander, Alfred, Charles* (Hanks, Hodges 1996). На популярность этих имен, в первую очередь, повлиял тот факт, что они принадлежали известным в Англии историческим особам: членам королевской семьи, отважным рыцарям, бесстрашным воинам. Важно также отметить и то, что подавляющее большинство подобных имен имеет германское происхождение (*Richard, Edward, Alfred, Charles* (Hanks, Hodges 1996), что очень актуально в современном мире для сохранения национальной специфики в условиях растущей глобализации.

Иногда референтные коннотации в семантической системе исторических АОА выходят на первый план и влияют на образование дериватов их полных форм. Примером такого образования имени может быть гипокористическое имя *Queenie (f)*, которое возникло и функционировало в эпоху Викторианства как аллюзивная ласкательная форма имени *Victoria (f)*. В этом случае информация об известном носителе имени, королеве Великобритании Виктории (1819 – 1901), которая правила более 63 лет, соотносится с социальным компонентом коннотативного значения антропонима *Victoria*. Отождествление имени Виктория с правительницей Великобрита-

нии сделало его невероятно популярным и в наши дни. Однако аллюзивный диминутив *Queenie* утратил свою связь с начальной полной формой. Одним из мотивов выбора такого имени для ребенка может послужить только этимология общей основы антропонима, от староангл. *swēn* ‘женщина’, суффикс **-ie** коннотирует оттенок ласкательности (изначально гипокористический суффикс, характерный для антропонимических систем северной Англии и Шотландии).

2.3.2 Семантическая группа литературных аллюзивных оценочных антропонимов. Семантическая группа литературных АОА включает 439 единиц, что составляет 33,7 % от общего объема единиц класса и 13,4 % от общего объема выборки. Считаем целесообразным разделить группу литературных АОА на четыре семантические подгруппы по признаку национальной принадлежности литературных произведений-источников пополнения английского национального антропонимикона: из английской, американской, французской, античной литературы, мифологии и легенд (см. табл. 2.6).

Таблица 2.6

Семантические подгруппы литературных АОА

Литературные АОА	Кол-во	%	Примеры
• из английской литературы	232	52,8	<i>Jefferson (m), Ernest (m), Irene (f)</i>
• из американской литературы	77	17,5	<i>Jasper (m), Scarlet (f), Janette (f)</i>
• из французской литературы	72	16,4	<i>Carmen (f), Roland (f), Esmeralda (f)</i>
• из античной литературы, мифологии, легенд	58	13,3	<i>Cynthia (f), Corinna (f), Cora (f), Lyssa (f), Morgan (f), Lancelot (m)</i>
<i>Всего</i>	<i>439</i>	<i>100</i>	

По данным таблицы 2.6, в количественном соотношении центральными являются подгруппы “АОА из английской литературы” (232 ОА, 52,8 % от количества единиц подгруппы) и “ОА из американской литературы” (77 ОА, 17,5 %). Периферийными являются подгруппы “ОА из французской литературы” (72 ОА, 16,4 %) и “АОА из античной литературы, мифологии и легенд” (58 ОА, 13,3 %).

По характеру оценки обнаружено преимущество позитивно-оценочных антропонимов (307 ед., 69,9 % от всех единиц этой группы) над негативно-оценочными (132 ед., 30,1 %). В семантической структуре единиц этой груп-

пы наблюдается преобладание ОА с рациональной оценкой. В коннотативном значении литературных АОА оценка коррелирует с эмоциональным компонентом.

2.3.2.1 Неоспоримым является влияние английской литературы на национальный антропонимикон. В корпусе исследования семантическая подгруппа литературных антропонимов из английской литературы представлена 232 единицами. Благодаря творчеству Уильяма Шекспира в нее вошли такие женские имена, как *Celia* (f) (“Как вам угодно”), *Julia* (f) (“Две Вероны”), *Juliet* (f) (“Ромео и Джульетта”), *Jessica* (f) (“Венецианский купец”), *Imogen* (f) (“Много шума из ничего”), *Ophelia* (f) (“Гамлет”), *Miranda* (f) (“Буря”), *Viola* (Hanks, Hodges 1996) (“Двенадцатая ночь”) и др. Джонатан Свифт ввел в антропонимикон два женских имени *Vanessa* и *Stella* (Hanks, Hodges 1996).

В XVIII веке под влиянием возрождения готического романа в моду входят такие имена, как *Edgar*, *Alfred*, *Emma*, *Albert*, *Lancelot*, *Matilda* и др. Романтизм усилил восхищение средневековьем *Christabel*, *Manfred*, *Guy* и др. (Зайцева 1973: 37).

Подавляющее большинство личных имен, вошедших в моду благодаря произведениям литературы, – женские; они использовались для именования представительниц знати и буржуазии.

Семантика литературных антропонимов или поэтонимов (Калинкин 1999) “обрастает” коннотациями, которые соотносятся с характером, поступками, судьбой литературных персонажей согласно сюжетной линии, созданной автором. К позитивно-окрашенным литературным АОА относим, например, шекспировскую Корделию *Cordelia* (“Король Лир”), по сюжету пьесы она младшая и самая любимая дочка кроля Лир. В сознании читателей образ Корделии связан с такими качествами, как дочерняя любовь, преданность, искренность. Этими качествами наделяется и имя героини. Внимательный читатель, проникшись позитивными чувствами к героине, не может не заметить созвучия апеллятивной основы имени с греческим словом *карδια* ‘сердце’, символ средоточия душевных переживаний человека. Несмотря на нелегкую судьбу персонажа, имя является приоритетным в индивидуальных случаях, если родители подбирают необычное литературное имя, также как женские имена *Desdemona* (“Отелло” У. Шекспир), *Clarissa* (“Кларисса” С. Ричардсон). Антропонимическими антиподами имени *Cordelia* являются негативно-оценочные антропонимы *Regan* и *Goneril* (Hanks, Hodges 1996). Их преобладающие негативные характеристики можно трансформировать в “–” оценку.

2.3.2.2 Подгруппа ОА из американской литературы представлена 77 единицами (17,5 % от количества единиц подгруппы). Центральным произведением американской популярной литературы XX века становится роман Маргарет Митчелл “Унесенные ветром” (“Gone With the Wind”), события которого разворачиваются в южных штатах США в 1860-х годах во время (и после) гражданской войны. Популярность романа обусловила и любовь, признание англичанами имен, избранных М. Митчелл для ее персонажей. В антропонимических справочниках появляются мотивированные имена: *Scarlett, Ashley, Melanie, Rhett, Charles, Prissy, Dillsy, Frank, Ella* (Hanks, Hodges 1996) и др. Наиболее распространенными стали имена центральных персонажей *Scarlett* и *Rhett*. Однако степень активности таких имен в английской АС разная. В реальном использовании при имяназвании женское имя *Scarlett* – популярнее, чем мужское имя *Rhett*, которые трансформируются в позитивную (*Scarlett*) и негативную оценку (*Rhett*).

2.3.2.3 Нельзя недооценивать значение французской литературы в процессе пополнения национального английского антропонимикона. Часть ОА французского происхождения составляет 72 единицы (16,4 %). Некоторые женские имена, которые попали в английскую АС из французской литературы, привлекают аллюзивностью образа литературного персонажа и необычностью такого именования. Так, например, образ соблазнительной, страстной цыганки Кармен *Carmen* (f), главной героини оперы Ж. Бизе “Кармен” по мотивам одноименной новеллы П. Мериме, может привлекать родителей, которые ищут для ребенка необычное, яркое, семантически “не пустое” имя.

Часть литературных антропонимов со временем переходит в разряд символических. Примером этого являются имена французского происхождения *Ronald* (m) и *Oliver* (m) (Hanks, Hodges 1996), герои французского средневекового эпоса “Песня о Роланде”. Легендарный племянник Карла Великого Роланд, который стал символом достоинства и чести, часто вспоминается вместе со своим другом Оливером. Единоборство Роланда и Оливера, силы которых были равны, не привело к победе ни одного из них. Несмотря на позитивно-оценочную характеристику, имя не пользуется широкой популярностью в англоязычных странах, но достаточно распространено во Франции и Италии, где функционирует в форме *Orlando*. В английском языке наполнение антропонимов *Ronald* и *Oliver* интеллектуальной информацией привело их к постепенной апеллятивации: англ. *to give smb. a Roland for an Oliver* ‘удачно отпарировать; ответить ударом на удар’. По мнению И. В. Гайдук, “каждое имя собственное – потенциальный апеллятив: при ус-

ловии приобретения им разных коннотаций оно имеет тенденцию (с разной степенью четкости) к апеллиативации; граница между ними – живая, шаткая, нередко контекстуальная” (Гак 1990: 123).

В результате апеллиативации антропоним увеличивает свой семантический объем, поскольку приобретает способность характеризовать целые классы однородных предметов. При этом из состава предыдущего значения выделяется признак (*Ronald i Oliver*: храбрость, сила, смелость, равенность в бою), на основе которого осуществляется переход к новому значению (Гак 1990: 123).

2.3.2.4 В английском антропонимиконе пласт оценочных литературных антропонимов, пришедших из античных литературных источников, мифов и легенд довольно незначительный, всего 58 единиц (13,3 %). В языковом сознании миф проявляет себя через мифонимы. Коннотативное содержание мифонимов (ИС выдуманного объекта любой категории (героев, богов, демонических персонажей, местностей) в мифах, легендах (Подольская 1988) характеризуется относительной однозначностью, “понятной образностью”, что делает многих из них символическими именами. В греческой мифологии *Deadalus (m)*, отец Икара, который построил лабиринт критскому царю Миносу → скульптор, творец; *Lancelot (m)*, один из рыцарей легендарного короля Артура → олицетворение красоты и мужества; *Hercules (m)*, знаменитый сын Зевса и смертной женщины Алкмены (Мифологический словарь 1999) → олицетворение силы; *Cynthia (f)*, эпитет богини Артемиды → у Гомера образ девичьей стройности, женского целомудрия; *Corinna (f)*, образ женщины, которой посвящена любовная поэзия Овидия → объект воспевания в римской литературе. Семантический анализ этих литературных и мифологических единиц обнаруживает преимущество в аспекте эмоционально-оценочной характеристики позитивно-оценочных антропонимов над антропонимами с оттенком пейоративности. Это утверждение объясняется спецификой системы представлений и суждений давних народов (преимущественно греков) об устройстве мира, а также верой в победу светлых сил добра над темными силами зла.

Вышеуказанное дает возможность сделать вывод о том, что литературные антропонимы как неотъемлемые элементы художественной реальности, “проживая” жизни своих персонажей, “аккумулируют” коннотации, которые отображают отношение читателей к определенному образу литературного персонажа. Критерий популярности имен также играет важную роль в актуализации оценочной характеристики литературного антропонима. Имена, однородные с точки зрения происхождения, могут противо-

поставляться в оценочном плане на основе их характеристик в сюжетной канве литературного произведения. Литературные ОА нередко становятся объектами семантических процессов апеллятивации и символизации. В процессе имянаречения литературная антропонимическая лексика может быть приоритетной в индивидуальных ситуациях, связанных с поиском необычного “интеллектуального” имени.

2.3.3 Семантическая группа библейских аллюзивных оценочных антропонимов. Семантическая группа библейских АОО представлена в исследовании 407 единицами, что составляет 31,4 % от общего объема семантического класса АОО (см. табл. 2.4). В традиции именования христиан библейские имена популярные и любимые. Библейские имена охватывают значительную часть антропонимикона любого языка, они обслуживают христианское культурное пространство и характеризуются моносемантической, т.е. понятийное содержание и коннотация этих имен одинаково воспринимаются носителями разных языков.

Пласт ОА библейского происхождения можно разделить на две группы: антропонимы с позитивным и негативным аллюзивно-ассоциативными полями, т.е. с позитивной и негативной оценкой. К первой группе единиц были отнесены следующие имена: *Dorcus* (*f*) – имя женщины-христианки в Новом Завете, которая шила одежду и раздавала ее бедным, благодетельница; *Peter* (*m*) – апостол, самый преданный ученик Христа; *Simon* (*m*) – в Новом Завете священник, *Simeon* (*m*) (Симеон) древнеевр. ‘тот, который слушает и повинуется’, благословил новорожденного Иисуса в храме; женское имя *Madeleine* (*f*) (Hanks, Hodges 1996), которое ассоциируется с Марией Магдалиной, которая, исцеленная Господом от злых духов, с чувством благодарности к нему везде сопровождала Господа во время его земной жизни и др. Такие имена продолжительное время пользуются популярностью в английской АС и являются достаточно распространенными в англоязычных странах, что подтверждает их позитивно-оценочную характеристику.

К негативно-оценочным принадлежат имена, которые отождествляются с библейскими персонажами, известными нелегкой судьбой или нехорошими поступками. Так, имя *Delilah* (*f*) (Hanks, Hodges 1996) (Hanks, Hodges 1996) ассоциируется с библейской героиней, которая рассказала филистимлянам, что сила Самсона – в его волосах, тем самым обрекла его на гибель. Библией ее поступок трактуется как измена, а сама героиня символизирует такие человеческие пороки, как коварство, неверность. Яркий, эмоционально-оценочный компонент коннотативного содержания антропонима

является основой для символизации и апелляции. Английское существительное *a delilah* (*a seductive and wily temptress*) ‘лукавая соблазнительница’) – результат антропонимического словообразования. Еще одним примером имени из Библии с ярким негативно-ассоциативным полем является антропоним *Mara* (*f*) (Hanks, Hodges 1996) – имя, которое выбрала себе Ноемиль после возвращения из Вифлеема овдовевшей и бездетной. Слова из Библии эксплицируют негативную оценку имени *Mara*: “*Call me not Naomi call me Mara : for the Almighty hath dealt very bitterly with me*” (Ruth 1 : 20). – ‘Не называйте меня Ноемилю (приятная), сказала она при этом а называйте меня Марою (горькая), потому что Вседержитель послал мне великую горесть’ (Руф 1 : 20). Подобные имена, как правило, непопулярные при выборе имени, однако могут быть приоритетными в индивидуальных ситуациях.

По характеру оценки выявлено преимущество позитивно окрашенных библейских антропонимов (298 ед., 73,2 % от всех единиц этой группы) над негативно окрашенными (109 ед., 26,8 %). В семантической структуре ОА библейского происхождения наблюдается преобладание ОА с рациональной оценкой. Однако выделяем незначительное количество ОА, которые характеризуются рационально-эмоциональным типом оценки, что определяется дефиницией словарной статьи и лексикографическим указанием того, что имя является устаревшим. В значении исторических АОА оценка объединяется с экспрессивным и стилистическим компонентами коннотации.

2.4 Семантический класс оценочных антропонимов с дифференциальной семой “внешность”

Группа ОА с дифференциальной семой “внешность” охватывает 685 единиц (20,7 % от общего количества единиц выборки). В пределах этого лексико-семантического класса можно выделить пять групп ОА с семантическими признаками: “цвет волос, кожи, глаз”, “комплексия, телосложение”, “черты лица”, “стиль одежды” и “другие характеристики” (см. табл. 2.7).

Таблица 2.7

Семантические группы ОА, характеризующие внешность
(количественная характеристика)

Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
1	2	3	4
Цвет волос, кожи, глаз	299	43,6	<i>Read (Reid) (m)</i> – прозвище человека с насыщенным рыжим оттенком волос или румяным цветом лица (рус. Рыжик)

1	2	3	4
Комплекция, телосложение	223	32,6	<i>Longbottom (m)</i> – прозвище человека с тучной задней частью тела
Стиль одежды	46	6,6	<i>Buck (m)</i> – англ. <i>buck</i> ‘денди, щеголь’
Черты лица	36	5,3	<i>Campell (m)</i> – гельск. <i>cam beul</i> ‘криворотый’
Другие характеристики	81	11,9	<i>Spike (m)</i> – англ. <i>spike</i> ‘вихрь’
<i>Всего</i>	685	100	

По данным таблицы 2.7, ОА анализируемого семантического класса формируют группы по признакам: “цвет волос, кожи, глаз” (299 ОА, 43,6 % от количества ОА группы), “комплекция, телосложение” (223 ОА, 32,6 %), “стиль одежды” (46 ОА, 6,6 %), “черты лица” (36 ОА, 5,3 %) и “другие характеристики” (81 ОА, 11,9 %). Численное превосходство ОА, характеризующих цвет волос, кожи, глаз, можно объяснить тем что указанные черты внешности являются более заметными.

В семантике рассматриваемой лексико-семантической группы преобладает рациональный тип оценки, что определяется на основании сем “отклонение от нормы” или “соответствие норме” в семантике антропонимов. Так, например, в словарной статье имени *Esau* (рус. Исав) находим: “*Biblical, from Hebrew word meaning ‘rough and hairy’*” (Hanks, Hodges 1996: 108) (Имя библейского происхождения, в переводе со староеврейского языка означает “грубый, волосатый”). Этимологическая справка в этом случае актуализирует аксиологическую модель “норма – отклонение от нормы”, а значит, сообщает негативную оценку. В результате классификации единиц корпуса исследования по характеру оценки обнаружено 505 позитивно маркированных антропонимов (73,7 % от количества единиц класса и 16,4 % от всех позитивно оценочных единиц) и 180 ОА с пейоративным компонентом значения (26,3 % и 6,8 % соответственно).

2.4.1 Группа ОА по дифференциальному семантическому признаку “цвет волос, кожи, глаз” наиболее многочисленная, она насчитывает 299 единиц (43,6 % от общего количества единиц класса ОА, характеризующих внешность). Результаты исследования семантико-словообразовательной структуры оценочных антропонимов этой группы позволяют выделить такие их характеристики: 1) преобладание онимов, коннотативный макрокомпонент которых имеет метафорический характер: *Ginger (f)*, *Silver (f)*, *Hazel (f)* (Hanks, Hodges 1996) (перенесение значения на основе подобия признаков);

2) преобладание ОА “прозрачной” семантики, т.е. этимология апеллятивной основы легко интерпретируется носителями языка: *Tawny (f)* – англ. *tawny* ‘темнокожий’; *Sandy (f)* англ. *sandy* ‘рыжий’; *Blodwen (f)* (вал. *blawd* ‘цветы’ + (g)*wen* ‘светлые волосы’); *Rhonwen (f)* (вал. *rhawn* ‘волосы’ + *gwen* ‘светлые волосы’) (Hanks, Hodges 1996). Среди отапелляционных ОА доминируют именованья с внутренней формой английского происхождения над заимствованными. Основными языками-источниками заимствований являются французский и латинский языки, например, *Flavia (f)* – лат. *flavus* ‘имеющий золотистые волосы’, *Blanche (f)* – *blanche* – форма женского рода от старофранцузского *blanc* ‘белый’ (Hanks, Hodges 1996).

2.4.2 Менее многочисленной является группа ОА с дифференциальной семой “комплексия, телосложение”, которая насчитывает 223 единицы (32,6 % от общего количества анализируемого класса). Следует отметить, что сема “полнота, тучность” в системе лексического значения имени может актуализировать как негативную, так и позитивную оценку. Примерами таких полярно маркированных ОА служат литературные антропонимы *Billy* (Hanks, Hodges 1996) (*Billy Bunter*, персонаж юмористического еженедельного журнала “Магнет лайбрани” (‘Magnet Library’ Чарльза Гамильтона) и *Piggy* (*Piggy*, персонаж романа У. Голдинга “Повелитель мух”). Так, негативно-оценочная семантика имени Билли (*Billy*), которое ассоциируется с такими неодобрительными качествами, как тучность, неуклюжесть, беззащитность, противопоставляется семантике имени Пигги (*Piggy*), полного мальчика в очках, чья полнота – символ надежности и стабильности. В романе У. Голдинга Пигги превосходит других персонажей интеллектуально. Именно Пигги думает, строит планы и ценит порядок.

Интересным является тот факт, что в английском антропонимиконе аксиологический фон имен *Piggy* и *Billy* составляют разные аспекты. Оба ОА имеют литературное происхождение, однако их внутренняя форма неоднородна. Апеллятивом прозвища *Piggy* служит словарное слово *piggy* (англ.) ‘поросенок, свинка, ненасытный ребенок’, а имя *Billy* является гипокористической формой популярного имени *William* (*will* англ. ‘воля, сила воли’ + *power* англ. ‘сила, мощь’), которое ввел в национальный антропонимикон Вильгельм Завоеватель (антропоним с культурно-историческим ассоциативным содержанием). Можно предположить, что в процессе создания имени антропонимы отапеллятивного происхождения преобладают над антропонимами с культурно-историческим ассоциативным содержанием. Понимание последних требует от участников процесса именованья определенного объема культурно-исторических, филологических знаний, а имя

с “прозрачной” внутренней формой изначально формирует в сознании субъекта именованного аксиологический статус имени, которой обычно выражается абсолютными оценочными понятиями “хорошо” – “плохо”. Часто именно ИС, производные от апеллятивов, становятся поэтонимами, именами в художественной литературе, антропонимическими образованиями, которые имеют в языке, кроме номинативной, характеризующей, стилистическую и идеологическую функции (Магазанник 1968). Таким образом, в литературных произведениях так называемые “имена с отчетливой внутренней формой, “говорящие имена” (Магазанник 1968: 172) дают читателю полный спектр представлений о денотате.

2.4.3 Относительно небольшой является группа ОА, характеризующих стиль одежды человека (насчитывает 46 единиц, что составляет 6,6 % общего объема единиц этого класса). Анализ семантической структуры свидетельствует о наличии в этой группе рационального типа оценки, поскольку в семантике ОА имеются семы, которые соотносятся с позитивными / негативными признаками. Например, мужское имя *Buck* произошедшее от английского существительного *buck* ‘модно одетый энергичный, подвижный молодой человек’ (позитивную оценку актуализируют семы “модно одетый”, “подвижный”); *Buster (m) – buster* ‘выдающийся человек, производящий глубокое приятное впечатление своим внешним видом’ (позитивная оценка определяется с учетом сем “выдающийся человек”, “приятное впечатление”); *Dandy (m)*, сокращенная форма имени *Andrew (m)*, символ модно одетого человека, щеголя (Рыбакин 1989) (единица характеризуется как позитивной – сема “модно одетый человек”, так и негативной оценкой – пренебрежительное “щеголь”). В анализируемой группе ОА преобладают позитивно-оценочные единицы, что объясняется логическим стремлением того, кто дает имя, зафиксировать в именовании позитивную характеристику. В словообразовательном плане единицы группы отличаются относительной простотой внутренней формы, поскольку все антропонимы являются результатом отапеллятивного имятворчества. Следует отметить, что структурно-семантическая простота антропонимов нередко становится причиной поэтономизации онимов (процесс перехода онима в поэтоним (Ярцева 1990), что является одним из ярких стилеобразовательных элементов и способов экспликации авторской идеи в произведении, в основном путем создания яркого образа персонажа, который запоминается. Так, например, привлеченный к рассмотрению ОА *Buster* был выбран создателем образа, художником Р. Оутколтом для персонажа газетных комиксов Бастера Брауна (*Buster Brown*). Серия юмористических рисунков в газете (1900 – сере-

дина 20-х годов XX в.) была посвящена истории десятилетнего мальчика Бастера Брауна. Став наследником огромного состояния, он развлекается тем, что вместе со своим веселым бульдогом Тайджемом и сестрой Мэри Джейн устраивает невообразимые пакости, доводя до бешенства окружающих. Образ яркого, энергичного, всегда одетого по последней моде персонажа заинтересовал владельцев компании по производству обуви, ныне известной как *Buster Brown shoes*, вследствие чего права на использование героя комиксов Бастера Брауна были выкуплены у их владельца.

2.4.4 Группу ОА, характеризующих черты лица, составляют 36 единиц гэльского и старофранцузского происхождения (*Taliesin (m) tal* ‘брови’ + *iesin* ‘красивый’, *Courtney (m, f)* старофр. *court* + *nez* ‘курносый нос’). Ныне много носителей имен англоязычных стран даже не догадываются о том, что их имена происходят от ирландского или шотландского варианта гэльского или валлийского языка. Примерами таких проприальных единиц могут служить имена: *Barry, Brian, Bridget, Donald, Duncan, Ian, Kenneth, Kevin, Neil*, и *Sheila*, которые происходят от ирландского и шотландского варианта гэльского языка, и *Gareth, Gladys, Gwendolen* и *Trevor* (Hanks, Hodges 1996) – от валлийского. Все подобные единицы – англинизированные формы кельтских имен, к которым можно отнести и имена, которыми называют детей, подсознательно желая почеркнуть гэльский национальный колорит происхождения: *Brendan, Connor, Cormac, Declan* и *Rory* или валлийское происхождение: *Branwen, Dylan, Gwyneth, Olwen* и *Wyn* (Hanks, Hodges 1996). Отметим также, что имена ирландского гэльского происхождения были популярными среди сельского безграмотного населения, служили одним из главных элементов национальной традиции, их передавали из поколения в поколение. В наши дни такие имена особенно популярные среди городского населения Ирландии и Шотландии. Анализ фактического материала позволяет говорить о тенденции использования неанглинизированных форм имени, что только придает проприальным единицам национальную окраску. Однако такие антропонимы не являются популярными среди жителей Англии. Видимо, отношения жителей единой в территориальном и эклектической в национальном плане страны достаточно неоднозначны, а кое-где даже враждебные, что обусловлено историческим прошлым.

В лингвистическом плане анализ антропонимов гэльского происхождения представляет определенные трудности, связанные с трактованием этимологии их общей основы. Фонология и система орфографии гэльского языка очень отличается от английского. Благодаря работам гэльских лингвистов – профессора Томаса де Балдреса (Professor Tomas de Bhaldraithe)

и Рональда Блэка (Mr. Ronald Black) (Hanks, Hodges 1996) – стало возможным определить компоненты внутренней формы некоторых привлеченных к рассмотрению антропонимов и описать вклад гэльской традиции именования в систему восприятия и оценивания англичанами единиц национального антропонимикона. Проанализированные единицы характеризуются преимущественно негативной оценкой в их семантике, поскольку эксплицируют внешние качества, которые маркируются в сознании людей как “отклонение от нормы”. Например, мужское имя *Campbell* – изначально функционировало как прозвище человека с искривленным ртом, что лексически зафиксировалось в форманте внутренней формы гэльск. *cam beul* ‘криворотый’. Также произошло имя *Cameron*, гэльск. *cam shron* ‘кривоносый’ (Hanks, Hodges 1996).

2.4.5 Подгруппа “другие” охватывает 81 ОА (11,9 %). Сюда вошли ОА, семантика которых не соотносится ни с одним классификационным признаком. По характеру оценки это позитивно-оценочные антропонимы, которые придают общую характеристику внешности носителя (*Bella (f)* (*Dulcibella (f)*) *Belle (f)*) – итал., франц. ‘милая, красивая’; *Eli (m)* – древнеевр. *Eli* ‘высокий, статный’; *Ethan (m)* – древнеевр. *Eythan* ‘сильный, крепкий’; *Coinneach (m)* – гэльск. ‘красивый, мужественный’ (Hanks, Hodges 1996) или характеризуют отдельные элементы внешности носителя (*Spike (m)* – англ. *spike* ‘вихрь’; *Crispin (m)* – лат. *crispinus* ‘кучерявый’; *Esau (m)* – древнеевр. ‘волосатый’ (Hanks, Hodges 1996).

Классификация ОА, характеризующих внешность, по характеру оценки обнаруживает значительное преимущество единиц с позитивно-оценочной семантикой (505 ОА, 73,7 % от общего числа антропонимов этого класса) над именами с пейоративным значением (180 ОА, 26,3 %). Позитивно-оценочные ОА этого класса – это активные элементы английского антропонимикона, которые традиционно выбираются как имена собственные в процессе имяназвания. Семантика негативно-оценочных антропонимов с дифференциальной семой “внешность” соотносится с понятием “отклонение от нормы”, что значительно уменьшает их активность в процессе имяназвания.

2.5 Семантический класс оценочных антропонимов, указывающих на род деятельности и социальный статус

Семантический класс ОА, указывающих на род деятельности и социальный статус, насчитывает 379 единиц, что составляет 11,5 % от общего объема выборки. Знак оценки антропонимов рассматриваемого класса определяется с учетом этимологии апеллятивной основы, которая имплицитно

рует невысокий статус их носителей относительно представителей знати, у которой они могли быть на службе.

ОА этого класса представлены преимущественно исконно английскими личными именами, которые произошли от названий профессий. Они возникают в староанглийский и частично новоанглийский период формирования национального антропонимикона. Анализ семантической структуры так называемых профессиональных имен (термин К. Б. Зайцевой (Зайцева 1973) свидетельствует о преобладании в семантической структуре единиц имплицитного коннотативного содержания, которое передает в большинстве случаев негативную оценочную характеристику, например, мужские имена *Brewster* (англ. *to brew* 'варить пиво') → пивовар; *Carter* (англ. *to cart* 'везти в телеге') → извозчик; *Coleman* → угольщик; *Chapman* (древнеангл. *caeran* 'торговать дешевым товаром') → мелкий торговец (Freedman 1997).

В семантике ОА данного класса преобладает эмоциональная оценка, ориентированная на отношение языкового общества к высокому или невысокому социальному положению носителей анализируемых имен, что имплицитно выражена в форме единиц: *Marshall (m)* – прозвище того, кто ухаживает за королевскими лошадьми; *Rich (m)* вошло в антропонимикон в конце XIX ст. как дериват имени *Richard* на основании омонимического подобия с английским прилагательным *rich* 'богатый'.

Среди ОА, обозначающих только статус, преобладают заимствования из французского языка и латыни, датированные XIII в. (*Elita (f)* – франц. 'избранная'; *Delroy (m)* – измененная форма франц. *le roy* 'король'; *Dominic (m)* – лат. 'господин, владыка'), а также единицы раннего словообразования кельтского происхождения (*Brian (m)* – 'благородный, возвышенный'; *Conn (m)* – 'вождь, правитель').

Анализ оценочного компонента семантики ОА, указывающих на род деятельности и социальный статус, фиксирует количественное преимущество позитивно-оценочных антропонимов (315 ОА, 83,1 % от количества единиц анализируемого класса и 9,6 % от всех позитивно-оценочных единиц) над негативно-оценочными (64 ОА, 16,9 % и 2,4 % соответственно).

Согласно теории личностной идентификации имя является одним из внешних атрибутов, отображающих социальный статус носителя. Это утверждение подкрепляется результатами социолингвистического опроса, который приводит в своей работе И. С. Чурсина (Чурсина 2002). Большинство респондентов, отвечая на вопрос, характеризует ли имя социальный статус носителя, дали положительный ответ. В высших сословиях общества, включая королевскую семью и дворянство, функционируют традиционные имена

(*James, Anne, Elizabeth*), а также распространена практика употребления нескольких имен (*Edward Thomas*). Необходимым условием для королевских имен является их функционирование в исходной, полной форме. Если имя двойное, но состоит из дериватов, его социальный статус резко понижается. Так, *Billy Ray* (вместо *William Geoffrey*) расценивается как “деревенское”, что еще раз подтверждает пренебрежительное отношение носителей английского языка к дериватам мужских имен. Среди представителей среднего класса типичным является использование хотя и традиционных, но несколько необычных имен, особенно при имянаречении девочек (к таким, согласно исследованиям И. С. Чурсиной, принадлежит *Jade*). Интеллигенция и богема отдает предпочтение необычным, придуманным или литературным именам (*Jude, Araminta, Woopi*). Для рабочего класса характерным является выбор имен, ассоциированных с популярными “звездами” кино, музыки, спорта, а также выбор модных на определенном этапе развития антропонимикона имен. Так, например, за последние пять лет среди мужских имен наибольшую популярность приобрел кельтский вариант *Liam* < нормано-французского имени германского происхождения *William*, чему способствовала популярность культового солиста группы “Oasis” *Liam Gallanger* и актера *Liam Neeson* (Чурсина 2002).

Принимая во внимание утверждение о существующей зависимости имени от социального статуса его носителя, можно выделить классы антропонимов, доминирующие в современном английском обществе. С одной стороны, большую часть антропонимикона составляют библейские имена (древнееврейского происхождения), имена канонизированных святых (в основном единицы греческого происхождения), а также латинские и греческие антропонимы, которые являются традиционными в английском ономастическом пространстве. С другой стороны, частотными являются также кельтские и иноязычные антропонимы. Первые принадлежат к классу традиционных, но необычных имен, другие воспринимаются респондентами как непривычные, интересные. Таким образом, приходим к выводу о том, что основную группу составляют традиционные, но необычные единицы, преобладающие при выборе имен типичными представителями современного среднего класса.

2.6 Семантический класс оценочных антропонимов сферы религии

Религия является одним из первичных факторов, которые определили направление и динамику процесса антропонимического словообразования и имянаречения. Религия сохраняет свою главную роль на современном

этапе развития антропонимикона, поскольку формирует мотив при имянаречении.

Указанный семантический класс насчитывает 265 единиц, что составляет 8,1 % от общего количества единиц словарной выборки. ОА сферы религии представлены католическими (56 единиц), именами пуритан (20 единиц) и протестантов (8 единиц). Оценочная маркированность антропонимов этого класса определяется характером межконфессиональных отношений в современной Англии, что обусловлено целым рядом социально-исторических факторов. Несмотря на то, что сама Англиканская Церковь возникла как определенный компромисс между католиками и протестантами, а конфессиональная ситуация характеризуется социологами как религиозный плюрализм, наблюдается определенная вражда между протестантами и католиками. Это обусловлено тем, что в свое время последователи Мартина Лютера выступили с протестом против католического правления (Crowder 2001).

По происхождению большинство католических ОА являются греческими заимствованиями, именами-обращениями к культу Девы Марии, чем объясняется большое количество имен-эпитетов, например: *Dolores (f)*, *Carmel (f)*, *Regina (f)*, *Candida (f)*. К группе католических имен также отнесены рекомендованные церковью античные антропонимы: *Achilles (m)*, *Apollo (m)*, *Vesta (f)*, *Venus (f)*, имена святых *Cajetan (m)*, *Chad (m)*, *Peregrine (m)*. Выделяется также небольшой процент имен, значение которых основывается на метафорическом объединении основ, например, имя греческого происхождения *Christopher(m)* образованное сложением основ греч. *Khristos* ‘Христос’ + *pherein* ‘носить’. Католики верили в то, что называя таким именем, они передают ребенку бога в сердце. Позже возникла интерпретация имени, которая дала начало легенде о святом, который на руках пернес маленького Иисуса через стремительный горный поток.

Во второй половине XVI в. благодаря нововведениям пуритан возникли такие имена, как *Beata (f)* ‘счастливая’, *Desiderius (m)* ‘желанный’, *Renovata (f)* ‘обновленная’, *Donatus (m)* ‘дарованный’, а также синтаксически более сложные *Praise-God (f, m)* ‘молитва – бог’, *Much-Mercede (f, m)* ‘много милости’, *Sin-denie (f, m)* ‘отрицай грех’, *Fear-Not (f, m)* ‘не бойся’, *The Lord is Near (f, m)* ‘господь рядом’. Со временем пуритане впали в крайности, создавая более сложные имена. В 1653 году убежденный сектант-пуританин выдумал себе такое имя: *If-Christ-had-not-died-for-all-you-should-have-been-damned (f, m)*. Однако следует отметить, что такой способ словообразования в современном английском антропонимиконе не реализуется. Эту тенден-

цию можно сравнить с антропонимическим творчеством, которое возникло в России в 20-е годы (Рылов 2006: 21–23).

В связи со значительным преимуществом сторонников протестантской веры пласт традиционных протестантских имен характеризуется позитивной оценкой (190 ОА, 71,7 % от количества единиц класса и 5,9 % от общего количества позитивно-оценочных единиц выборки), а имена католического и пуританского антропонимического творчества вызывают в сознании англичан в основном негативные ассоциации, поэтому являются негативно-оценочными (75 ОА, 28,3 % и 2,8 % от общего объема негативно оценочных единиц выборки).

2.7 Семантический класс оценочных антропонимов, обозначающих черты характера и личностные качества

Семантический класс ОА, обозначающих черты характера и личностные качества, насчитывает 164 единицы, что в процентном отношении составляет 5,3 % от общего объема словарной выборки. Дифференциальные семы единиц этого класса представляют такие черты характера и личностные качества, как мужественность (*Manley (m)* – англ. *manly* ‘мужественный, отважный’), благородность (*Noble (m)* – англ. *noble* ‘возвышенный, доблестный’), преданность (*Loyal (m)* – англ. *loyal* ‘верный, преданный’), серьезность (*Ernest (m)* – ассоциируется с англ. *earnestness* ‘серьезность, вдумчивость’), веселый нрав (*Merrily (f, m)* – англ. *merrily* ‘весело, радостно’).

Результаты семантического анализа антропонимов, обозначающих черты характера и личностные качества, свидетельствуют о практически абсолютном преимуществе позитивно-оценочных единиц (158 ед., 96,3 % от объема единиц класса и 6,4 % от общего количества позитивно-оценочных антропонимов) над негативно-оценочными (6 ед., 3,7 % и 0,2 %). В семантике анализированных единиц преобладает рациональный тип оценки. Актуализатором оценки в семантике этих единиц является значение апеллятивной основы. Например, семантика имен *Hilary (f)* (лат. *hilaris* ‘веселый, подвижный’), *Gaylord (m)* (франц. *gaillard* ‘радостный, неунывающий’), *Clement (m)* (лат. *clēmens* ‘жалостливый, милосердный’) окрашена позитивной оценочной характеристикой, а в коннотативном объеме имени *Cassian (m)* содержится негативная оценка, которая обусловлена содержанием внутренней формы (лат. *cassus* ‘пустой, бессмысленный, опустошенный’). В меньшей степени на оценку анализированных единиц влияют экстралингвистические факты. Например, имя *Reynard (m)*, которое стало символическим, имеет литературную ассоциацию с хитрым, коварным персонажем средневековой сказки “*Reynard the Fox*” (“Рейнеке-лис”).

ОА изучаемого семантического класса можем поделить на две основные группы по времени их возникновения в английском антропонимиконе: личные имена раннего (староанглийского периода) и современного (конец XIX – начало XX в.) антропонимического словообразования. Следует отметить, что доминирующей по количеству единиц является группа имен современного образования (112 единиц). Результаты словообразовательного анализа позволяют сделать вывод о том, что современные личные имена образуются путем отапеллятивного имятворчества. В структуре отапеллятивных ОА преобладают основы латинского, греческого и французского происхождения. Антропонимическая лексика более раннего периода обычно представлена исконно английскими именами.

В процессе имянаречения в большей степени пользуется популярностью позитивно-оценочные личные имена, что обусловлено верой родителей в доброжелательность имени и надеждой на то, что те внутренние качества, с которыми это имя ассоциируется, станут качествами носителя этого имени.

2.8 Семантический класс оценочных антропонимов с дифференциальной семой “межнациональная вражда”

Семантический класс ОА с дифференциальной семой “межнациональная вражда” представлен личными именами исконно английского, а также валлийского, шотландского и ирландского происхождения в количестве 126 единиц (4 % от общего объема выборки).

Принадлежность имени к ирландскому, шотландскому, валлийскому национальному антропонимикону влияет на формирование негативной оценки этого имени в сознании англичанина, что связано с межнациональной неприязнью и нежеланием ирландцев, шотландцев и валлийцев отождествлять себя с английской национальностью. Тут основными классификаторами являются словарные пометы: *preferred by relatives proudly conscious of their Welsh roots* ‘отдается предпочтение в семьях, которые с гордостью чтят свое валлийское происхождение’, *chosen as a token of Scottish national identity* ‘имя, выбранное в знак гордости за шотландское происхождение’, *preferred by parents conscious of their Irish ancestral heritage* ‘имя, выражающее ирландское национальное самосознание’ (Hanks, Hodges 1996). Тенденция называть национально маркированными именами не является общенациональной в Объединенном Королевстве, но становится приоритетной в семьях с повышенным чувством национального самосознания.

Особенностью семантики личных имен неанглийского происхождения является преимущество национально маркированной антропонимической

лексики с “прозрачной” семантикой, образованной от общих основ, например, шотландское имя *Scott (m)*, которое образовалось от прозвища жителя Шотландии; гипокористическое имя *Rabbie (m)* (суффикс **-ie** – типичный для шотландской и североанглийской антропонимических систем) распространено и популярно в Шотландии, поскольку является дериватом полной формы *Robert (m)*, которое отождествляется с именем великого шотландского поэта Роберта Бернса (Robert Burns). Еще одной отличительной чертой неанглийских антропонимических образований является сложение уже существующих английских антропонимических основ (например, валлийское имя *Mihangel (m)* – результат сокращения фразы ‘*Michael the Archangel*’ “Архангел Михаил”) или обратным прочтением существующих английских имен (например, шотландское имя *Senga (f)* представляет собой английское библейское имя *Agnes (f)*, прочтенное справа налево). Вместе с лингвистическими факторами эстралингвистическая информация об имени может актуализировать принадлежность имени к неанглийским антропонимам. Так, например, имя *Pearce (m)* популярно среди ирландских националистов, поскольку происходит от прозвища инициатора бунта в 1916 г. Патрика Генри Пирса (Patrick Henry Pearse), казненного британцами. В валлийском антропонимиконе имя неваллийского происхождения *Nadyn (m)* является одним из самых распространенных: на его популярность повлияла ассоциация с именем австрийского композитора Джозефа Гайдна (Joseph Haydn), музыку которого очень любили в Уэльсе.

К ОА с дифференциальной семой “межнациональная вражда” также относим группу личных имен, популярных в семьях темнокожих англичан, например: *Africa (f)* (оттопонимическое имя по названию африканского континента), *Luther (m)* (в честь Мартина Лютера Кинга, борца за гражданские права чернокожих в США), *Coretta (f)* (имя вдовы Мартина Лютера), *Marcus (m)* (в честь лидера движения чернокожих Маркуса Гарви).

Единицы анализируемого семантического класса актуализируют аксиологическую модель “свое – чужое”, т.е. оппозицию исконно английских имен и имен неанглийского происхождения. Неанглийские имена непопулярные в Англии, поскольку выражают националистические или даже антианглийские настроения. Англичане, которые гордятся своим происхождением и лелеют чувство национального самосознания, отдадут предпочтение при имянаречении исконно английским единицам (*Alban (m)*, *Oswald (m)*, *Edward (m)*), подчеркивая свой национальный, историко-культурный колорит. Исконно английские имена рассматриваются как позитивно-оценочные и насчитывают 97 ОА (97 % от количества единиц класса и 3,9 % от общего

количества позитивно-оценочных единиц выборки), имена неанглийского происхождения, общим количеством 29 ОА (23 % и 1,1 %) – могут маркироваться негативной оценкой, поскольку в условиях растущей глобализации имя, зачастую, является ценнейшим культурно-историческим элементом, указывающим на реализацию национального самосознания.

2.9 Семантический класс оценочных антропонимов с дифференциальной семой “межличностные отношения”

Семантический класс ОА с классификационным признаком “межличностные отношения” насчитывает 116 единиц (3,6 % от общего объема выборки). В этот класс вошли ОА, которые эксплицитно или имплицитно выражают любовные или дружественные отношения между людьми. К группе имен, которые эксплицитно выражают нежные чувства к носителю имени, относим единицы, образованные от основ общеупотребимой английской лексики и функционирующие в речи как ласкательные обращения. Например, современное женское имя *Darlene* (f) – результат изменения нежной формы обращения *darling* путем добавления продуктивного суффикса **-lene**. Имя *Blossom* происходит от существительного *blossom* ‘цветок’, которое в речи используется как ласкательное обращение к девушке. Таким же образом образованы ОА *Candy* (f), *Honey* (f), *Maidie* (f). В процессе имянаречения анализируемые единицы подлежат вторичной деривации при использовании набора продуктивных суффиксов: *Petula* (f) (*Pet* (f) + **-ula**), *Opaline* (f) (*Opal* (f) + продуктивный женский суффикс **-ine**), *Careen* (f) (итал. *cara* ‘любимый’ + гипокористический суффикс **-een**) и др.

Среди единиц этого класса преобладает отапеллятивная английская лексика. Менее активными являются заимствования, которые, в свою очередь, представлены именами французского и итальянского происхождения, например, имя *Cherry* (f) – англинизированное прочтение французского слова *chérie* ‘дорогая’, однако популярным в английском языке его сделала ассоциация с названием фрукта.

Среди имен, которые имплицитно выражают положительное отношение к их носителям, вычленим отапеллятивные имена, образованные от: 1) названий драгоценных и полудрагоценных камней: *Crystal* (f), *Coral* (f), *Pearl* (f), *Opal* (f); 2) названий цветов: *Daisy* (f), *Marguerite* (f), *Marigold* (f), *Flora* (f), *Florence* (f); 3) названий благозвучных весенних и летних месяцев: *April* (f), *May* (f), *June* (f). Семантический анализ свидетельствует о наличии только позитивно окрашенных антропонимов с семой “межличностные отношения”. Называя ребенка такими именами, родители стремятся

выразить свои чувства, сравнивая ребенка с драгоценным камнем, прекрасным цветком или отождествляя свою любовь с весенними и летними месяцами. Этот факт обуславливает полное отсутствие негативно маркированной оценочной антропонимической лексики для обозначения межличностных отношений.

2.10 Оценочные антропонимы класса “ДРУГИЕ”

В результате анализа фактического материала по семантическим признакам был выделен класс ОА “другие”, который охватывает 237 единиц (7,3 % от общего количества единиц выборки). По набору сем эти ОА не соотносятся ни с одним из указанных семантических классов. В семантической структуре остаточных ОА зафиксированы национально-культурные коннотации, имеющие преимущественно позитивные ассоциации в сознании носителей языка и отображают ценностные приоритеты английской лингвокультуры. Например: *Christmas* (*f*) – англ. *christmas* ‘Рождество’; *Holly* (*f*) – англ. *holly* ‘падуб’ (вечнозеленое растение, которым в Европе украшают дома на Рождество); *Edna* (*f*) – древнеевр. ‘удовольствие’; *Eden* (*f, m*) – древнеевр. ‘рай, удовольствие’; *Easter* (*f*) – древнеангл. богиня весны *Eostre*; *Electa* (*f*) – лат. *elekta* ‘избранная, лучшая’. В семантической структуре ОА класса “другие” преобладает смешанный тип оценки, поскольку она определяется не только денотативным и коннотативным объемом значения, но и дополнительными пометами (*dated, out of active use as a given name, popular* и др.), например, *Conrad* (*m*) was used in the Middle Ages in honour of the bishop of Constance in Switzerland, but *out of active use as a given name* in modern bulk of names (Hanks, Hodges 1996: 61).

По характеру оценки позитивно-оценочных антропонимов в три раза больше негативно-оценочных.

2.11 Семантические характеристики английских оценочных антропонимов, изменивших ассоциативное значение

Отдельную группу составляют ОА, которые изменили свое ассоциативное значение в процессе функционирования в английской АС, а значит, и подверглась изменениям их оценочная характеристика. Следует отметить, что в семантической структуре таких единиц происходит пейорация (появляются негативные созначения) или амелиорация (единица приобретает позитивно-оценочные коннотации). В ономастике для первой группы единиц используется термин “огрубевшие” антропонимы, для второй – “возвышенные”, “осовремененные” (Семенова 1990; Филиппов 1978; Чернобров 1994; Srensen 1996; Strawson 1964; Woodward 2002).

Результаты семантического анализа ОА свидетельствуют о том, что мелиоративность или пейоративность значения обусловлена влиянием на семантику антропонимов лингвистического, экстралингвистического факторов, а также литературных аллюзий. Анализ аксиологических изменений в семантической структуре единиц исследования обнаруживает наличие четырех типов изменений значения антропонимов: с негативного на позитивное (“-” → “+”), с позитивного на негативное (“+” → “-”), с нейтрального на позитивное (0 → “+”), с нейтрального на негативное (0 → “-”) (см. табл. 2.8).

Таблица 2.8

Изменения характера оценки в семантике английских ОА

Характер оценки	Кол-во	%	Примеры
“-” → “+”	471	35,2	<i>Rosalind (f)</i> – изначально воспринималось, как герм. <i>hros</i> ‘конь’ + <i>lind</i> ‘нежный, ласковый’ → лат. <i>rosa linda</i> ‘прекрасная роза’; <i>Clyde (m)</i> – изначально оттопонимическое имя, часто давали рабам в южных штатах Америки → ассоциируется с культовым персонажем Клайда Барроу (<i>Clyde Barrow</i>) в фильме <i>Bonnie and Clyde</i> (1967)
0 → “+”	375	28	<i>Clover (f)</i> – частота употребления вызвана звуковым и графическим сходством с популярным именем <i>Chloe (f)</i> ; <i>Franklin (m)</i> – ассоциации с политическим деятелем 18 в. Б. Франклином (<i>Benjamin Franklin</i>) и 32-м Президентом США Франклином Делано Рузвельтом (<i>Franklin Delano Roosevelt</i>)
“+” → “-”	312	23,3	<i>Poppy (f)</i> – достаточно популярное в прошлом имя почти не употребляется в процессе номинации из-за ассоциации с наркотическими свойствами мака (<i>poppy</i> ‘мак’); <i>Daffy (f)</i> – фиксируется спад популярности имени <i>Daffy</i> , что связано с появлением ругательного прилагательного англ. <i>daffy</i> ‘сумасшедший’;
0 → “-”	180	13,5	<i>Minnie (f)</i> – дериват имени <i>Wilhelmina</i> , вышло из употребления частично из-за неприятия немецких имен после Первой мировой войны, частично из-за ассоциации с персонажем мультфильма студии Уолта Диснея <i>Minnie Mouse</i> ; <i>Montmorency (m)</i> – кличка собаки в произведении Дж. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», после чего утратило популярность как антропоним
Всего	1338	100	

По данным таблицы 2.8, из общего количества единиц этого семантического класса (1338 единиц) преобладает часть ОА, которые изменили знак оценки с негативного на позитивный (471 единица, 35,2 % от общего количества ОА с измененным ассоциативным значением). Вторую по количеству группу составляют нейтральные антропонимы, в семантике которых возник позитивный оценочный компонент (375 единиц, 28 %). Менее частотными являются ОА, которые приобрели негативную коннотацию (312 единиц, 23,3 %). Низкой частотностью употребления характеризуются нейтральные антропонимы, которые приобрели негативную окраску в современной АС (180 единиц, 13,5 %).

Результатом влияния на семантику ОА лингвистических факторов, в частности фонографического тождества апеллятивов и позитивно или негативно окрашенных общих лексем, является увеличение или уменьшение их активности в процессе имяназвания. Например, популярность женского имени *Daffy* (*f*) (изначально гипокористик мифонима *Daphne* (*f*), а далее и полноценное личное имя) уменьшилась в XIX в. с появлением омонимического прилагательного *daffy* ‘сумасшедший’; *Curt* (*m*) (англинизированная форма немецкого имени *Kurt* (*m*)) из-за созвучия с английским прилагательным *curt* ‘резкий, бесцеремонный’ становится непопулярным. Фонографическая форма мужского имени *Cuddy* (*m*) коррелирует с шотландским ругательным *cuddy* ‘дурак, осел’; прозвищное мужское имя *Coу* (*m*) также стало “загрубленным” из-за идентичности с английским прилагательным *coy* ‘кетливый, жеманный’, что придает мужскому имени феминные, пейоративные коннотации и др.

Пейорация антропонимической лексики также обусловлена влиянием экстралингвистических факторов. Например, популярные в Викторианской Англии имена, образованные от латинских порядковых числительных, определяющих порядок появления детей в семье: *Quintus* ‘пятый’, *Sextus* ‘шестой’, *Septimus* ‘седьмой’, *Octavius* ‘восьмой’, *Nona* ‘девятый’, на сегодняшний день утратили свою актуальность, поскольку в современных английских семьях рождается значительно меньше детей, чем во времена Викторианской эпохи. Еще одним примером приобретения именем негативно-оценочного значения может послужить женское имя *Poppy* (*f*), которое образовалось от названия цветка *poppy* ‘мак’ и стало непопулярным в контексте неоднозначного современного отношения к цветкам мака, которые содержат наркотические вещества.

Литературная аллюзивность в меньшей степени влияет на семантику английских личных имен. Так, например, словарями английских личных

имен отмечается уменьшение популярности имени *Ebenezer (m)*, что обусловлено ассоциацией с негативным персонажем “Рождественской песни” (“Christmas Carol”) Ч. Диккенса Эбенезером Скруджем (*Ebenezer Scrooge*). В американской литературе имя *Simon (m)* ассоциируется с персонажем рассказа Гарриет Бичер-Стоу “Хижина дяди Тома” Саймоном Легри (*Simon Legree*) – торговцем живым товаром, который отличается особой жестокостью в обращении с чернокожими. Вследствие этого имя получает негативное коннотативное содержание, следовательно, становится нежелательным, негативно-окрашенным для именованного. Мелиорация значения наблюдается в случаях употребления непопулярных ранее имен, которые стали активными элементами антропонимикона с появлением романа М. Митчелл «Унесенные ветром», например, отапельлятивное имя *Cade* (англ. *cade* ‘неуклюжий, тучный’) стало невероятно популярным среди англоязычных читателей романа М. Митчелл.

Выводы к разделу 2

Специфика методологической основы этого исследования обусловлена особым статусом оценочного антропонима в языковедческой науке. Общая методика анализа семантики ОА основывается на применении лингвокультурологического метода, этимологического метода, описательного метода, метода компонентного и количественного анализа.

Оценочный антропонимикон английского языка насчитывает 3275 языковых единиц, которые были выделены с учетом критериев отбора языкового материала (см. 1.5), и включает в себя сем классов ОА, сформированных на основании ряда семантических признаков. Наиболее продуктивными являются аллюзивные ОА и ОА с дифференциальной семой “внешность”. Менее продуктивными являются семантический класс “ОА, указывающих на род деятельности и социальный статус”, классы “ОА сферы религии”, “ОА, обозначающие черты характера и личностные качества” и “ОА с дифференциальной семой “межнациональная вражда”. Периферийным является семантический класс “ОА, с дифференциальной семой “межличностные отношения”. Целесообразным оказалось выделение отдельного класса “другие”; семантика единиц этого класса не коррелирует ни с одним из выделенных семантических классов.

В исследуемом антропонимиконе некоторые семантические классы неоднородны. В рамках семантического класса “аллюзивные оценочные антропонимы” наиболее продуктивной является группа исторических ОА, меньшей продуктивностью характеризуется группа литературных ОА, еще менее репрезентативная – группа библейских ОА. Более детальный семан-

тический анализ исторических аллюзивных ОА дал основания для выделения подгрупп общеизвестных ОА и ОА, известных преимущественно в англоязычных странах. Литературные ОА были распределены на ОА английской, американской, французской и античной литературы, мифологии и легенд.

В пределах второго по количеству семантического класса "ОА с дифференциальной семой "внешность" оказалось возможным выделить пять подгрупп по признакам: "цвет волос, кожи, глаз", "комплексия, статура", "стиль одежды", "черты лица" и остаточная подгруппа "другие". В семантической структуре ОА, характеризующих внешность, преобладает рациональный тип оценки поскольку знак оценки определялся с учетом сем "соответствие норме" – "отклонение от нормы". Семантика антропонимов этого класса в целом коррелирует с этимологией апеллятивной основы.

Знак оценки ОА, указывающих на род деятельности и социальный статус, определялся с учетом этимологии апеллятивной основы, имплицитной высшей (позитивно-оценочные антропонимы) или невысокой (негативно-оценочные антропонимы) социального статуса их носителей.

Характер оценки единиц семантического класса "ОА сферы религии", к которому были отнесены протестанские, католические и пуританские имена, определялся спецификой межконфессиональных отношений в современной Англии.

Специфика семантики единиц класса "ОА, обозначающие черты характера и личностные качества" определяется дифференциальными семами "мужество", "благородство", "преданность", "серьезность", "пустота, бессодержательность", которые соотносятся в соответствии с позитивным или негативным концом аксиологической шкалы.

Семантика единиц класса "ОА с дифференциальной семой "межнациональная вражда" актуализирует аксиологическую модель "свое – чужое", т.е. оппозицию исконно английских имен и имен неанглийского происхождения, которые согласно критериям отбора материала соотносятся с позитивной и негативной оценкой соответственно.

Подавляющее большинство единиц семантического класса "ОА с дифференциальной семой "межличностные отношения" происходит от общенациональной лексики, обозначающей нежное отношение к человеку, что обуславливает отсутствие пейоративной антропонимической лексики в этом классе.

Анализ характера оценки в семантике английских ОА обнаруживает интересную закономерность: преимущество позитивно-оценочных антропо-

нимов (80,6 %) над негативно-оценочными (19,4 %), в то время как в системе общенациональной лексики преобладают негативно-оценочные лексемы. Преобладание позитивно-оценочных антропонимов над негативно-оценочными наблюдается в пределах всех семантических классов. Данное положение подтверждает прагматический характер языковых знаков в целом, в том числе специфической антропонимической лексики. Позитивно-оценочные имена более привлекательны для участников именованья, так как считается, что имена способны наделять своих носителей позитивными, пожелательными качествами, зафиксированными в их семантике.

Существенное преимущество позитивно-оценочных над негативно-оценочными антропонимами фиксируется в пределах семантического класса “аллюзивные оценочные антропонимы”. Негативно-оценочные антропонимы совсем отсутствуют в пределах семантического класса “ОА с дифференциальной семой “межличностные отношения”.

Оценочный английский антропонимикон характеризуется преобладанием единиц с рациональным типом оценки. Рациональный тип оценки более характерен для единиц классов “аллюзивные ОА”, “ОА с дифференциальной семой “внешность”, “ОА, указывающие на род деятельности и социальный статус”, “ОА, указывающие на черты характера и личностные качества”. Эмоциональный и смешанный тип оценки фиксируется в семантике единичных антропонимов в пределах семантических классов “ОА сферы религии”, “ОА с дифференциальной семой “межнациональная вражда” и “ОА с дифференциальной семой “межличностные отношения”.

Оценка в семантической структуре антропонимических единиц может объединяться с другими компонентами коннотации. Преимущественное количество исследуемых ОА характеризуется взаимодействием оценочного и культурно-исторического компонентов коннотации. Наиболее характерным это взаимодействие является для единиц класса “аллюзивные ОА”, поскольку культурно-исторический компонент значения является главным актуализатором оценки АОА. Взаимодействие оценки с эмоциональным компонентом коннотации выражается в семантике единиц класса “ОА с дифференциальной семой “межличностные отношения”. Комбинации оценки с экспрессивным и стилистическим компонентами коннотации установлены в значении литературных, библейских аллюзивных антропонимах, “ОА, указывающих на род деятельности и социальный статус”, “ОА с дифференциальной семой “межнациональная вражда”.

Анализ аксиологических изменений в семантике исследуемых единиц определяет наличие четырех типов изменений оценки в процессе эволю-

ции языка: изменения негативного значения на позитивное; изменения позитивного значения на негативное; изменения нейтрального значения на позитивное; изменения нейтрального значения на негативное. Семантический анализ свидетельствует о наличии лингвистических, экстралингвистических и аллюзивных факторов влияния на семантику ОА. Результаты исследования свидетельствуют о преобладании именно лингвистического фактора. Данное утверждение объясняется тем, что оценочные антропонимы как специфические языковые знаки, единицы вторичной номинации в первую очередь ориентированы на язык и оперативно реагируют на многочисленные лексические изменения. Менее активное участие принимают в процессе аксиологических изменений экстралингвистический и аллюзивный факторы, которые выявляют зависимость оценочной семантики от фрагментов внеязыковой и художественной действительности и осложняют семантику антропонимов дополнительными компонентами. В процессе имянаращения пободные единицы характеризуются как такие, которые имеют скрытую и неявную семантику, которую сложно интерпретировать и оценить. Выявлено, что подобные антропонимические единицы пользуются невысокой популярностью как имена собственные. Преимущество в процессе именовании отдается таким антропонимическим единицам, которые коррелируют с определенными позитивно-оценочными лексемами. Соотношение внутренней формы антропонима с негативно-оценочными единицами вокабуляра делает его непривлекательным для именовании.

РАЗДЕЛ 3. ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКИХ ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ

Исследование ОА не может быть исчерпывающим без анализа их структурных особенностей. Изучение структуры исследуемых единиц способствует более основательному анализу оценки в пласте антропонимов, поскольку словообразовательные форманты рассматриваются с точки зрения их роли в наделении антропонимической лексики позитивной или негативной окраской. К тому же, результаты структурного анализа ОА позволяют расширить сведения о тенденциях имятворчества в системе современного английского языка.

3.1 Структурные типы английских оценочных антропонимов

В исследованиях морфологической структуры личных имен для описания антропонимических основ-формантов традиционно используются такие термины, как “тема” или “антропооснова” (термин А. А. Живоглядова, К. Б. Зайцевой (Живоглядов 1982; Зайцева 1973). Имена, состоящие из одной антропоосновы (темы), являются однотемными, а единицы, являющиеся результатом сложения двух антропооснов, – двутемные. Результаты компонентного анализа языкового материала свидетельствуют о возможности выделения двух структурных типов ОА: однотемных (простых и производных) и двутемных (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1

Основные структурные типы оценочных антропонимов
по количеству компонентов

Типы оценочных антропонимов	Кол-во	%	Примеры
Однотемные ОА	2869	87,6	<i>Hope</i> (f) – англ. <i>hope</i> ‘надежда’, <i>Jacinth</i> (f) – англ. <i>jacinth</i> ‘гиацинт’
Двутемные ОА	406	12,4	<i>Roderick</i> (m) – <i>hrōd</i> ‘популярность, слава’ + <i>rīc</i> ‘сила’, <i>Willard</i> (m) – древнеангл. <i>will</i> ‘воля’ + <i>heard</i> ‘сильный, мужественный’
<i>Всего</i>	<i>3275</i>	<i>100</i>	

По данным таблицы 3.1, по количественным показателям значительно превышает структурный тип однотемных ОА (2869 единиц, что составляет

87,6 % от общего объема выборки), часть двутемных ОА значительно меньше – 406 ОА, что составляет 12,4 % от общего количества единиц выборки.

3.1.1 Однотемными простыми по структуре являются имена пуритан, которые отделившись в XVII веке от английской церкви, выражали собственную обособленность и приверженность кальвинизму не только в политических и социальных взглядах, но и в принципах именования детей. Чтобы отличить своих детей от массы “безбожников”, они давали им имена собственного сочинения, которые совпадали по звуковому и графическому виду с единицами английского и латинского словаря: *Hope (f)* ‘надежда’, *Faith (f)* ‘вера’, *Patience (f)* ‘терпимость’, *Mercy (f)* ‘милосердие’, *Charity (f)* ‘благотворительность’, *Beata (f)* ‘блаженная’, *Desiderius (m)* ‘желанный’, *Renovata (f)* ‘обновленность’ и др. Однотипными по структуре являются также личные имена более современного имятворчества (XIX–XX веков), образованные от названий цветов, драгоценных камней, металлов, птиц, ласкательных имен, слов с положительной коннотацией, например: *Honey (f)* ‘милый’, *Robin (f)* ‘малиновка (красивая птица)’, *Blossom (f)* ‘цветок’ (ласковое именование молодой девушки), *Crystal (f)* ‘кристалл’, *Coral (f)* ‘коралл’, *Silver (f)* ‘серебро’, *April (f)* ‘апрель’ и др. Преимущество в современном английском ономастическом пространстве однотемных имен объясняется, по нашему мнению, прозрачностью их семантики, что несколько упрощает процесс выбора имени для ребенка. Позитивное или негативное отношение говорящего к имени актуализирует семантика, коннотативный потенциал апеллятивной основы единицы. К тому же, однотемные имена характеризуются структурной простотой, которая может выступать еще одним аргументом в пользу выбора подобной антропонимической лексики.

В староанглийском антропонимическом фонде также преобладали однотемные личные имена. На ранней стадии развития антропонимической системы основным источником образования однотемных личных имен были прозвища. В связи с этим очень часто староанглийские однотемные имена было трудно отличить от апеллятивных основ и прозвищ, например, *Brūn* – и личное имя, и прозвище, и прилагательное “коричневый”. В этот период отмечается большое количество пожелательных, тотемических, коммеморативных имен (Зайцева 1973; 1986).

А. В. Суперанская также утверждает, что одноосновные имена часто по происхождению – прозвища, однако среди них могут быть и специально придуманные, пожелательные (религиозные, мистические, идеологические) имена. Двухосновные имена, не обязательно пожелательные, часто носят обсервационно-прозвищный характер (Суперанская 2009: 25).

3.1.2 В современной английской антропонимической системе часть двутемных ОА наименее многочисленная. Этот структурный тип насчитывает 406 единиц, что составляет 12,4 % от общего количества. Словообразовательный анализ указанных ОА свидетельствует о преимуществе историко-оценочных двутемных имен. Большинство антропонимов староанглийского периода по количеству основ – сложные: *Wulfstān*, *Ecgbryht*. Однотемные имена по происхождению были как собственно образованными (*Wīg*, *Wronde*), так и производными от двутемных имен (*Cuþ* < *Cuþwine*). Следует отметить, что состав имени часто имплицировал социальный статус носителя. Так, гипокористические формы приобрели статус независимых имен в среде низших, неправящих слоев, и только после того, как они выходили из употребления в высших слоях общества.

Эта традиция именования, характерная для многих языков индоевропейской семьи в целом (например, старославянские имена Богдан и Любомир, старогреческие Александр – “защитник людей”, Аристарх – “предводитель лучших”), и германской номенклатуры имен в частности, в староанглийском языке получила собственное звучание. Далее для удобства обозначения элементов двутемных имен используются термины “инициаль” и “финаль” (Чурсина 2002), что соотносится с первым и, соответственно, со вторым компонентом двутемного имени. В основном существительные и прилагательные использовались в качестве элементов староанглийского двутемного имени. Особенного внимания заслуживает подход И.С. Чурсиной к выделению доминирующих моделей староанглийских личных имен (Чурсина 2002). Автор выделяет четыре основные словообразовательные антропонимические модели: 1) существительное + существительное: *Cēolmund* – древнеангл. *cēol* ‘корабль’ + *mund* ‘защитник’; 2) прилагательное + существительное: *Ædelhere* – древнеангл. *Ædel* ‘благородный’ + *here* ‘войско’; 3) существительное + прилагательное: *Osrīc* – древнеангл. *os* ‘божество’ + *rīc* ‘могущественное’; 4) прилагательное + прилагательное: *Ædelnoð* – древнеангл. *Ædel* ‘благородный’ + *noð* ‘храбрый’. В составе имен наиболее распространенными в позиции финалей были существительные, обозначающие действующее лицо, например: *-wulf* ‘воин-волк’, *-beorn* ‘воин’, *-red* ‘советник’, *-wine* ‘друг’, *-mund* ‘защитник’. Позиции инициалей, как правило, занимали прилагательные, которые характеризовали сопровождающее существительное. К наиболее распространенным инициалам исследовательница относит прилагательное *Ædel* ‘благородный’, который стал вариантообразующей основой для большинства имен, образованных по модели прилагательное + существительное: *Ædelhere*, *Ædelmund*, *Ædelwulf*, *Ædelrēd*, *Ædelferð*.

К приведенным выше четырем основным моделям староанглийских двутемных имен отнесено большинство историко-оценочных единиц выборки. Однако существуют нетипичные модели формирования ОА, одним из элементов которых является числительное. К ним можно отнести два мужских имени *Anlāf* и *Ælfēah*. В антропониме *Anlāf* первый элемент может интерпретироваться и как прилагательное “единственный”, и как количественное числительное “один”. Числительный компонент антропонима *Ælfēah* представлен финалью *-ēah*, который, вероятно, является неполной формой числительного ‘восемь’. Наличие числительного в составе староанглийского двутемного антропонима не является доминирующей тенденцией, однако сообщает важную социокультурную информацию. Практика использования числительных в составе антропонима отражает влияние континентальных контактов римлян с германцами. Римляне вместе с соответствующими апеллятивными основами использовали как имена собственные и числительные, например, *Sextus (m)*, *Quintus (m)*, *Tertia (f)*, *Secunda (f)*, *Prima (f)*. Вероятно, староанглийские антропонимы, имеющие числительные в своем составе, являются свидетельством влияния римской практики имянаречения на староанглийское пространство, а в более широком аспекте отображают влияние римской культуры на культуру германцев в первом веке нашей эры и до нашей эры.

С точки зрения семантики, двутемные историко-оценочные антропонимы являются именами-характеристиками отважного английского воина; именами с анималистическими компонентами, имеющие символический, тотемический характер в средневековой Англии; имена, характеризующие внешность. Например, *Finlay (m)* – шотл. *Fionnlagh* ‘справедливый воин’; *Cadogan (m)* – валлийск. *cad* ‘битва’ + *gwagawn* ‘победа’; *Cadwalader (m)* – *cad* ‘битва’ + *gwladr* ‘лидер’; *Adolph (Adolf) (m)* – *adal* ‘благородный’ + *wulf* ‘волк’; *Rolf (m)* – *hrōd* ‘слава’ + *wulf* ‘волк’. Женское имя валлийского происхождения *Rhonwen*, которое состоит из компонентов валлийск. *rhawn* ‘волосы’ + *(g) wen* ‘белый, чистый, благословенный’, возникая в сказках средневековых авторов в форме *Rowena* как именование прекрасной девы-праматери английской народности, эксплицирует представления древних англичан об эталонах английской национальной красоты.

До конца староанглийского периода однотемные и производные имена становятся очень редкими, предпочтение отдается двутемным. Такие изменения в традиции именования вызваны экстралингвистическим фактором: собственный высокий социальный статус (принадлежность к знати) можно было доказать, представив свое генеалогическое древо нескольких

поколений, где члены семьи носили бы двуметные имена. Однометные личные имена рассматривались как низкие, обычные, они использовались в разговорной речи, ими регистрировали крепостных крестьян. Таким образом, носитель двуметного имени чаще всего принадлежал к социальной верхушке.

В современном английском антропонимиконе наблюдается абсолютно другая ситуация в системе двуметных ОА: они менее популярны и распространены, чем однометные. Этот факт можно объяснить стремлением языковой личности к простоте в именовании, а также общелингвистической тенденцией экономии языковых средств. Одним из основных путей пополнения антропонимикона оценочными единицами является усечение основ двуметных или однометных имен. Более того, семантическая корреляция антропооснов двуметных имен чаще всего скрыта и непонятна. Для того, чтобы декодировать значение, заложенное во внутренней форме имени, необходим доступ к специальным антропонимическим лексикографическим источникам.

3.2 Словообразовательные модели английских оценочных антропонимов

3.2.1 Анализ морфологических характеристик однометных ОА показал, что непроеизводные исследуемые единицы образованы от существительных и прилагательных, а производные однометные ОА являются результатом более сложного словообразования: добавления гипокористических суффиксов к существительным и сокращенным именам, а также оформления глагольных антропооснов суффиксом активного деятеля (см. табл. 3.2).

Таблица 3.2

Словообразовательные модели однометных ОА

Структурный тип	Словообразовательные модели		Кол-во	%	Примеры
1	2		3	4	5
Однометные ОА	Непроизводные	Существительное	984	34,3	<i>Melody (f)</i> – англ. <i>melody</i> ‘мелодия’; <i>Earl (m)</i> – староангл. <i>eorl</i> ‘воин, дворянин, принц’; <i>Brush (m)</i> – англ. <i>brush</i> ‘щетка’
		Прилагательное	892	31,2	<i>Honey (f)</i> – англ. <i>honey</i> ‘милая, любимая’; <i>Candida (f)</i> – лат. ‘белая’; <i>Randy (m)</i> – англ. <i>randy</i> ‘разгульный, безалаберный’

1	2		3	4	5
Однотемные ОА	Непроизводные	Существительное + гипокористические суффиксы -on(-in) -ey(-y)	538	18,7	<i>Fogey (m)</i> – англ. <i>fog</i> ‘туман’; <i>Tuffin (m)</i> – англ. <i>tuf</i> произв. от <i>tough</i> ‘крепкий’; <i>Hawkey (m)</i> – англ. <i>hawk</i> ‘хищник, воинственно настроенный человек’
		Глагол + суффикс -er	284	9,9	<i>Carter (m)</i> – англ. <i>cart</i> ‘извозчик’; <i>Brewer (m)</i> , <i>Brewster(m)</i> – англ. <i>brew</i> ‘варить пиво’; <i>Fille r(m)</i> – англ. <i>fill</i> ‘наполнять’
		Сокращенное имя+ гипокористические суффиксы -ette / -etta, -elle, -inda, -ene, -bel, -ita, -aine	172	5,9	<i>Paula (f)</i> > <i>Paulette (f)</i> , <i>Cheryl (f)</i> > <i>Cherelle (f)</i> , <i>Balla (f)</i> > <i>Belinda (f)</i>
Всего			2870	100	

По данным таблицы 3.2 видно, что к наиболее продуктивному структурному типу однотемных оценочных антропонимов относятся непроизводные и производные единицы. Количественные данные анализа структуры единиц свидетельствуют о преобладании в английской антропонимической системе непроизводных оценочных антропонимов (1876 единиц, 57,3 % от общего объема выборки), образованных путем отапеллятивного образования имени, т.е. безаффиксным способом от существительных и прилагательных.

3.2.1.1 Среди непроизводных ОА преобладают единицы, образованные от существительных. Эта словообразовательная модель наиболее продуктивна, она насчитывает 984 единицы (34,3 % от общего количества однотемных ОА). По этой модели образованы имена с дифференциальной семой “личностные отношения”, личные имена, указывающие на социальный статус и род деятельности, а также некоторые имена сферы религии. Большинство отапеллятивных антропонимов, образованных от названий цветов, растений, драгоценных камней, весенних и летних месяцев, которые имплицитно коннотируют нежное отношение имядателя к носителю имени, образуются безаффиксным способом от существительных. К этому семантическому классу, в основном, относим ОА, которые появились в XIX в., образованные от названий цветов, растений и которые не перестают быть актуальными

в современной английской антропонимической системе. Например, апеллятив однотоного женского имени *Willow*, который совпадает по звуковой и графической форме с английским существительным *willow* ‘верба’ (древнеангл. *welig*) (Freedman 1997), обогащает понятийный объем имени семой «грация, гибкость», именно такие внешние характеристики имеет одноименное дерево. В процессе имянаречения выбор субъекта номинации в пользу этого имени основывается на желании наделить объект номинации легкостью, грацией движения, гибкостью. Сема гибкости, грации в семантической структуре прилагательного *willowy* доминирующая: ‘*a person who is willowy is tall, thin, and graceful*’ (Freedman 1997). Подобным образом английский антропонимикон пополняется еще одной единицей, образованной от названия цветка. Семантика женского имени *Clematis* (греч. *klēmatis* ‘вьющееся растение’) (Freedman 1997) проявляет стремление имядателей наделить именуемых гибкостью в общении с окружающими. Примером еще одного женского “цветочного” имени служит антропоним, который возник в XIX в., в то время, когда англичане, перенимая модные тенденции французской антропонимической системы, используют слова общенародного словаря в качестве личных имен. В указанный период существительное *blossom* ‘цветение (плодовых деревьев)’ употреблялось как ласкательная форма именования молодой девушки.

Популярность другого женского имени, образованного от названия полевого цветка *Clover* – англ. *clover* ‘клевер’ (древнеангл. *clāfre*), связана с популярностью и распространенностью похожего по звучанию женского аллюзивного литературного имени *Chloe*. Влюбленные Дафнис и Хлоя – персонажи древнегреческого пасторального романа “Дафнис и Хлоя” Лонга, все события которого, так же как и переживания героев, развиваются на фоне описаний природы. Следовательно, сходство имен *Clover* и *Chloe* основано не только на фонетических особенностях, их также объединяет ассоциативно-этимологическая связь с понятием “природа”. Позитивное отношение именуемого к тому, что им обозначается, также эксплицирует женское личное имя *Cherry*, этимология которого связана с французским прилагательным *chérie* ‘дорогая’. Однако имя не сохранило своего апеллятивного значения. По данным антропонимического словаря, единица изначально возникла в английской антропонимической системе как англинизированное прочтение французского прилагательного. На сегодняшний день внутренняя форма имени ассоциируется с названием ягоды (англ. *cherry* ‘вишня’).

Следует отметить наличие вариативного употребления форм имен с одинаковой этимологией в системе английской антропонимии. Примером

этого может служить пара однотемных антропонимов, образованных от существительных *Daisy* (*f*), – англ. *daisy* ‘маргаритка’ и *Margaret* (*f*) – франц. *marguerite* ‘маргаритка’. Носителя имени *Daisy* именуют, используя французский эквивалент *Margaret*. С точки зрения популярности, по данным службы Office for National Statistics [<http://www.statistics.gov.uk>] за период 2008–2009 гг., имя *Daisy* является более распространенным и популярным среди англичан, чем его французский эквивалент, что можно объяснить стремлением англичан выявить национальную гордость, а также постепенный отказ от стереотипа об изяществе французских личных имен. Однотемные ОА, образованные от существительных обозначающих названия цветов и растений, являются доброжелательными личными именами (термин А. И. Рыбакина (Рыбакин 1989), т.е. эксплицируют исключительно позитивные интенции по отношению к тому, кого именуют, со стороны того, кто дает имя. Следовательно, значительная часть образованных таким образом ОА является позитивно-оценочными. Однако существуют некоторые исключения. Например, однотемное мужское имя *Daffodil*, образованное от английского существительного *daffodil* ‘нарцисс’ (Рыбакин 1989), принадлежит к непопулярным, именно потому полная форма имени практически не употребляется при имянаречении, более популярным является дериват *Dilly*, поскольку он не имеет смысловой связи с общей основой полной формы имени. С точки зрения семантики, личное имя *Daffodil* характеризуется негативной оценкой, которую актуализирует культурно-исторический компонент значения имени. В мировой культуре имя Нарцисса неразрывно связано с греческим мифом о несчастном юноше, который страдал от чувства неразделенной любви к собственному отражению в воде. Имя стало символом, обозначающим один из человеческих пороков, – самовлюбленность.

К однотемным производным ОА, образованным от существительных, относятся также некоторые единицы, обозначающие статус и род деятельности носителя имени. Например, отапеллятивное имя *Earl* (*m*), образованное от аристократического английского титула (изначально было прозвищем, подобно вариантам именованию *Duke* (*m*), *King* (*m*), *Queen* (*f*)), впервые употребляется как личное имя в XII в. и происходит от старофранцузского *eorl* ‘воин, принц, дворянин’. По мнению лексикографов А.И. Рыбакина, П. Хенкса, Ф. Ходжес (Рыбакин 1989; Hanks, Hodges 1996), в большинстве случаев указанные антропонимические единицы употреблялись как прозвищные личные имена. Подобные имена сначала давались тем, кто работал на службе у графов, герцогов, королей. Следовательно, структурно-семантические

характеристики вышеупомянутых проприальных единиц имплицитно не-высокий социальный статус носителей подобных имен, что дает основание маркировать такую антропонимическую лексику как негативно-оценочную. Еще одним примером однотемного профессионального имени (термин К.Б. Зайцевой (Зайцева 1973), образованного от существительного, служит мужское имя *Clark*, которое по началу давалось клеркам, офисным работникам, а в средние века также мелким церковным служащим которые зарабатывали на жизнь умением читать и писать. Интересно происхождение однотемного женского имени *Paige*, на сегодняшний день популярного в американской антропонимической системе. Очевидна этимологическая связь анализируемого ОА с однотемным профессиональным прозвищным именем *Page (m)*, образованным отапеллятивным способом от существительного *page* 'паж, мелкий служащий'. Носителями имени *Page (m)*, согласно данным лексикографических источников были мелкие служащие в подчинении у высоких должностных лиц. Переход мужской формы имени в женскую объясняется, вероятно, наличием социокультурного компонента в семантической структуре имени. Первым известным носителем имени стала американская актриса Janis Paige, которая родилась в 1920 г. под настоящим именем Donna Mae Jaden. Кинокритики едины в мнениях о том, что актриса, выбрав такой псевдоним, стремилась выразить мысль о том, что актер является служителем искусства. Современный выбор этой антропонимической единицы как личного имени, вероятно, основывается на стремлении сделать установку на таком качестве женского характера, как покорность.

Среди однотемных ОА английского происхождения, обозначающих род деятельности и социальный статус, выделяется ряд единиц, образованных от апеллятивов-заимствований из других языков. Следует отметить, что оценочные характеристики имен-заимствований, обозначающих род деятельности и социальный статус, в современной АС противоположны оценке единиц исключительно английского происхождения. Например, семантика имен *Delroy (m)*, варианта имени *Leroy (m)*, образованного от старофранцузского существительного *le roy* 'король', или единицы *Rex (m)*, внутренняя форма которой совпадает с латинским существительным *rex* 'король', или лексический фон имени латинского происхождения *Dominic (m)* – лат. *Dominic* 'господин, повелитель', не осложнена пейоративными коннотативными компонентами, они, скорее, обсервационно-нейтральные или доброжелательные.

Структурно-семантический анализ некоторых однотемных производных ОА, образованных от существительных, свидетельствует о наличии

среди единиц, обозначающих черты характера и личностные качества человека, группы имен, чья семантика характеризуется метафоричностью апеллятивной основы. Например, имя *Petra* (*f*), которое сравнительно недавно вошло в английскую антропонимическую систему как женский вариант имени *Peter* (*m*), образованного от латинского существительного *petra* ‘скала, камень’. Апеллятив в этом случае образно характеризует носителя имени как человека сильного, крепкого духом, выносливого, стойкого к трудностям. Исследователи П. Хенкс и Ф. Ходжес (Hanks, Hodges 1996) подчеркивают тот факт, что антропоним активнее употребляется как женское имя, поскольку в контексте современной жизни не теряет актуальности вопрос о женской эмансипации. Вполне вероятно, что в семьях, где имеют вес вопросы о равенстве женщин в правах с мужчинами и уход от стереотипов о доминирующем положении мужчин в современном обществе, выбор имядателей будет сделан в пользу имени *Petra* (*f*). Прозвищное мужское имя *Craig* (*m*), образованное от названия местности в Шотландии с гэльским компонентом ‘скала’, представляет собой мужской вариант именования с подобной семантикой.

Группу однотемных имен сферы религии репрезентируют имена пуритан, представителей крайнего крыла церковного движения реформистов. Пик активности пуританского движения приходится на период правления Елизаветы I (1558–1603 гг.) и Эдуарда VI (1547–1553 гг.) и период Реформации 1660 г. В это время в английской АС возникает новый пласт антропонимов, так называемых пуританских имен. В качестве личных имен использовались абстрактные существительные по типу “*mercy*”, “*faith*”, “*hope*”, “*grace*”, “*charity*”, “*prudence*”, “*sage*”, “*virtue*”, которые отображали идеалы пуританской культуры. Подобная традиция именования идентична языческому подходу в образовании имен, что имплицитно раскрывают основные ценности и приоритеты культуры. С точки зрения семантики пуританских имен, они составляют семантическое поле, которое может быть идентифицировано как “христианские добродетели”: *Mercy*, *Grace*, *Charity*, *Hope*, *Prudence*, *Patience*, *Clemency* (Жихарева 2004). Относительно гендерной характеристики пуританских имен, следует отметить, что эти ОА характеризуются вариативностью употребления как в функции женских, так и в функции мужских личных имен.

В силу эксцентричности, а также неоднозначного отношения к представителям крайнего крыла церковного реформатского движения, пуританские имена становятся огрубевшими и непопулярными. Приобретая пейоративную окраску, они не сохраняются в основном антропонимическом фонде и в XVIII в. выходят из активного употребления.

3.2.1.2 Группа однотемных непроизводных ОА, кроме личных имен, образованных от существительных, представлена также 892 антропонимическими единицами (31,2 % от общего объема однотемных ОА), образованными от прилагательных. Морфологические особенности этой группы единиц, а именно дескриптивный характер адъективных апеллятивных основ, объясняет тот факт, что значительная часть английских оценочных личных имен, обозначающих черты характера и личностные качества, образованные по этой словообразовательной модели. Семантика этих единиц, в основном, осложнена позитивной оценочной характеристикой. Например, прозвищные ОА *Curtis (m)* (англ. *courteous*, франц. *curteis* ‘вежливый’), *Hilary (f)* (лат. *Hilaris* ‘веселый, радостный’), *Cassian (m)* (*casus* ‘пустой, бессмысленный’), *Clemēns (m)* (англ. *clement* ‘жалостливый, милосердный’) сохранили собственное апеллятивное значение. Понятийный объем апеллятива ОА соотносится в сознании языковой личности в английской лингвокультурном пространстве с позитивным или негативным личным качеством, которое делает имя популярным или непопулярным в современной АС.

Интересным представляется также процесс изменения коннотативно-ассоциативных полей в лексическом фоне некоторых ОА. Примером служит мужское имя *Dexter*, которое изначально использовалось как прозвище женщины-красильщицы, и по структуре было однотемным производным (древнеангл. *dēag* ‘красить’, **-estere** – суффикс женского рода, обозначающий активного деятеля). Имя с подобным этимологическим компонентом, как и ряд других пейоративных профессиональных имен, не могли быть активным элементом ономатического пространства, поскольку ассоциировалось с тяжелым мало оплачиваемым трудом ремесленника. Однако в средне-английский период развития антропонимикона гендерные признаки личного имени элиминируются, теряется апеллятивное значение староанглийских компонентов антропонимической основы. По звуковой и графической форме имя совпадает с латинским прилагательным *dexter* ‘правый, успешный’ (в этот период возникает антропонимическая мода на неаглийские, латинизированные имена). В современном ономастическом пространстве этот ОА активно используется в английской и американской системе именования как пожелательное однотемное адъективное личное имя.

К однотемным непроизводным ОА принадлежат единицы, образованные в основном от английских прилагательных, которые описывают желаемые черты характера и личностные качества того, для кого выбирают имя. Например, *Noble (m)* – англ. *noble* ‘благородный, возвышенный, доблестный’, *Loyal (m)* – англ. *loyal* ‘верный, перданный’, *Merry (f)* – англ. *merry*

‘веселый, радостный’ (первичную популярность имени принес роман Ч. Диккенса “Мартин Чезлвит”: персонажи с пуританскими именами *Charity* и *Mercy* именуется на современный лад *Cherry* и *Merry*), *Ernest* (*m*) – англ. *earnest* ‘серьезный, обоснованный’ (популярность имени достигает пика в конце XIX в. с появлением пьесы О. Уайльда “Как важно быть серьезным”), *Manley* (*m*) – англ. *manly* ‘мужественный, отважный’, *Happy* (*f*) – англ. *happy* ‘счастливый’, *Gay* (*m*) – англ. *gay* ‘веселый, беззаботный’. Все выше перечисленные единицы являются позитивно-оценочными, однако наблюдается изменение оценочной характеристики в семантике когда-то очень популярного пожелательного антропонима *Gay* (*m*). С появлением в семантической парадигме прилагательного *gay* значения “гомосексуальный” имя становится непопулярным, поскольку в сознании языковой личности имя ассоциируется в первую очередь с новым пейоративным значением.

Следовательно, выбор однотемных простых антропонимических единиц с прозрачной семантикой как индивидуальных имен обусловлен ассоциацией со значениями апеллятивов, от которых они образованы, а также надеждой на то, что качества, которые эти прилагательные обозначают, станут чертами характера носителей таких имен. В этом случае можно говорить о таком важном свойстве имени, как пожелательность.

3.2.2 Производные ОА рассматриваются как единицы с наличием гипокористических суффиксов. Этот морфологический тип охватывает 994 единицы, что составляет 34,6 % от объема однотемных ОА. По принадлежности апеллятивных основ к частям речи ОА выборки делятся на три группы: 1) образованные от существительных с добавлением производных гипокористических суффиксов; 2) производные от сокращенных имен с добавлением суффиксов; 3) внутренняя форма которых образована от глагола с добавлением суффикса активного деятеля **-er**. К первой группе отнесено 538 личных имен (18,7 % от общего объема однотемных ОА ОА). Группа ОА, образованных по второй модели, насчитывает 284 единицы (9,9 %). Третья модель охватывает 172 единицы (5,9 %).

3.2.2.1 Для образования производных ОА используется сравнительно небольшой набор суффиксов. ОА образованные от существительных, чаще всего оформлены суффиксами: **-on (-in)**, **-ye (-y)**. Такая морфологическая структура коннотирует оттенок ласкательности. С точки зрения семантических характеристик, антропонимы, отнесенные к этой словообразовательной модели, являются в основном обсервационно-прозвищными. Например, имя *Fogey* (*m*), образованное от существительного *fog* – англ. ‘туман’, изначально-

но давалось ребенку, рожденному в туманную погоду, что согласно английским поверьям предвещает счастливую и обеспеченную жизнь. Личное имя *Boney (m)* (англ. *bone* ‘кость’, *bonny* ‘худошавый’) сначала использовалось как прозвище человека худошавого телосложения. Женское имя *Queenie*, которое стало частью английской АС в период Викторинства, было популярным как имя-перифраз или гипокористика полной формы именованья *Victoria (f)* в семьях, где к королеве относились с уважением. ОА типа *Rocky (m)* (англ. *rocky* ‘крепкий, сильный’), *Tuffin (m)* (англ. *tuf* изменено от *tough* ‘крепкий’), *Hawkey (m)* (англ. *hawk* ‘хищник, враждебно настроенный человек’), *Chapron (m)* (англ. *chap* ‘приятель, шутник’), *Goldie (f)* принадлежат к пожелательным именам, которые прогнозируют и называют такие внутренние и внешние качества, как физическая сила, твердость духа, боевые качества духа, непринужденность в общении с людьми, легкое отношение к жизни, красивая европейская внешность. Следует отметить, что этимологические характеристики некоторых оформленных подобным образом имен в современном антропонимиконе могут казаться скрытыми и непонятными (*Fogey, Queenie*), основная же часть проприальных единиц являются активными элементами английской системы именованья.

3.2.2.2 Глагольные апеллятивные основы как правило дополняются в морфологической структуре английских ОА суффиксом активного деятеля **-er**. Оформленный таким образом антропоним репрезентируют признаки действия, а наличие суффикса **-er** во внутренней форме имени ассоциирует носителя подобного имени с выполнением этого действия.

Единицы семантического класса профессионально-должностных ОА, которые возникли в английской АС в XVII в., образованы по этой словообразовательной модели. По своей этимологии это прозвищные имена, которые изначально выполняли две основные функции: дифференциальную и дескриптивную. Примерами таких единиц служат следующие имена: *Fletcher (m)* – древнеангл. *fleche* ‘делать стрелы’, *Chandler (m)* – старофр. *Chandele* ‘делать, продавать свечи’, *Carter (m)* – англ. *cart* ‘везти на повозке’, *Brewer (m)* – англ. *brew* ‘варить пиво’, *Harper (m)* – англ. *harp* ‘играть на губной гармошке’. Подобные имена выполняли дифференциальную функцию, прогнозируя при именовании лица профессионально-должностные и социальные признаки. ОА типа *Tinker (m)* – англ. *tinker* ‘выполнять работу некачественно, на скорую руку’, *Flitter (m)* – англ. *flit* ‘не доводить дело до завершения’ выполняли дескриптивную функцию, характеризую способ выполнения определенной работы. Профессионально-должностные имена давались деревенским ремесленникам, мелким торговцам, подмастерьям, часто переходя-

дили вместе с семейным делом от поколения к поколению. По мнению К. Б. Зайцевой (Зайцева 1986), такие единицы именования эксплицируют невысокий социальный статус человека и указывают на род деятельности носителя, сообщая информацию о небольших доходах. Со временем в среде сельского населения происходит переосмысление мотивов имянаречения. Однотемные профессионально-должностные имена постепенно вытесняются более сложными по структуре и семантике двутемными именами, которые принадлежали представителям королевской знати, людям дворянского происхождения. Н. В. Алейникова (Алейникова 1991), рассматривая внешние факторы становления антропонимикона английского языка, отмечает, что “динамика английских личных имен раскрывает такую закономерность: почти все изменения в ономастическом пространстве, независимо от их источника, идут “сверху вниз”. Именно в высших классах общества зарождаются различные нововведения, которые с более или менее длительным опозданием заимствуются массами” (Алейникова 1991: 144). В современной АС английского языка в силу структурно-семантической прозрачности имена, указывающие на род деятельности и социальный статус, не пользуются большой популярностью и являются пассивными элементами системы именования.

3.2.2.3 Сравнительно небольшая группа производных ОА (172 единицы) образована на основе сокращенных личных имен с помощью антропонимических уменьшительно-ласкательных суффиксов. Например, полная форма имени *Gillespie (m)*, образованного от шотландского гэльского *Gilleasbaig* ‘слуга епископа’, оформлена диминутивным суффиксом **-ie**, характерным для шотландской и северо-английской антропонимических систем, что делает антропоним мягким по звучанию и значению. Наиболее продуктивным является женский диминутивный суффикс французского происхождения **-ette (-otte)**, коннотирующий оттенок ласкательности в семантике имен, например: *Harriette (f)*, *Henriette (f)*, *Paulette (f)*, *Lynette (f)*, *Clarette (f)*, *Anette (f)*, *Lynette (f)* и др. В английской морфологии **-ette** имеет значение ‘small; a female; not real’ (Freedman 1997: 811). Продуктивным является также французский уменьшительно-ласкательный суффикс **-elle**, добавление которого делает имя возвышенным и изящным, как и все французские имена. Например, очень популярное в еврейских семьях женское имя *Rachel* расширило границы употребления после появления возвышенного деривата *Rachelle*, имя *Cheryl* обрело новую жизнь с появлением гипокористического варианта имени *Cherelle*. Менее продуктивными являются суффиксы **-inda**, **-ene**, **-etta**, **-bel**, **-ita**, **-aine**: *Lorinda(f)* < *Lora* + **-inda**; *Belinda(f)* < *Bella* +

-inda; *Cherene(f)* < *Cher* (*Cherida, Cheryl, Cheryth*) + **-ene**; *Carene(f)* < *Cara* + **-ene**; *Lucetta(f)* < *Lucia* + **-etta**; *Henrietta(f)* < *Henry(m)* + **-etta**; *Christabel(f)* < *Christine* + **-bel**; *Evita* < *Eva* + **-ita**; *Lorraine(f)* < *Loral* + **-aine** (Freedman 1997; Hanks, Hodges 1996).

3.2.3 Анализ морфологической структуры однокорневых ОА свидетельствует о наличии таких словообразовательных моделей: существительное + существительное (193 ОА, 6 % от общего количества двукорневых ОА) прилагательное + существительное (114 ОА, 3,5 %); глагол + существительное (98 ОА, 3 %) (см. табл. 3.3).

Таблица 3.3

Словообразовательные модели двукорневых ОА

Структурный тип	Словообразовательные модели	Кол-во	%	Примеры
Двукорневые антропонимы	Существительное + существительное	193	47,7	<i>Wilfrid (m)</i> – герм. <i>wil</i> ‘воля’ + <i>frid</i> ‘мир’; <i>Wystan (m)</i> – староангл. <i>wīg</i> ‘битва’ + <i>stān</i> ‘камень’
	Прилагательное + существительное	114	28,1	<i>Lightfoot (m)</i> – <i>light</i> ‘светлый’ + <i>foot</i> ‘стопа’; <i>Heavytop</i> – <i>heavy</i> ‘тяжелый’ + <i>top</i> ‘верхняя часть’; <i>Highflier (m)</i> – <i>high</i> ‘высокий’ + <i>flier</i> ‘объект, который быстро движется’
	Глагол + существительное	98	24,2	<i>Makejoy (m)</i> – <i>make</i> ‘создавать’ + <i>joy</i> ‘радость’; <i>Swishtail (m)</i> – <i>swish</i> ‘пороть’ + <i>tail</i> ‘задняя часть’; <i>Drinkwater (m)</i> – <i>drink</i> ‘пить’ + <i>water</i> ‘вода’
Всего		405	100	

Данные таблицы 3.3 свидетельствуют о том, что наиболее активными являются двукорневые ОА, образованные по модели существительное + существительное (193 ОА, 47,7 % от общего количества двукорневых ОА). Этот факт, по нашему мнению, обусловлен преимуществом именно субстантивных инициалей и финалей в составе древнеанглийских сложных личных имен, которые составляют внутреннюю форму большинства современных двукорневых ОА. Такие единицы являются историко-оценочными, поскольку их появление в ономастическом пространстве, а также возникновение оценки в их лексическом фоне хронологически более отдалено.

3.2.3.1 В современном английском антропонимиконе среди однокорневых антропонимов преобладают такие, форманты которых по семантическим характеристикам соотносятся с понятием борьбы, война, его добродетелей. Примерами подобных единиц служит ряд имен, которые имеют общую инициаль *ēad* (древнеангл. ‘счастье, процветание’): *Edmund (m)* – древнеангл. *mund* ‘защитник’, *Edric (m)* – древнеангл. *rīc* ‘мощность, сила’, *Edwin (m)*, *Edwina (f)* – древнеангл. *wine* ‘друг, защитник’, *Edgar (m)* – древнеангл. *gār* ‘копье’, *Edward (m)* – древнеангл. *ward* ‘защитник’; имена *Cadwalader (m)* – валлийск. *cad* ‘битва’ + *gwaladr* ‘лидер’, *Wilfrid (m)* – древнеангл. *wil* ‘воля’ + *frid* ‘мир’, *Cadogan (m)* – валлийск. *cad* ‘битва’ + *gwogawn* ‘слава’, *Rhodri (m)* – валлийск. *rhod* ‘колесо, движущая сила’ + *rhi* ‘правитель’, *Cathaoir (m)* – ирландск. *cath* ‘битва’ + *vir* ‘человек’ и др. Однако в большинстве случаев компоненты двукорневых имен не сохранили доантропонимическое значение.

3.2.3.2 Двукорневые ОА, образованные по словообразовательной модели существительное + прилагательное (114 ОА, 28,1 % от общего количества двукорневых ОА) изначально выполняли функцию пожелательных имен или имен-характеристик. Например, женское имя *Rhiannon* происходит от кельтского королевского титула *Rigantona* ‘великая королева’; французское имя немецкого происхождения *Robert* образовано формантами *hrod* ‘слава, признание’ + *berth* ‘яркий’; мужское имя древнеанглийского происхождения *Egbert* в переводе означает ‘блестящий меч’; имя жены английского короля Уильяма IV (William IV) *Adelaide* образовано сложением основ *adal* ‘благородный’ + *heid* ‘происхождение’. Все эти имена маркированы как позитивно-оценочные, так как имеют пожелательный характер, используются при назывании с целью наделять именуемого славой, силой, доблестью, благородством. И наоборот, имена *Campbell (m)* – гэльск. *cam* ‘кривой’ + *beul* ‘рот’ (‘криворотый’); *Cameron (m)* – гэльск. *cam* ‘кривой’ + *shorn* ‘нос’ (‘кривоносый’); *Blodwen (f)* – валлийск. *blawd* ‘цветы’ + *gwen* ‘белый, чистый, святой’; *Rhonwen (f)* – валлийск. *rhawn* ‘волосы’ + *gwen* – ‘белый, светлый, благословенный’, будучи изначально обсервационно-прозвищными именованиями, стали именами-характеристиками. Первые две единицы *Campbell (m)*, *Cameron (m)* являются негативно-оценочными, поскольку характеризуют внешние качества как отклонения от нормы. Смысловые связи компонентов традиционных валлийских имен *Rhonwen (f)*, *Blodwen (f)* представляют собой характеристику идеала европейской женской красоты, поэтому маркированы позитивной оценкой.

3.2.3.3 Самую малочисленную группу двукорневых ОА формируют единицы, образованные путем сложения глагола и существительного (98 лич-

ных имен, 24,2 % от общего количества двутемных ОА). Подобные варианты именования не встречаются в реальной антропонимической системе. Это в основном прозвищные литературные ОА: *Swishtail*, *Makejoy*, *Blatherwick*, *Drinkwater* и др. По происхождению такие ОА являются окказионализмами, то есть придуманными автором имена с целью создания более яркой характеристики и выражения собственного позитивного или негативного отношения к персонажам произведения. Известно, что с XVII века в Англии существует антропонимическая мода при крещении давать детям в качестве личных имен такие распространенные фамилии, как *Wotton*, *Pickering*, *Sidney*, *Rodney* (Зайцева 1986). Выбирая имена для своих персонажей, автор художественного произведения, пользуясь полной свободой, все таки подчиняется закономерностям национальной АС. Интересные примеры “говорящих имен”, имен-эпиграмм встречаем на страницах романа У. Теккерея “Ярмарка тщеславия”: *Swishtail*, *Makejoy*, *Blatherwick*, *Drinkwater* и др. В романе владельцами адвокатской конторы является мистер Хиггс (*Higgs*) и мистер Болтунигс (*Blatherwick*) (используются варианты передачи имен на русском языке, предложенные М.А. Дьяконовым). Для именования этих персонажей Теккерей использовал узуальное имя *Higgs*, а также выдуманное автором (окказиональное) имя с оценочной основой, “говорящее”, *Blatherwick*, используя при этом глагольный формант *blather* – англ. ‘болтать глупости’ и субстантивный формант – существительное *wick* – англ. ‘фитилек’. Подобная тактика именования дает возможность автору закодировать в имени явную характеристику персонажа по ряду признаков, а также выразить свое позитивное или негативное отношение к персонажу. При первом же знакомстве с литературным героем, декодируя только значение имени *Blatherwick*, приходим к выводу о том, что герой не обладает профессиональными качествами, поскольку адвокатам не свойственно говорить много на отвлеченные темы. Формант *wick* дает представление о внешности персонажа – это худощавый, высокий человек. Заслуживает внимания в этом случае и способ передачи имени на русский язык. М.А. Дьяконов переводит номинальную основу этого имени и добавляет формант **-игс** для созвучности обоих имен (Хиггс и Болтунигс), сохраняя при этом комический эффект. Двутемный ОА *Swishtail* образован путем сложения глагольной и субстантивной основ: англ. *swish* ‘пороть’ + *tail* ‘задняя часть’. Имя принадлежит строгому владельцу школы. Смысловые связи компонентов сложного имени дают представление о его основном педагогическом методе. Отсюда и русский эквивалент имени – доктор Порка.

3.3 Основные пути пополнения антропонимикона оценочными компонентами

Анализ специфики способов образования английских ОА обнаруживает, что основными путями пополнения антропонимикона оценочными единицами являются семантическая деривация, словообразовательные способы и заимствования (см. табл. 3.4).

Таблица 3.4

Пути пополнения английского антропонимического состава оценочными единицами (количественная характеристика)

Пути пополнения антропонимического состава	Кол-во	%	Примеры
Семантическая деривация	1622	49,5	<i>Daisy (f)</i> < англ. <i>daisy</i> 'маргаритка'; <i>Georgina (f)</i> англ. < <i>georgina</i> 'георгина'; <i>Perl (f)</i> < англ. <i>pearl</i> 'жемчужина'
Словообразовательные способы	1364	41,6	<i>Jodie (f)</i> < <i>Judith</i> ; <i>Rhodri (m)</i> – вал. <i>rhod</i> 'колесо' + <i>rhi</i> 'правитель'; <i>Fifi (f)</i>
Заимствования	289	8,9	<i>Sasha (m)</i> , <i>Gemma (f)</i> , <i>Inge (f)</i>
Всего	3275	100	

Согласно данным таблицы 3.4, наиболее продуктивным способом пополнения антропонимикона оценочными единицами является семантическая деривация (1622 ОА, 49,5 % от общего объема выборки). В отличие от общих названий, в пласте ИС как единиц вторичной номинации наблюдается более активный процесс образования нового значения на основании сходства обозначаемого с уже существующим явлением. Менее продуктивным путем пополнения антропонимикона оценочными единицами являются словообразовательные способы (1364 ОА, 41,6 %), включающие образование сокращено-производных ОА, словосложение и редупликацию. Меньшая активность этого способа объясняется сложным процессом имятворчества, который происходит в два этапа: 1) сокращение полной формы имени (образование сокращенного имени); 2) добавление гипокористических суффиксов (образование гипокористиков). Заимствование (289 ОА, 8,9 %) является наименее продуктивным путем пополнения антропонимикона оценочными единицами. Образованные таким образом имена не отражают основных тенденций имянаречения.

3.3.1 Семантическая деривация оценочных антропонимов. Самым продуктивным способом образования имен является семантическая деривация. Количество ОА, образованных этим путем, составляет 1364 единицы, что составляет 41,6 % от общего количества единиц выборки. Наиболее распространенным механизмом семантической деривации среди ОА является метафорический перенос. При образовании ОА путем метафоризации среди множества различных признаков предметов и объектов окружающего мира выделяется любой признак, который становится основой метафорического переноса. Образование ОА путем метафоризации происходит в три типа: 1) наделение именуемого качествами и свойствами объектов живой природы; 2) наделение объекта именованного качествами и свойствами неодушевленных предметов, то есть перенос названия с неживого на живое; 3) ассоциация имени объекта антропонимической номинации со свойствами абстрактных понятий.

3.3.1.1 Метафорический перенос первого типа происходит на основании подобия признаков объектов. Такие ОА образуются от лексико-семантической группы слов-именований животных, птиц. При использовании названий животных для образования ОА путем метафоризации основой для сравнения становятся физические свойства животных, например, их красота, скорость, ловкость, сила и символические интерпретации образа того или иного существа в контексте мировой культурологии. Например, семантика англизированной формы гэльского имени *Conan* (*m*), происходящего от прозвища-деривата с внутренней формой *cú* – гэльский ‘охотничья собака’, характеризуется положительной оценкой. Такие свойства, как скорость и ловкость, которые свойственны охотничьему псу, расцениваются англичанами как желаемые качества для активной и счастливой жизни. Популярность имени в английской АС обусловлена культурно-историческим компонентом лексического фона имени. Его известным носителем был английский писатель с ирландскими корнями сэр Артур Конан Дойль (*Sir Arthur Conan Doyle*), автор серии детективных историй о Шерлоке Холмсе.

Имена, образованные от названий весенних певчих птиц (например: *Mavis* (*f*) – *mavis* ‘певчий дрозд’; *Merle* (*f, m*) – *merle* ‘черный дрозд’; *Robin* (*m, f*) – *robin* ‘малиновка’ (небольшая певчая птичка семейства дроздовых) (Hanks, Hodges 1996) сравнительно недавно вошли в АС английского языка (XIX в.). Их апеллятивы не утратили смысловой загрузки, поэтому звуковая и графическая форма подобных ОА ассоциируется с семантикой словарных слов, обозначающих птиц.

Что касается метафоризированных ОА с символической семантической нагрузкой, то к таким в целом отнесены единицы сферы религии. Варианты имен, образованных от существительных ‘голубь’ и ‘ягненок, агнец’, значимы для тех, кто имеет глубокие религиозные взгляды. Так, имя итальянского происхождения *Columbine* (*f*), произошедшее от гипокористика *Columbina* – итал. *colomba* ‘голубь’, остается популярным среди православных, ведь голубь символизирует чистоту, мир, Святой Дух. Среди современных шотландцев популярность продолжает приобретать сокращенная форма имени *Colum* (*m*). Синонимией этимологических основ характеризуются имена *Agnes* (*f*) и *Bunty* (*f*). Латинизированное имя *Hāgne*, образованное от прилагательного *hagnos* – ‘чистая, святая’, принадлежало молодой римской девушке, которая страдала от постоянных преследований римского императора Диоклетиана и которую в средневековье канонизировали. Имя становится популярным и активно употребляется при имянаречении, что в основном является результатом ассоциации его внутренней формы с латинским существительным *agnus* ‘ягненок, агнец’ и иконографической традиции изображения святой с ягненком. Впоследствии ассоциация с латинским *agnus* становится преобладающей, что приводит к выпадению инициальной *H*-. Достаточно распространено в XX в. имя *Bunty* (*f*) этимологически связано с диалектным ласковым именованием ягненка. В Новом Завете агнцем называют Искупителя Иисуса Христа, как жертвенного ягненка, который был принесен в жертву за грехи человечества; в основе метафоры – пророчество Исаии о страданиях Мессии. Интересной является интерпретация семантики еще одного метафоризированного ОА древнееврейского происхождения *Caleb* (*m*). Апеллятивная основа имени переводится с древнееврейского языка как ‘собака’ и во многих религиозных традициях, в том числе иудаизме, трактуется как символ верности богу. Имя вошло в антропонимикон и было распространено пуританами, благодаря им же попало в американскую АС, где активно используется в процессе номинации. Ассоциация антропонимов с американской традицией именования влияет на негативное отношение англичан к этому имени, которое до сих пор является пейоративным в английском ономастическом пространстве.

Анализируя метафоризацию как процесс образования новых ОА, нельзя не обратиться к историко-оценочным антропонимам, которые также образованы от существительных, обозначающих животных и птиц. На раннем этапе развития общества личные имена выбирались из фонда общих названий и образовывались по метафоро-метонимическому принципу, следовательно, передавали определенную информацию, которая содержалась в значе-

нии апеллятивных основ. По морфологическому признаку это в основном двутемные личные имена, которые в своей внутренней форме имеют зооморфные существительные *wulf* ‘волк’, *earn* ‘орел’, *hun(d)* ‘собака’. Под влиянием оттенков значения композитов, которые их дополняют, на первый план выходит не прямое значение апеллятивных основ – ‘воин’. Фактором, способствующим формированию непрямого значения, являются также культурологические ассоциации с указанными существительными в германской мифологии. Как известно, верования многих германских племен опирались на тотемический миф о сверхъестественном родстве между членами племени или рода и тотемом Волка. Кроме того, Волк имел статус хтонического животного бога Одина, который был в особом почете у англосаксов. Собака и Орел для древнегерманских племен также содержали пожелательную, положительную символику. Одним из первых животных, прирученных людьми, была собака; животное остается лучшим другом человека и олицетворяет преданность, храбрость и бдительность. Орел является одним из самых распространенных символов фауны, который олицетворяет храбрость, веру, победу, величие и власть (Чурсина 2002: 184–186).

Среди указанных зооморфных существительных наибольшей активностью в составе антропонимов характеризуется апеллятив ‘волк’. Трансформация прямого значения существительного *wulf* ‘волк’ в переносное ‘воин’ является результатом влияния как непосредственного значения сопроводительных апеллятивных основ, так и объекта номинации. Общая семантика таких имен является наглядным доказательством того, как модифицируется значение апеллятивной основы антропонимов (в скобках даны значения сопроводительной основы): *Beornwulf* (человек, герой), *Wullaf* (наследник), *Æðelwulf* (благородный), *Wulfmæc* (известный), *Godwulf* (бог), *Cēolwulf* (корабль), *Herewulf* (армия), *Gār*wulf (копье), *Ec*gulf (копье), *Synewulf* (род, племя), *Swið*wulf (быстрый) (Чурсина 2002).

Антропонимы с композитами *hund* ‘собака’ и *earn* ‘орел’ немногочисленны, они представлены в таких именах: *Æðelhun* (*æðel hund* ‘благородная собака’), *Wulfhun* (*wulf hund* ‘волк собака’), *Earnulf* (*earn wulf* ‘орел волк’).

Метафорический перенос, в основе которого наделение именуемого качествами и свойствами объектов живой природы, осуществляется также с привлечением лексико-семантической группы слов-именований цветов, растений. Культурологической основой использования названий цветов в качестве личных имен, является символичность некоторых растений в английском лингвокультурном пространстве, которые олицетворяют народности Британских островов (Томахин 1984). Основным мотивом выбо-

ра такого имени является желание наделить объект именованя красотой, хрупкостью, утонченностью, гибкостью. Вполне закономерен тот факт, что большинство подобных имен являются женскими личными именами, ведь указанные свойства скорее присущи женщинам, а не мужчинам. Примером таких имен служат ОА: *Fern (f)* – древнеангл. *fearn* ‘папоротник’; *Gillyflower (f)* – англ. *gillyflower* ‘левкония’; *Ivy (f)* – англ. *ivy* ‘плющ’; *Iris (f)* – *iris* ‘ирис’; *Daisy (f)* – англ. *daisy* ‘маргаритка’; *Georgina (f)* – англ. *georgina* ‘георгина’ и др.

3.3.1.2 Метафорический перенос второго типа (наделение объекта именованя качествами и свойствами неодушевленных предметов, то есть перенос названия с неживого на живое) происходит по подобию отношения к именуемому и отношения к предметам, названия которых являются апеллятивными основами антропонимов. ОА, формирующие эту группу метафоризованных имен, образованы от лексико-семантической группы слов-именований драгоценных камней, металлов. Использование названий неодушевленных предметов в качестве личных имен имеет восточные корни. В восточных антропонимических системах эту функцию традиционно выполняют жемчуг и названия других драгоценных камней и драгоценных металлов. Среди современных английских имен, образованных подобным способом, согласно данным службы Office for National Statistics [<http://www.statistics.gov.uk>], зафиксированы такие элементы: *Pearl (f)* – англ. *pearl* ‘жемчуг’; *Jasper (f)* – англ. *jasper* ‘яшма’; *Opal, Opaline (f)* – англ. *opal* ‘опал’; *Crystal (f)* – *crystal* ‘кристалл, горный кристалл’; *Coral (f)* – *coral* ‘коралл’; *Jade (f)* – *jade* ‘нефрит’; *Gemma (f)* – вид средневекового итальянского существительного, обозначающего драгоценные камни. В процессе развития английской АС семантика одного из указанных личных имен была переосмыслена, что отразилось на его оценочной характеристике. Антропоним *Jade (f)* возникает в период моды на женские имена, образованные от названий драгоценных камней. Его апеллятивная основа соотносится с названием камня нефрит, обладающего свойствами защищать своего владельца от желудочно-кишечных болезней. В течение XIX в. имя пользуется большой популярностью, но в начале XX в. наблюдается изменение характера оценки с позитивной на негативную. Значение внутренней формы переосмысливается таким образом, что на первый план выходит непривлекательное для именованя значение существительного *jade* ‘воспаление почек’, что делает имя непопулярным. В 1970-е годы популярность имени растет, это обусловлено тем, что известный английский рок-исполнитель Мик Джаггер (Mick Jagger) выбирает антропоним для наречения своей дочери.

Следует подчеркнуть, что в период формирования историко-оценочных антропонимов существительное *stān* 'камень' чаще всего подлежало метафорическому переносу: *Brihstān* (*m*) – древнеангл. *beorht* + *stān* 'яркий камень'; *Cynestān* (*m*) – древнеангл. *cune* + *stān* 'родство с камнем'; *Ecgstān* (*m*) – древнеангл. *ecg* + *stān* 'копье – камень'; *Leofstān* (*m*) – древнеангл. *leof* + *stān* 'любимый камень' (Рыбакин 1989). Культурологической основой использования понятия «камень» в староанглийском имятворчестве, по мнению К. Б. Зайцевой, является космогонический миф скандинавской мифологии о сотворении мира из тела великана Эмира. Согласно мифу плоть Эмира стала землей, кровь – морем и т.д., кости великана превратились в горы (Мелетинский 1990: 241). На уровне примитивного осознания символическое понятие горы трансформировалось в более конкретное *stān* и начало использоваться в личных именах, традиционно предоставляя носителю имени такие качества, как твердость, стойкость.

Особого внимания заслуживает метафоричность значения ОА *Ecgstān* (*m*). Во-первых, антропонимическая единица содержит в своей семантике двойную метафору: на первом этапе метафоризации компонент *ecg* 'копье' перефразирован в «заостренный камень» (*ecg* 'острие копья'), а затем это словосочетание аллегорически начинает обозначать *воина*. Во-вторых, соотнося апеллятивы с атрибутами скандинавских богов, обнаруживаем взаимосвязь двух мифологических героив – Одина и Эмира, что еще раз определяет степень влияния мифологии на процесс создания имени.

3.3.1.3 Метафорический перенос третьего типа (ассоциация имени объекта антропонимичных номинации со свойствами абстрактных понятий) присущ именам пуритан, которые стремились зафиксировать во внутренней форме имени понятия, которые ярко выражали их общественную и религиозную позицию: *Felicity* (*f*) – лат. *felicitas* 'счастье'; *Faith* (*f*) – англ. *faith* 'вера'; *Patience* (*f*) – англ. *patience* 'терпение'; *Alethea* (*f*) – греч. *aletheia* 'правда'; *Prudence* (*f*) – англ. *prudence* 'рассудительность'; *Prosper* (*m*) – англ. *prosper* 'успешный' и др.

3.3.1.4 Среди ОА, образованных семантической деривацией, наблюдаются также эпитетные, метонимические, оксюморонные, тавтологические формации, которые охватывают различные соотношения компонентов внутренней формы двутемных ОА. Выделение указанных стилистических фигур возможно лишь на материале двутемных древнеанглийских антропонимов, поскольку такие единицы характеризуются первоначальным составом, который еще не подвергался морфонологическим изменениям.

Использование эпитетов в качестве способа образования имени является одним из наиболее часто применяемых поэтических средств. Как правило, характеристика второго компонента осуществлялась с помощью эпитета с пожелательной семантикой. Функции эпитетов выполняли такие прилагательные с позитивной оценкой, как *ædel* ‘благородный’, *berthbeorht* ‘яркий’, *bald / beald* ‘храбрый’, *eldeald* ‘старый’, *hēh / hēah* ‘высокий’, *leof* ‘дорогой, любимый’, *mær* ‘известный, славный, великолепный’, *noð* ‘храбрый’, *rīc* ‘мощный’, *swið* ‘сильный, строгий’, *torht* ‘яркий, блестящий’. Указанные прилагательные можно разделить на две группы: антропоморфные и неантропоморфные. Наличие антропоморфных прилагательных в составе антропонимов является важным, поскольку они определяют толкование как значение имени в целом, так и переосмысление второго компонента, обозначающего неодушевленный предмет. В сочетании с существительными, обозначающими неодушевленные предметы, неантропоморфные прилагательные образуют метафорические или метонимические ОА.

Так, прилагательное *ædel* ‘благородный’, которое относится к первой группе, используется в комбинации как с неодушевленными, так и с одушевленными существительными. При использовании этого прилагательного в сочетании с именами одушевленных предметов образуется сложное слово, в котором прилагательное выступает эпитетом к обозначаемому существительному. При этом противопоставление сем элементов не происходит, поскольку оба компонента ассоциируются с живыми объектами – людьми: *Ædelwulf* – *ædel wulf* ‘благородный воин’, *Ædelred* – *ædel red* ‘благородный правитель, советник’, *ðelwine* – *ædel wine* ‘благородный друг’. В случае же использования прилагательного *ædel* в сочетании с именем неодушевленных предметов возникает противопоставление сем формантов имени, приводит к переосмыслению не только значения второго элемента, но и значения всего имени. В таких случаях между компонентами ОА образуется метафорическая или метонимическая связь: *Ædelstān* (*ædel stān*) буквальное значение ‘благородный камень’; метафорическое значение – ‘защитник’, ‘воин’. В любом случае наличие прилагательного *ædel*, употребляемого только для характеристики человека и используемого в составе личного имени в сочетании с неодушевленными именами существительными, вызывает метафоризацию композита *stān*, что заставляет переосмысливать его в плане поиска среди компонентов его значения тех, которые также содержали бы семы, соотносящиеся с понятием ‘человек’. К таким семам можно отнести вторичное значение существительного *stān* ‘твердый, устойчивый’. Еще один двутемный ОА *Ædelgar* (m) (Freedman 1997) является примером

поэтической формации. Буквальное значение компонентов сложного имени (*æðel gar*) ‘благородное копье’; метонимическое значение – ‘воин’. Метонимический перенос основывается на пространственно-временной тождественности композитов и в этом случае представляет собой синекдохическое образование, в котором часть (‘копье’) представляет целое (‘воин’). Прилагательное *æðel*, как и в предыдущем примере, выступает как активатор ‘живых’ сем существительного ‘копье’. Двухтемный ОА *Æðelhere* (m) (*æðel here*), прямое значение которого ‘благородное войско’, демонстрирует метонимичность имени. Как и в предыдущем примере, метонимия (метонимическое значение антропонимов ‘воин’) основывается на отношении части к целому. При этом связь элементов по признаку одушевленности более очевидна, так как собирательное существительное ‘войско’ может содержать указание на конкретных воинов.

Примерами антропоморфных прилагательных, выступающих в роли композитов историко-оценочных двухтемных ОА, служат синонимичные эпитеты *torht* и *berht* (также орфографические варианты *beorht*, *breht*) ‘яркий, блестящий’. В отличие от прилагательного *æðel*, который в значительной степени влияет на “одушевленность” употребляемого с ним существительного, прилагательные *torht* и *berht* в большей степени подвергаются процессу персонификации под влиянием отдельных сем значения существительных, которые их сопровождают. Рассмотрим примеры ОА, в состав которых входят указанные прилагательные. *Torhthelm* (m) (*torht halm*) (Freedman 1997) – прямое значение ‘яркий, блестящий шлем’; метонимическое значение – ‘воин’, поскольку именно среди компонентов значения существительного ‘шлем’ на первое место выступают семы ‘защита’, ‘торжественность’. Эпитет ‘блестящий’ косвенно передает и положительную характеристику воина в блестящем шлеме, это символ победы и успеха, что определяет позитивную оценку в семантике антропонимов. ОА *Berhtulf* (m) (Freedman 1997), внутренняя форма которого оформлена по словообразовательной модели прилагательное + существительное (*beorht wulf*), имеет прямое значение ‘яркий волк’; метафорическое значение – ‘воин’. Этот пример интересен тем, что в нем значение композитов имени определяет формирование метафорического значения в равной степени, то есть второстепенные семы двух элементов становятся основными при употреблении в личном имени. Второстепенные значения обоих композитов формируют основное значение всего антропонима. Под влиянием значения прилагательного *berht* ‘яркий, славный, выдающийся’ модифицируется семантика второго форманта, существительного *wulf*, которое приобретает значение ‘во-

ин', 'защитник'. С другой стороны, именно наличие антропоморфных сем в общем значении существительного *wulf* позволяет актуализироваться таким семам прилагательного *berth*, как 'прославленный, выдающийся'.

В составе ОА, отображающих влияние основных культурем на уровне метонимического переноса, имеются такие элементы: *-here* 'войско, армия' *Æðelhere (m)*; *-sige* 'победа' *Æðelsige (m)*; *-bada* 'битва' *Badanoð (m)*; *-gār* 'копье' *Æðelgar (m)*; *-ord* 'копье' *Ordhēh (m)* (Рыбакин 1989: 335). Наиболее важные понятия дублируются в синонимических существительных *ecg* 'копье, острие копья', *gar* и *ord* (с тем же значением). Популярность указанных апеллятивов также, очевидно, связана с особым почитанием германскими племенами бога Одина, обязательным атрибутом которого было копье.

Доминирование непрямого значения указанных существительных, а именно 'защита' и 'война' в комбинации со специфическим объектом имяназвания, как и с выше рассматриваемым существительным *wulf*, влечет за собой интеграцию значений отдельных основ антропонимов к одному – 'воин'. Следует отметить, что ОА, имеющие в своем составе компонент *ecg*, *ord* или *gar*, чаще всего являются атрибутивными словосочетаниями. При этом, самыми популярными в комбинации с этими существительными являются прилагательные *beorhtbryht* 'яркий', *hēah* 'высокий', *ead* 'легкий', которые часто объединяются как с прямым значением существительных *gar* и *ord*, так и с антропоморфным, наделяя носителя имени такими качествами воина, как ловкость и удача.

Использование оксюморона и тавтологии обнаружено лишь в редких случаях. Однако анализ подобных ОА важен в контексте опровержения утверждений относительно отрицания семантической связи элементов в двутемных ОА. Так, например, поэтика антропонимов *Friðgār (m)* – *frið* + *gār* 'мир' + 'копье, война' (Рыбакин 1989) имеет двойственный характер. С одной стороны, поэтическая организация элементов имени по отношению друг к другу строится на оксюморонной связи, охватывающей противоположные понятия: *frið* 'мир' контрастирует с одной из сем значения существительного *gār* 'война'. С другой стороны, под влиянием объекта номинации общее значение сем трансформируется в дескриптивную фразу 'копье, несущее мир', которая уже метонимически связана с референтом понятия 'воин'.

Антропонимы-тавтологические формации имеют в своем составе композиты с идентичным значением. Среди отобранных единиц особого внимания заслуживают два ОА – *Odgār (m)* и *Beornulf (m)* (Freedman 1997).

Первое имя *Odgār* представляет собой сочетание двух синонимических значений – ‘острие копья’ + ‘копье’. С нашей точки зрения, возникновение подобных антропонимов четко выявляет как мифопоэтичность сознания народов определенного периода, так и доминирующие ценности того времени. С одной стороны, метонимический перенос значения существительного ‘копье’ на объект номинации – человека, как уже отмечалось ранее, приводит к формированию понятия ‘воин’, которое доминировало и в героической поэзии, и в повседневной жизни. С другой стороны, употребление композитов с идентичным значением в составе одного имени имплицитно желает субъекта именованию усилить те качества, которыми человека наделяет имя.

Второй ОА *Beornulf – beorn + wulf* ‘человек, воин + волк’ может рассматриваться как тавтологическое только в непрямом значении. В этом случае ОА прочитывается как ‘воин’ + ‘воин’. Прямое значение имени состоит из первичной семантики элементов и прочитывается как ‘человек’ + ‘волк’. Однако это имя интересно тем, что под влиянием переносного значения каждый из элементов приобретает поэтического значение, которое закрепилось в личных именах. Понятие “человек” включает в себя такие семы: мужчина, защитник, деятель и др.; понятие “волк”: животное, хищник, хватчик и защитник, а также агрессия, сила, ловкость, гибкость. Взаимное пересечение и взаимное влияние сем приводит к формированию поэтического значения обоих композитов имени. Дублирование значения в одном ОА, как и в предыдущем случае, является средством усиления выражения основных приоритетов.

3.3.2 Словообразовательные способы пополнения английского антропонимикона оценочными единицами. Словообразовательные способы обогащения АС оценочными единицами занимают второе место по производительности после семантической деривации (см. табл. 3.4). Этот путь пополнения антропонимического состава английского языка представлен 1364 ОА, что составляет 41,6 % от общего количества единиц выборки. Словообразовательный анализ ОА делает возможным выделение таких словообразовательных способов: образование сокращенно-производных ОА, словосложение и редупликация (см. табл. 3.5).

Согласно данным таблицы 3.5, наиболее продуктивным деривационным способом является образование сокращенно-производных ОА (781 ОА, 57,3 % от количества единиц этого пути образования имени и 23,9 % от общего количества единиц выборки). Способ словосложения представлен

405 ОА, что составляет 29,6 % от всех ОА, образованных словообразовательным способом и 12,4 % от общего объема выборки. Зафиксировано наименьшее количество единиц, образованных редупликацией (178 ОА, 13,1 % от всех словообразовательных дериватов и 5,4 % от общего количества единиц выборки).

Таблица 3.5

Словообразовательные способы пополнения
антропонимического состава оценочными единицами

Словообразовательные способы	Кол-во	%	Примеры
Образование сокращенно-производных ОА	781	57,3	<i>Merry (f) < Meredith, Millie (f) < Mildred</i>
Словосложение	405	29,6	<i>Eadburga (f)</i> – древнеангл. <i>ead</i> ‘процветание’ + <i>burg</i> ‘башня’; <i>Winston (m)</i> – древнеангл. <i>wynn</i> ‘радость’ + <i>stan</i> ‘камень’
Редупликация	178	13,1	<i>Tata (f) < Tacita (f), Vivi (f) < Vivien (f)</i>
<i>Всего</i>	<i>1364</i>	<i>100</i>	

3.3.2.1 Образование сокращенно-производных антропонимов. Словообразовательный анализ современных английских ОА показывает, что образование сокращенно-производных единиц является одним из ведущих путей пополнения именника английского языка. Как отмечает английский исследователь антропонимика, автор антропонимического словаря Э. Уитком (Withycombe 1971), образование сокращенно-производных единиц или первичная и вторичная деривация является достаточно современным способом образования английских имен, которая возникла в новоанглийский период развития английского антропонимикона.

Среди общего количества единиц выборки насчитывается 1039 сокращенно-производных имен, что составляет 31,7 %. Следует отметить, что в научной литературе по антропонимике достаточно часто употребляется термин “деривация”, который большинство ученых понимают как способ образования имен, происходящий в два этапа: первичная и вторичная деривация (Гайдук 2001; Ермолович 2001; Шеремет 1984; Withycombe 1971). Первичные дериваты образуются путем сокращения начальной формы имени (*Daniel > Dan, Theodore > Ted*), вторичные дериваты (гипокористи-

ки) являются результатом добавления к первичному деривату диминутивного (гипокористического) суффикса (*Dan* > *Danny*, *Ted* > *Teddy*).

Словообразовательный анализ сокращенно-производных ОА свидетельствует о наличии примеров таких типов сокращения, как афферезис (сокращение инициальной части имени), синкопа (сокращение середины имени) и апокопа (сокращение финальной части имени): *Nan*, *Nanny*, *Nancy* < *Ann*; *Betty*, *Bessy*, *Bessey* < *Elizabeth*, *Al* < *Albert*, *Val* < *Valery* и др. (афферезис); *Robt* < *Robert*, *Thos* < *Thomas*, *Eliz-d* < *Elizabeth*, *Jas* < *James* и др. (синкопа); *Tho* < *Thomas*, *Will* < *William*, *Geo* < *Geoffrey*, *Mich* < *Michael* и др. (апокопа).

Изучение особенностей морфологической структуры и способов образования современных английских ОА требует анализа соотношения общего количества исходных или полных ОА и общего количества их дериватов.

Женские имена. Анализ 330 антропонимичных единиц женского именника выявил такое соотношение количества полных имен к количеству дериватов: 51,7 % : 48,2 %. При этом среди антропонимических дериватов количество имен, имеющих статус самостоятельного имени, составляет 11,8 %. Этот вывод базируется на анализе словарных антропонимических статей изучаемых единиц, которые маркируются пометой '*independent name*', '*name in its own right*' (Freedman 1997). Среди женских дериватов, зафиксированных в словарях как самостоятельные имена, отметим такие: *Carrie* < *Caroline*; *Betty*, *Lisa* < *Elizabeth*; *Barba* < *Barbara*, *Ella* < женские имена с окончанием **-ella (-elle)**; *Jill* < *Jillian*; *Jenny* < *Jennifer*, *Kate*, *Kitty* < *Cathrine*; *Tina* < женские имена с окончанием **-tina** и др. Анализ списков современных женских ОА в английском языке свидетельствует о тенденции использования деривата имени вместо его полного варианта. Так, например, в современном имяназвании достаточно распространено использование дериватов *Jodie*, *Cilla*, *Gabi*, *Gina*, *Merry*, *Millie*, *Pipa* вместо их полных вариантов *Judith*, *Priscilla*, *Gabriela*, *Regina*, *Meredith*, *Mildred*, *Millicent*, *Philippa*. Данная тенденция основывается на стремлении современного английского общества, используя дериваты вместо полных имен, создать более неформальную и благоприятную атмосферу общения, а также на восприятии гипокористиков как ласкательных форм именования, коннотирующих положительную оценку на морфологическом уровне.

Наибольшее количество дериватов производят имена, которые входят в ядро английской АС и сохраняют высокий уровень популярности в течение нескольких веков. Женские имена представлены такими единицами:

Catherine, Elizabeth, Mary. ОА *Catherine* имеет такие производные: *Caithan, Caithleen, Cat, Cath, Cathie, Cathy, Kate, Kathryn, Kathie, Katrina, Kitty, Kathleen*. При этом исходный или полный вариант является более популярным и частотным. Имя *Elizabeth* представлено такими вариантами: *Betty, Isabella, Liz, Lisa, Lisolette, Liza*. В этом случае наиболее частотным является дериват *Liz*, который придает ему положительно-оценочную окраску по сравнению с другими вариантами имени. Антропонимические единицы *Polly, Molly*, а также французский вариант *Marie* репрезентируют в современном антропонимиконе имя *Mary*.

Мужские имена. В мужской антропонимии деривация – менее активный способ расширения фонда личных имен. Сокращенно-производные имена составляют 27,6 %. Количество дериватов, функционирующих как самостоятельные имена (согласно антропонимическим словарям), составляет около 8 %. Помета *‘independent name’, ‘name in its own right’* относительно дериватов мужских имен часто сопровождается такими комментариями, как *‘occasionally sometimes used in their own right’* (Hanks, Hodges 1996), что указывает на устойчивую тенденцию использования дериватов в качестве официальных имен.

Среди мужских сокращенно-производных ОА, зафиксированных в словарях, отметим такие: *Alec < Alexander; Ben < Benedict, Benjamin; Bill < William; Brad < Bradley, Bradford; Dan < Daniel; Derek < Theodoric; Jim < James* и др. В отличие от женских имен, среди которых наблюдается тенденция функционирования дериватата имени безотносительно от его полной или исходной формы, для сокращенно-производных мужских ОА подобная тенденция не характерна.

Подавляющее большинство ОА в мужском антропонимиконе представлена полными именами. Незначительное количество дериватов вместе с деривативами, которые получили статус самостоятельных имен, рассматриваются в большинстве случаев как неофициальные формы именования. На основании этого факта можно сделать вывод, что при имянаречении полные формы мужских имен маркируются позитивной оценочной характеристикой, тогда как сокращенно-производные воспринимаются как несерьезные, неформальные и ассоциируются с женскими формами имен.

Таким образом, мужской и женский антропонимикон английского языка значительно отличаются друг от друга приоритетами в использовании имен и их вариантов. Среди женских имен наблюдается очевидная тенденция использования дериватов как единиц официального именования. Муж-

ской антропонимикон традиционно оперирует полными именами, которые формируют большинство. Эта тенденция обусловлена общими социокультурными явлениями (мода, современный стиль жизни), а также психологией именуемых (чувство самоидентификации и самооценки). Философское объяснение рассматриваемого явления находим у П. Флоринского, который интерпретирует употребление антропонимических гипокористиков, оценивая это явление довольно скептически, с помощью социологического фактора: «Уменьшительные, ласкательные, насмешливые и другие жизненные видоизменения каждого имени нужно понимать как различные приспособления этого имени к оттенкам отношений в рамках одного народа и одного периода... Однако в определенные времена теряется чувство монументальной формы этого имени как непосильно величественной для этого времени. И тогда, вместе с изменением самой жизни, первичные имена становятся для общества далекими и непонятными...» (Флоринский 2000: 513–515).

Основными способами образования дериватов от исходных форм имен в современной английской АС является сокращение и аффиксация. Количественный анализ ОА-дериватов свидетельствует о том, что наиболее частотным типом первичной деривации как среди мужских, так и среди женских ОА, является сокращение конечной части имени или апокопа. Количество единиц, образованных этим типом, составляет 828 женских и мужских личных имен (60,7 % от общего количества сокращенно-производных единиц): *Cath* < *Catherine*, *Kim* < *Kimberley*, *Lau* < *Laura*, *Val* < *Valerie*, *Bev* < *Beverley* и др. (женские имена); *Matt* < *Matthew*, *Tim* < *Timothy*, *Ed* < *Edward*, *Rob* < *Robert* або *Robin*, *Ben* < *Benjamin* або *Benedict*, *Ken* < *Keneth*, *Phil* < *Philip* и др. (мужские имена).

Афрезис (*Liz*, *Liza* < *Elisabeth*) и синкопа (*Tess*, *Tessa* < *Teresa*, *Pipa* < *Philippa*) представлены сравнительно небольшим количеством примеров (211 единиц) среди женских имен и отсутствуют в номенклатуре мужских имен.

Вторичная деривация ОА в основном представлена гипокористическими формами имен. Вследствие того, что наиболее частотным типом первичной деривации или сокращения являются единицы, образованные апокопой, то аффиксальная апокопа – также наиболее частотный тип образования имен. Например, в женском антропонимиконе указанный тип вторичной деривации иллюстрируют такие формы: *Viki*, *Vicki*, *Vicky* < *Victoria*, *Debbie* < *Deborah*, *Gilly* < *Gillian*, *Jennie* < *Jane*, *Julie* < *Julia*, *Kathy*, *Kathie*, *Katie* < *Catherine*, *Karrie*, *Kerry* < *Karen*, *Sussie* < *Susan*, *Barbie* < *Barbara*, *Dan(n)ie* < *Daniella* и др.; среди мужской номенклатуры оценочных имен: *Ally* < *Allan*, *Andy*

< *Andrew, Ernie* < *Ernest, Jamie* < *James, Kenny* < *Keneth, Eddie* < *Edward, Barry* < *Bartholomew, Lennnyie* < *Leonard* або *Lionel, Terry* < *Terence* и др.

Фактический материал фиксирует единичные примеры аффиксального афреза в номенклатуре женских имен: *Bessy, Becci* < *Rebecca, Lisollette* < *Elisabeth, Mandy* < *Amanda* и др. Что касается аффиксальной синкопы, то ни одного примера не обнаружено ни среди женских, ни среди мужских имен.

В аффиксации ОА в современном антропонимиконе участвуют такие суффиксы: **-ie, -y, -i, -ey**, которые используются в номенклатуре женских и мужских имен.

Словообразовательный и морфологический анализ современной оценочной антропонимии свидетельствует о том, что указанные гипокористические суффиксы неравномерно распределяются при образовании женских и мужских гипокористиков.

Нижеприведенная таблица 3.6 иллюстрирует количественно-процентное соотношение гипокористических суффиксов в женских и мужских деривативах.

Таблица 3.6

Соотношение гипокористических суффиксов
в женских и мужских антропонимических оценочных дериватах

Суффиксы	Женские ОА		Мужские ОА	
	Количество	%	Количество	%
-ie	128	30,4	45	12,5
-i	75	17,8	27	7,5
-y	113	26,8	98	27,2
-ey	54	12,8	45	12,5
Нулевая морфема	51	12,2	145	40,3
Всего	421	100	360	100

Результаты исследования, приведенные в таблице 3.6, выявляют такие тенденции в образовании гипокористиков среди женских и мужских ОА:

1. Гипокористики женских ОА чаще оформлены суффиксом **-ie** (128 ед., 30,4 %). Для мужских ОА образование дериватов по этой модели является нетипичным (45 единиц, 12,5 %). Итак, суффикс **-ie** можно рассматривать как преимущественно женский гипокористичный суффикс.

2. Гипокористики мужских имен чаще всего образуются безаффиксным путем, способом усечения полного варианта имени (145 ед., 40,3 %). Для женских ОА этот способ образования является нетипичным (51 единица, 12,2 %).

3. Самую многочисленную группу гипокористиков женских и мужских ОА составляют единицы, образованные с помощью суффикса **-у** (113 единиц, 26,8 % и 98 единиц, 27,2 % соответственно). Указанный суффикс можно считать андрогенным (Чурсина 2002), участвующий в создании гипокористиков обоих родов.

Преимущество определенной модели образования гипокористиков ОА, обнаруживает очевидную дифференциацию среди мужских и женских имен, предполагает не только анализ структурных особенностей имени, но и анализ особенностей фоносемантики компонентов ОА.

Фонема [ɪ] во многих исследованиях по фоносемантике характеризуется как маленькая. О. Есперсен в работе ‘Symbolic Value of the Vowel “i”’ (1922) отмечает высокую частотность этой гласной в словах, обозначающих нечто маленькое, а также имплицитную идею незначительности, маленького размера и слабости (Есперсен 2006). Параллельно вопрос звукосемантики исследовал другой выдающийся лингвист Э. Сепир. В результате эксперимента исследователь также обнаружил синтетическую зависимость между гласной [ɪ] и ее размером: респонденты практически всегда ассоциировали этот звук с маленьким размером (Сэпир 1993). Очевидно, указанные фоносемантические особенности звуков, спроектированные на графическую репрезентацию имени, стали основой дифференциации мужских и женских гипокористиков. В результате более распространенными женскими гипокористическими суффиксами становятся те, которые содержат букву “i”: **-ie** та **-i**. Эти суффиксы имплицитно несут идею малого размера, изящества, хрупкости и женственности, а следовательно, коннотируют оттенок ласкательности, поэтому являются непопулярными в составе мужских ОА.

Учитывая фоносемантику гипокористиков, необходимо привлечь к анализу и графическую репрезентацию суффиксов (или графосемантику) (Чурсина 2002), поскольку в фонетическом плане все суффиксные буквосочетания дают звук [ɪ]. Исходя из результатов анализа соотношения гипокористических суффиксов в женских и мужских деривативах, “y” воспринимается как буква более большая, объемная, чем “i”, что и объясняет преимущество гипокористиков с этой буквой среди мужских ОА. Преимущество безаффиксного образования в мужском антропонимиконе также связано с нали-

чем в семантике всех гипокористических суффиксов идеи малой величины и женственности, поскольку фонетически все фонемы реализуют звук [I]. Конечно, подобные импликации противоречат номинативно-дистинктивной функции мужских личных имен.

3.3.2.2 Словосложение как способ образования оценочных антропонимов. Словосложение как способ образования английских ОА представлен 405 единицами, что составляет 29,6 % от всех ОА, образованных словообразовательными способами. Результатом сложения основ является образование двутемных ОА, которые в свою очередь образованы сложением двух существительных (193 ОА, 47,7 % от всех двутемных ОА), прилагательных и существительных (114 ОА, 28,1 %), глаголов и существительных (98 ОА, 24,2 %). Численное превосходство двутемных номинативных ОА объясняется большим количеством и разнообразием древнеанглийских существительных, составляющих внутреннюю форму большинства современных двутемных ОА (более детальный анализ двутемных ОА приведен в разделе 3.2.3 предлагаемого исследования).

3.3.2.3 Редупликация как способ образования оценочных антропонимов. Самой малочисленной (178 единиц, 13,1 % от общего объема ОА, образованных словообразовательными способами) является группа ОА, образованных редупликацией, то есть частичным или полным повтором корня, основы или целого слова. Такой путь пополнения английского антропонимикона оценочными именами не является распространенным, поскольку образованные таким образом формы антропонимичных номинаций функционируют в достаточно ограниченной сфере коммуникации, а именно как ласкательные, нежные именованья, главным образом в неформальной обстановке. Чаще всего носителями таких имен становятся дети (девочки), а также женщины.

Интересен подход к анализу редуплицированных антропонимов И. С. Чурсиной (Чурсина 2002), которая рассматривает подобные единицы как антропонимы, являющиеся деривативами детских полных имен, которые образованы в результате выделения и удвоения отдельного состава антропоосновы, например: *Lili* < *Elizabeth*, *Kicki* < *Kristina*, *Lola* < *Dolores*, *Lulu* < *Luise, Louise*, *Vivi*, *Viva* < *Vivien*, *Vivian* и др. По мнению И. С. Чурсиной, женские ОА, образованные путем редупликации и маркированные лексикографическими пометами *'name of its own right'*, что дает основание анализировать их как самостоятельные, полноценные элементы антропонимикона, имеют в своем лексическом фоне сложившуюся индивидуальную субъективную оценку (Чурсина 2002). Мотивирующей основой опре-

деления оценки редуцированных имен становится внутренняя форма единиц, а на это основу «наслаивается» эмотивная модальность (согласно концепции В. Н. Телия, она, как и оценка, является обязательным компонентом коннотативного значения слова) (Телия 1986: 142). Таким образом, фонографическая семантика таких имен, как *JodieJodie* (< *Judith*), *Gigi* (< *Georgina, Virginia*), *Sessy* (< *Cecily*), *Tete* (< *Teresa*), *Tita* (< *Martita*), имея ассоциации с ласковым обращением к детям, эксплицирует нежные чувства говорящего к объекту номинации. Обращаясь к носителю редуцированного оценочно-характеризующего имени, говорящий выражает свое отношение к нему, выбирая необходимые языковые средства, поскольку рассчитывает на определенный коммуникативный эффект.

Некоторые редуцированные ОА, кроме оценки на уровне словообразования, коннотируют оттенок ласкательности и выражают идею маленькой величины на уровне семантико-этимологических характеристик. Например, *Fifi*, сокращенная форма имени французского происхождения *Josephina* и полноценная антропонимическая единица, имеет в своем лексическом составе идею хрупкости и женственности, однако не является активным элементом современной английской АС, так как в английском лингвокультурном пространстве этот ОА является более традиционным как кличка собаки маленькой декоративной породы. В своей семантической структуре имя формирует пейоративный оценочную характеристику, отталкивает субъектов именования от выбора этого имени. Имя *Tata*, которое в последнее время очень активно вовлекается в процесс номинации, происходит от библейского антропонима *Talitha*, что в переводе с арамейского языка обозначает 'маленькая девочка'. Единица является положительно оценочной, поскольку современное имянаречение характеризуется использованием имен с давно сформировавшейся традицией, однако оценочно-характеризующими апелятивами.

3.3.3 Заимствование оценочных антропонимов. Наиболее значимой тенденцией в современном английском языке является более активный, по сравнению с другими периодами, процесс заимствования имен из иностранных антропонимических систем. Согласно результатам исследования, доля иностранных личных имен в составе оценочной антропонимичной лексики составляет 289 единиц (8,8 % от общего количества выборки).

Изучение особенностей функционирования иностранных ОА свидетельствует об определенной гендерной дифференциации. Оказывается, что в номенклатуре женских ОА заимствование как способ пополнения АС оценоч-

ными единицами демонстрирует большую продуктивность, чем в фонде мужских ОА (см. табл. 3.7).

Таблица 3.7

Соотношение женских и мужских заимствованных ОА
в английском антропонимиконе

Языки-источники заимствований	Номенклатура женских имен			Номенклатура мужских имен		
	Кол-во	%	Примеры	Кол-во	%	Примеры
Греческий	62	35,5	<i>Eleanor,</i> <i>Helen</i>	14	12,3	<i>Gregory,</i> <i>Eugene</i>
Латинский	48	27,5	<i>Nona,</i> <i>Etheldreda</i>	10	8,8	<i>Alexander,</i> <i>Clitus</i>
Древнееврейский	40	23	<i>Elizabeth</i>	15	13,1	<i>Jeremiah,</i> <i>David</i>
Кельтский	–	–		58	50,5	<i>Patrick, Rory</i>
Германские (старо- английский и нор- мандский)	–	–		11	9,8	<i>Guy, Richard,</i> <i>William</i>
Другие (француз- ский, немецкий, итальянский, ис- панский, русский)	24	14	<i>Donna,</i> <i>Nadia,</i> <i>Isabella,</i> <i>Irma,</i> <i>Georgine</i>	7	5,5	<i>Meric, Gazza</i> <i>Haden</i>
Всего	174	100		115	100	

Результаты анализа иностранных ОА, приведенные в таблице 3.7, выявляют тот факт, что женские ОА греческого, латинского и древнееврейского происхождения имеют преимущество над мужскими ОА почти в четыре раза. Количество женских иностранных ОА, произошедших от французского, немецкого, итальянского, испанского, русского языков, составляет 14 %, в то время как мужских ОА, которые происходят из этих же языков, насчитывают только 5,5 % от общего количества заимствованных ОА.

Среди современных женских ОА наблюдается отсутствие исконных английских имен. Составляя класс редких имен начиная уже со среднеанглийского периода, англосаксонские антропонимы изредка использовались в практике имянаречения до начала XX века. Однако начиная со второй половины XX века, английские имена полностью теряют престиж и популяр-

ность (Зайцева 1973). Таким образом, отсутствие в номенклатуре женских ОА исконно английских номинаций, возрастающая тенденция к использованию нетипичных для английского языка иностранных имен и антропонимических форм отражают активный процесс “интернационализации” женской антропонимической лексики. В группе мужских заимствованных ОА можем выделить следующие подгруппы: 1) кельтские имена (*Barry, Brian, Kevin*); 2) древнееврейские (библейские) имена (*David, James, Michael*); 3) греческие имена (*Nicholas, Stephen, Christopher*); 4) нормано-французские имена (*Henry, Hue, Richard*).

Номенклатура современных мужских ОА сохранила в своем составе относительно высокий процент германских, в том числе исконно английских и нормандских имен (общий процент таких ОА составляет 9,8 %). Тенденция развития антропонимикона показывает, что староанглийские имена после нормандского завоевания практически выходят из употребления (Епурь 1988). Однако начиная со второй половины XIX в. и до сегодняшнего дня, наблюдается растущая тенденция к их распространению (*Edward, Edmund, Dale, Graham, Harold, Robin* и др.). Историко-оценочные антропонимы *Richard, Robert* входят в десятку наиболее популярных на сегодняшний день имен. И.С. Чурсина подчеркивает тот факт, что среди указанных единиц *Robert* сохраняет высокий уровень популярности в течение всего новоанглийского периода, уступая ранне- и средненовоанглийскому нормандскому имени германского происхождения *William*, которое во второй половине XX века стало терять свою популярность (Чурсина 2002: 158).

Фонд современных мужских ОА богат единицами кельтского происхождения, которые составляют 50,5 %. Среди имен кельтской группы языков наиболее популярные ирландские и гэльские единицы *Barry, Cameron, Craig, Ian, Kevin, Keneth, Liam, Neil* и др. Выявлены также валлийские ОА: *Gareth, Owen, Trevor*. По данным службы Office for National Statistics, ирландский антропоним *Brian* входит в десятку самых популярных на сегодня имен.

В отличие от женского антропонимикона состав мужских оценочных ОА практически не представлен иностранными заимствованиями (5,5 %).

В процессе функционирования и использования в определенном языке имя может ассимилироваться и фонетически, и морфологически. В таком случае иностранный ОА рассматривается как идентификатор конкретного языкового общества. Например, имя *Isabella* ассоциируется с испанским именем, хотя этимологически этот ОА является испанским вариантом

древнееврейского имени *Elisheba*, которое в английской АС функционирует в форме *Elizabeth*. Таким образом, анализируя этимологический состав английских ОА, необходимо принимать во внимание не только источник происхождения проприальной единицы, но и иностранную причину модификации имени. Так, королевское имя *Isabella* (Freedman 1997), чья популярность в английском антропонимиконе обусловлена ассоциацией с известным носителем – королевой Англии Изабеллой (*Isabella* (1296–1358)), выступает как испанское заимствование в английском языке, а имена *Valerie*, *Georgine* – как французские. В составе английского антропонимикона также функционируют имена русского происхождения – *Lara*, *Nadia*, *Tania*, итальянские – *Donna*, *Gemma*, *Araminta*, скандинавские – *Kirsten*, *Brenda*, немецкие – *Inge*, *Irma* и др. Некоторые из заимствованных имен входят в десятку самых распространенных: *Sophie*, *Daniella*, *Michelle* (Freedman 1997).

Анализируя заимствованные ОА, на наш взгляд, необходимо различать имена, заимствования которых было обусловлено языковым родством (немецкие или скандинавские антропонимы), или давно сложившимся языковым и культурным контактом (французские имена), и антропонимические единицы, возникшие в языке в результате расширения социально-культурных контактов в конце XX в. К последней группе имен относятся русские антропонимы: *Tania*, *Nadia*, *Lara*, *Tasha* (< *Natasha*) (Рыбакин 1989; Freedman 1997). Преимущество именно таких форм русских заимствований объясняется морфологическим сходством указанных единиц с антропонимами английского языка. Процент иностранных ОА возрастает, если учитывать имена, которые не зарегистрированы в антропонимических словарях, но уже функционируют в языке, например, *Aaliyah*, *Calista*, *Mano*, *Marika*, *Rashna*, *Dana*, *Dalya*, *Ché* (Рыбакин 1989; Freedman 1997) и др. Распространение и использование для имянаращения таких имен отражает многонациональный состав современного английского общества.

Возникновение иностранных единиц в фонде английских ОА обусловлено также увеличенным количеством интернациональных браков. В мультикультурных семьях детям обычно дают имя, которое репрезентирует одну из наций (*Francesca* – Италия, *Natasha* – Россия).

Выводы к разделу 3

Результаты словообразовательного анализа единиц корпуса исследования свидетельствуют о возможности выделения двух основных структурных типов ОА по количеству “тем” (под “темой” понимаем апеллятивную основу имени): однотемных (простых и производных) и двутемных. Количествен-

ный анализ основных структурных типов единиц указывает на преимущество однотемных ОА над двутемными, что объясняется структурной простотой и семантико-этимологической прозрачностью однотемных имен. Однотемные имена в основном по происхождению прозвищные, вымышленные, пожелательные (религиозные, мистические, идеологические), двутемные – не всегда пожелательные, часто имеют обсервационнопрозвищный характер. Однако изучение тенденций имянаречения в диахронии свидетельствует о совершенно противоположном отношении языковых личностей к однотемным и двутемным антропонимам. Можно говорить об оценочном смещении в традиции именованья, поскольку к завершению древнеанглийского периода однотемные (простые и производные) ОА используются в качестве личных имен чрезвычайно редко, отдается предпочтение сложным двутемным именам. Однотемные имена считались низменными, обычными; они использовались только для регистрации крепостных крестьян, а следовательно, маркировались негативной оценкой в сознании тогдашних говорящих; двутемными именами называли обычно детей в семьях высшего общества.

Исследование словообразовательных особенностей английских ОА обнаруживает, что наиболее продуктивным способом является апеллятивное (безаффиксное) образование однотемных непроеизводных ОА от существительных и прилагательных. К английским ОА, образованным от существительных, отнесены имена с дифференциальной семой “межличностные отношения”, имена, указывающие на социальный статус и род деятельности, некоторые имена сферы религии, а также отапеллятивные ОА, которые произошли от названий цветов, растений, драгоценных камней, весенних и летних месяцев. ОА, внутренняя форма которых содержит апеллятивы, обозначающие цветы, растения, драгоценные камни, рассматриваются как “пожелательные”, поэтому эксплицируют только положительные интенции участников имянаречения по отношению к именуемому.

Морфологические особенности однотемных непроеизводных ОА, образованных от прилагательных, а именно дескриптивный характер адъективных апеллятивных основ, объясняет тот факт, что большая часть английских ОА с дифференциальной семой “внешность” и “черты характера, личностные качества” образованы по указанной модели.

Производные ОА представлены единицами, образованными по моделям существительное и гипокористические суффиксы **-on (-in)**, **-ey (-y)**; глагол и суффикс активного деятеля **-er**; сокращенное имя с добавлением иностранных гипокористических суффиксов **-ette / -etta**, **-elle**, **-inda**, **-ene**,

-bel, -ita, -aine. Морфологическая структура первой, наиболее продуктивной модели, коннотирует оттенок ласкательности. С точки зрения семантической характеристики производных ОА, они в основном обсервационно-прозвищные, причем оценка таких имен зависит от того, какое из качеств именуемого зафиксировано в имени. Подобным образом определяется оценка антропонимов, которые репрезентируют признаки действия, выраженного глаголом, а суффикс **-er** ассоциирует носителя имени с выполнением этого действия. Добавление к сокращенной форме имени иностранных гипокористичных суффиксов делает фонографический облик нейтрального английского имени более изящным, престижным, что свидетельствует о популяризации семантически нейтральных английских онимов, а следовательно, и об изменении негативной или нейтральной оценки на позитивную.

Самой продуктивной словообразовательной моделью однотемных ОА является составление двух номинативных основ; меньшей продуктивностью характеризуются ОА, образованные сложением прилагательного и существительного; наименьшей по количественному критерию является группа сложных имен, образованных сложением глагола и существительного. Большинство двутемных ОА являются историко-оценочными, поскольку структурный тип сложных имен характеризуется самой древней традицией функционирования в английской АС. Структурный анализ историко-оценочных антропонимов дает основания для проведения аналогии с культурами древнеанглийского периода: мужество, героизм; война и понятия, связанные с войной; социальный статус, а следовательно, и отношение тогдашних говорящих к подобным имен. Компонентный анализ двутемных ОА подтверждает теорию о мифопоэтической традиции именования в период образования сложных имен, а также опровергает гипотезу о случайном, стихийном использовании компонентов во внутренней форме двутемных антропонимов. Вместо того приходим к выводу об образовании метафоризированных и метонимизированных двутемных ОА.

Анализ современного английского антропонимикона доказывает, что история функционирования и этимология некоторых популярных двутемных ОА являются определяющими факторами при имянаречении.

Анализ специфики способов образования английских ОА обнаруживает, что основными путями пополнения антропонимикона оценочной лексикой является семантическая деривация, словообразовательные способы (образование сокращенно-производных ОА, словосложение, редупликация) и заимствования. Установлено, что самым продуктивным способом

образования ОА является семантическая деривация, наиболее распространенным механизмом которой является метафорический перенос значения двух типов: наделение именуемого качествами и свойствами объектов живой природы и неодушевленных предметов.

Словообразовательные способы пополнения антропонимического состава оценочными единицами представлены образованием сокращенно-производных ОА, словосложением и редупликацией. Механизм образования сокращенно-производных ОА рассматривается как двухэтапный процесс – первичная и вторичная деривация, заключающаяся в сокращении исходной полной антропонимической формы с последующей суффиксацией первичных дериватов.

Наблюдается общая гендерная тенденция использования дериватов вместо полных антропонимических форм, которая основывается на стремлении говорящих создать более неформальную и благоприятную атмосферу общения, а также на восприятии гипокористиков как ласкательных форм именования, которые коннотируют положительную оценку на морфологическом уровне.

Словосложением образованы двутемные ОА, морфологическая структура большинства которых представлена комбинацией двух существительных. Менее многочисленными являются двутемные ОА, образованные сложением прилагательных и существительных, глаголов и существительных.

Редупликация является наименее продуктивным словообразовательным способом пополнения английского антропонимикона ОА, поскольку функционирование в речи редулицированных единиц ограничено возрастными, гендерными характеристиками носителя подобного имени, а также определенной неуместностью использования такой формы в более формальной общественно-коммуникативной ситуации. Чаще всего подобные имена даются детям (по большей части девочкам). Редулицированные антропонимические формы также используются как ласкательные, нежные именования женщин, преимущественно в неформальной обстановке.

Гендерная дифференциация отмечается также и среди антропонимических заимствований. Среди современных женских ОА отсутствуют исконно английские имена, что свидетельствует об активном процессе “интернационализации” женской антропонимической лексики. Фонд современных мужских ОА богат единицами кельтского происхождения (преимущественно ирландские и гэльские единицы). В отличие от женского именника, состав мужских ОА практически не представлен иностранными заимствованиями.

РАЗДЕЛ 4. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕСТЕ

Полный и глубокий анализ актуализации оценочного значения антропонимов в разных типах речи невозможен без обращения к особенностям функционирования ОА в художественном тексте. Структура оценки литературных антропонимов значительно отличается от структуры оценки общеязыковых антропонимов, что обусловлено спецификой функций литературных ОА. Автор литературного произведения (субъект оценки) выражает свое положительное или отрицательное отношение к персонажу (объект оценки), что является релевантным согласно концепции произведения (основание оценки). Общеязыковые ОА, функционируя как социальные знаки, кроме номинативной функции выполняют еще идентифицирующую и дифференцирующую. Литературные ОА актуализируют идею, являющуюся основой авторского замысла, и как неотъемлемая часть художественного текста характеризуются рядом функций, которые обусловлены их спецификой. Вслед за Е. Ю. Андриенко (Андриенко 1992), М. В. Горбаневским (Горбаневский 1988), Т. А. Гордиенко (Гордиенко, Санжарова 1984), В. П. Григорьевым (Григорьев 1976), Ю. А. Карпенко (Карпенко 1970; 1986), В. М. Михайловым (Михайлов 2008), рассматриваются такие литературные ОА, которые выполняют в тексте номинативную, характерологическую, локализаторскую, идеологическую, экспрессивную и оценочную функции.

4.1 Семантический и функционально-стилистический потенциал оценочных английских имен и фамилий в художественном тексте

4.1.1 В данном разделе, исследуя стилистические возможности ОА в художественной речи, руководствуемся мнением о том, что связь между звучанием антропонимов и персонажем – его носителем как правило не бывает случайной. В художественном произведении все имена в большей или меньшей степени значимы. Как утверждал Ю.Н. Тынянов, “в художественном произведении нет неговорящих имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни.” (Тынянов 1977: 198–222). Имя в художественном тексте, закрепленное за определенным референтом, имеет свой смысл, который отражает специфические признаки своего носителя, его наиболее существенные физические и моральные качества. Имя литературного персонажа является чрезвычайно насыщенным по объему содержащейся в нем информации и не в меньшей, а даже в большей степени, чем слово

в художественной речи, отмечается способностью вызывать самые разнообразные представления, эмоциональные и логические ассоциации. “Трудно найти такие языковые средства, – пишет Э. Б. Магазаник, – с помощью которых художник мог бы с равным лаконизмом передать свое отношение к определенному характеру или его главным свойствам. Ведь собственное имя – антропоним – самое короткое обозначение человека как индивида ... антропоним в конкретном употреблении, когда хорошо известный его объект кажется воплощением сущности обозначаемого лица” (Магазаник 1978: 10).

При этом известные три плана значений антропонимов – доантропонимический, антропонимический и отантропонимический – в художественной речи подвергаются существенным трансформациям. Если в живой речи доантропонимическое, апеллятивное значения не играют важную роль, зато обязательными значениями являются антропонимическое и отантропонимическое, то в речи художественного текста на передний план выдвигается доантропонимическое значение, а семантика имени воссоздается (Шермет 1984). Это утверждение, конечно, не подразумевает “семантического восстановления” каждого имени или фамилии в тексте художественного произведения. Наиболее четко это явление проявляется в “говорящих именах”, апеллятивная основа которых прямо характеризует персонажей. Исследователей английского стилистического антропонимикона, как правило, в первую очередь привлекали именно такие имена (Э. Б. Магазаник, О. А. Миллашевич, В. Н. Михайлов и др. (Виноградов 1959; Гражданская 1982; Григорьев 1976; 1979; Иванов 2006; Калинин 1999; Луценко 1996; Маковский 1992; Обухова 2005; Пищальникова 1984; Федоров 1998; Chapman 1973). Однако эволюция литературной антропонимии, связанная с эволюцией социальных условий, политических направлений и т.д., находит свое отражение в творчестве каждого автора, выражается не только в изменении отношения автора к описываемым событиям, но и в эволюции образов, вместе с тем и имен персонажей. “Говорящие имена” выражают субъективное мнение автора о персонаже-носителе такого имени, содержат в себе оценочную характеристику этого персонажа как определенного социального типа, поэтому в предлагаемом исследовании мы придерживаемся мнения о том, что каждое “говорящее имя” в литературе является оценочным. “Говорящие имена” чаще всего характерны для сатирической литературы, иногда такими именами называют негативных или второстепенных персонажей. На наш взгляд, в художественном тексте наиболее интересны такие антропонимы, которые с первого взгляда не характеризуют персонаж, однако в зашифрованном или полужашифрованном виде могут содержать оп-

ределенную оценочную характеристику литературного героя. Подобные антропонимы не просто выдуманные или выбранные автором из антропонимического словаря языка, они имеют четкую цель: показать многообразие и значимость стилистической функции ОА для более глубокого понимания художественного образа. Проиллюстрируем данное утверждение примерами из романов Дж. Фаулза “Женщина французского лейтенанта” (Fowles 1996), В. Теккерея “Ярмарка тщеславия” (Thackeray 1994) та М. Дреббл “Мой золотой Иерусалим” (Drabble 2006).

4.1.2 Известно, что писатели всех времен и народов уделяли выбору имен для своих персонажей очень большое значение, о чем существует много свидетельств в дневниках, записных книжках, предисловиях и письмах, а иногда и в текстах самих литературных произведений. Называя персонаж художественного произведения определенным именем, писатель сначала “кодирует” именуемую личность, потом, как рассказчик, он “декодирует” антропоним, помогая читателю понять авторские художественные импликации и установить связь между значением имени и характером личности, которая является его носителем.

Именованье динамично, и в художественном тексте не всегда один и тот же персонаж именуется одинаково на протяжении всего текста. Говоря о динамике имени, о совокупности форм именованья одного персонажа, мы прежде всего сталкиваемся с понятием варианта и вариации имен.

По словам А. А. Реформатского, “одного и того же человека можно назвать по-разному в зависимости от речевой ситуации и от взаимоотношения говорящих” (Реформатский 2010: 25–26), то есть возможно использование имени только в его полной, гипокористической или уничижительной форме.

Р. У. Таич выделяет три типа вариантов антропонима в художественном тексте: словообразовательные, структурные и контекстуальные (Таич 1974: 48). Словообразовательные варианты одного и того же антропонима, как правило, являются отражением степени близости людей, то есть представляют собой чередование имени и его гипокористического варианта, например: “*He couldn't ask her not to tell Ernestina, and if Tina should learn of the meeting through her aunt, then he would be in a very hot water indeed*” (Fowles 1996: 113). – ‘Он не мог просить ее ничего не говорить Эрнестине, и если Тина узнает об этой встрече от своей тети, ему несдобровать’.

Довольно часто словообразовательные варианты используются в неофициальных ситуациях разговорной речи, в кругу друзей, знакомых, как выражение дружеских товарищеских отношений между говорящими: “*Tho-*

se eyes crinkled when they saw Charles enter. Charley! Now what the devil are you doing out of matrimonial lock-up?” (Fowles 1996: 260). – ‘Их глаза удивленно прищурились, когда они увидели, как входит Чарльз. Чарли! Что к черту ты делаешь, когда жены нет рядом?’.

“But I hear she’s the rose of the season. Nat says. He’s green, y’know. Damned Charley, he says. Best girl and best match – ain’t fair, is it, Nat?” (Fowles 1996: 260). – ‘Я слышала, что она расцвела, как роза весной. Так говорит Нет. А он еще зеленый, ты знаешь об этом. Он говорит, что Чарли ведет себя отвратительно. Лучшая девушка и лучшая пара – не очень справедливо, не так, Нет?’.

В приведенных примерах словообразовательные варианты *Ernestina – Tina, Charles – Charley, Nataniel – Nat* (Fowles 1996) – это не разные имена одного человека, они представляют собой различные видоизменения одного именованного, в которых с помощью словообразовательных средств выражается субъективное отношение говорящего к определенному лицу. Так в речи художественного текста осуществляется взаимодействие экстралингвистического – отношение говорящего к тому или иному человеку – и лингвистического – придание имени человека особой языковой формы, типичной в определенной ситуации.

Современный способ именованного людей у англичан сводится, как правило, к трем единицам: личное имя, среднее имя и прозвище, то есть обычно антропоним в английском языке может быть одночленным, двучленным и трехчленным.

“In simple truth she had become a little obsessed with Sarah ... or at any rate with the enigma she presented” (Fowles 1996: 112). – ‘На самом деле она была несколько восхищена Сарой ... или хотя бы загадкой, которой от нее веяло’.

“An eligible has occurred to me. Her name is Sarah Woodruff” (Fowles 1996: 26). – ‘Это показалось мне довольно приемлемым. Ее имя – Сара Вудрафф’.

“I entered upon a clandestine liaison with a person named Sarah Emily Woodruff ... and I did attempt to conceal this liaison” (Fowles 1996: 354). – ‘Я вступил в тайную любовную связь с человеком по имени Сара Эмили Вудрафф ... и попытался скрыть эту связь’.

В приведенных примерах антропонимы *Sarah – Sarah Woodruff – Sarah Emily Woodruff* (Fowles 1996) являются структурными модификациями одного и того же имени. Изучая современные русские имена, В. А. Нико-

нов отмечал, что об имени человека можно говорить как “ в узком аспекте имен личных, так и в широком, включая отчества и фамилии” (Никонов 1970: 102). *Sarah*, таким образом, это имя в узком аспекте, *Sarah Emily Woodruff* (Fowles 1996) – в широком, все указанные имена тесно связаны друг с другом и являются элементами одной трехчленной системы.

По мнению Г. В. Таича (Таич 1974), который изучал антропонимию сатирического текста, все эти имена представляют собой своеобразное лексико-семантическое образование, устойчивое словосочетание, компоненты которого взаимосвязаны. Хотя эти варианты являются частями одного целого, каждый вариант вполне самостоятельный, может использоваться отдельно, даже образовывать производные варианты с определенной оценочно-эмоциональной нагрузкой: *Sarah – Sadie – Sally – Sal*. Но “в отношении к этому, конкретному человеку указанные компоненты не являются свободными: могут сочетаться с одним, вторым или с двумя сразу, но обязательно с элементами, входящими в состав определенного литературного именованя. В противном случае оно распадется, превратится в другое имя” (Таич 1974: 27).

4.1.3 Когда говорят о контекстуальных вариантах, то под ними понимают детерминатив, который сопровождает антропоним. Детерминатив пребывает в ближайшем к антропониму языковом контексте и придает дополнительную стилистическую окраску и семантическую (в том числе оценочную, коннотативную) характеристику литературному антропониму, например, *sister Mary, frightful Honoria, poor Amelia, deceitful Rebecca, a long, thin, queer-looking Dobbin* (Thackeray 1994) и др.

В процессе перехода антропонимов из языковой системы в речь происходит его качественное изменение. Конечно существенную роль в этом плане могут играть варианты имени, то есть употребление определенного варианта пополняет семантику антропонима новым оценочным компонентами и варьирует его семантический потенциал. Так, например, гипокористическое имя указывает на наличие в семантике антропонима оценочноэмотивных компонентов коннотативного значения. Кроме того, в литературном антропониме обычно реализуется социальная коннотация, поскольку каждое имя имеет свою окраску, которая придает своему владельцу довольно определенные черты. Таким образом, усложнение значения антропонима путем введения в его семную структуру оценочных, эмотивных, социальных и других сем способствует более полному раскрытию значения антропонимов.

4.1.3.1 Как отмечалось выше, нельзя недооценивать роль контекстуального значения антропонимов, поскольку собственное имя полностью эксплицирует свое значение в речи, в художественном тексте, когда каждый персонаж постепенно накапливает свой набор признаков, усложняя и обогащая семантику антропонимов. Так, например, один из самых ярких литературных женских образов Теккерея Ребекка Шарп (*Rebecca Sharp*) из романа “Ярмарка тщеславия” является олицетворением всех негативных качеств, которыми автор наделяет эту героиню. Имя и фамилия этого персонажа является функционально насыщенным на фоне сравнительно нейтральных именований. Мотивирующее слово *sharp* (англ. *sharp* – ‘острый, шипастый’), от которого образовано имя героини, при первом упоминании на страницах романа дает читателю установку на то, как следует воспринимать Ребекку. К тому же фонографические особенности женского имени арамейского происхождения *Rebecca*, а именно, наличие в имени комбинации прорывного согласного [k], вибранта [r] и отсутствие палатализации этих достаточно резких консонантов вполне гармонично сочетаются с говорящей фамилией. Теккерея, как известно, не подает развернутой характеристики своих персонажей, именно оценочные антропонимы выполняют характерологические функции. Читателю даже не нужно знакомиться с авторскими примечаниями, направленными на акцентуацию характерных черт персонажа Ребекки Шарп – очень много качеств Теккерея раскрыл, используя только лишь через имя героини. Ребекка наделена умом, энергией, силой характера, ловкостью и красотой. Она с органической легкостью вписывается в непростые семейные отношения в доме мистера Кроули: “*They are all infatuated about that young woman ... Sir Pitt wouldn't have let her go, but he daredn't refuse Miss Crawley anything. Mrs. Bute at the rectory just as bad – never happy out of her sight. They captain quite wild about her. Mr. Crawley mortal jealous. Since Miss C. was ill, she won't have anybody near her but Miss Sharp ... I think something has bewildered everybody*” (Thackeray 1994: 113). – ‘Все они там сошли с ума от этой девушки ... Сэр Питт ни за что не хотел отпускать ее сюда, но не смог отказать мисс Кроули. Мисс Бьют, пасторша, и того хуже: просто жить без нее не может! Капитан совсем от нее сошел с ума. Мистер Кроули очень ее ревнует. С тех пор, как мисс Кроули заболела, она никого не хочет у себя видеть, кроме мисс Шарп ... Скорее всего, она всех околдовала’.

Варьирование литературного антропонима имеет очень большое значение для обогащения семантики имени персонажа, а также часто влияет на оценочную характеристику антропонимичных единицы. Первостепенное значение получают вариации. Вариации, или полионимия, в отличие от ва-

риантов, предусматривает такой факт ономастической номинации, при котором одна и та же личность имеет не одно, а два или несколько именованных. Так, фигура Ребекки Шарп в романе “Ярмарка тщеславия” В. Теккерея исключительно многогранна, ее образ приобретает сравнения мифологического, исторического, зоологического, бытового характера. “*She is a spider, a snake, a fox, a wolf in disguise, a siren, a witch, Clytemnestra, Cleopatra, Delilah, Ulysses...*” (Thackeray 1994: 77). ‘Она – паук, змея, лиса, волк в овечьей шкуре, сирена, ведьма, Клитемнестра, Клеопатра, Далила, Улисс...’. Несмотря на то, что образ Ребекки Шарп, изображенный Теккереем, не является образцом женственности, нежности, открытости, человечности, то есть желаемых женских качеств, имя *Rebecca*, которое в антропонимических словарях маркируется как аллюзивный литературный антропоним, в системе английского антропонимикона не является негативно-оценочным, что подтверждается популярностью имени в XX веке (Freedman 1997): “Даже если это роман без героя, мы претендуем, по крайней мере, на то, что у нас есть героиня”, – заявляет Теккерей, имея в виду Ребекку Шарп. По нашему мнению, это авторское примечание является одним из факторов, повлиявших на популярность имени.

4.1.3.2 Описывая другой женский образ, образ Эмилии Седли, дочери мистера Седли, Теккерей использует апеллатив *sad* ‘печальный, расстроенный, мрачный’, наделяя ее действительно говорящей фамилией. Функция оценочного литературного антропонима дополняется также авторским отношением к образу, высказанным через персонажей романа – “маленькая Эмилия”, “бедная невинная жертва войны”. “Ни один мужчина, жестоко раненый ... не страдал больше, чем она”. Именно в таком плане разворачивается в “Ярмарке тщеславия” линия Эмилии. Она не понимает причин событий, происходящих вокруг нее, “победа или поражение – для нее все равно; ее беспокоит судьба любимого человека”. Теккерей не одобряет поступков Эмилии, негативно воспринимает ее безынициативность и слабость.

Теккерей не случайно наделил Эмилию таким показательным для ее образа фамилией. Невозможно представить “маленькую Эмилию” с фамилией Шарп, или наоборот, хитруню Бекки – с фамилией Седли. В этом случае персонажи потеряли бы целостность образа, возникло бы противоречие внутреннего содержания героини и их внешнего облика, неотъемлемой частью которого является имя. В “Ярмарке тщеславия”, как известно, у Теккерея нет героя, однако сравнение двух основных женских образов романа – Эмилии и Ребекки – дает возможность говорить о том, что Эмилия Седли ближе к “не героине”. Об этом говорит сам автор: “Поскольку она не ге-

роиня, нет нужды описывать ее: кажется, и нос у нее несколько короче, чем желательно, щеки слишком круглые и румяные” (Thackeray 1994: 35). Эмили – полная противоположность Ребекки Шарп, она натура чувственная, сентиментальная, слишком доверчивая, полная сострадания к ближнему, пожалуй, поэтому такая несчастная. В ее образе автор видит полное отсутствие “иммунитета” для жизни в “месте суетливом, сумасбродном, полном лжи, фальши, притворства”.

4.1.3.3 В романе воссоздана галерея образов аристократов. Это многочисленные члены семейства Кроули: Пит Кроули, невежественный и грубый, его сыновья, обладательница огромного состояния, старая мисс Кроули. Ради денег каждый из Кроули готов пойти на все, чтобы устранить конкурента. Негативное отношение к этой группе персонажей зарождается при первом упоминании фамилии Кроули (*Crawley*). Особенно колоритная фигура сэра Пита Кроули (*Pitt Crawley*) – “...*a philosopher with a taste for what is called low life*” (Thackeray 1994: 79). – ‘...философ с пристрастием ко всему, что называется низменной стороной жизни’. В образе этого персонажа воплощается авторское неприятие позиции “прижимистого землевладельца”, “расчетливого сельского хозяина”. Используя стандартный для реальной английской антропониимии словообразовательный тип фамилии, автор создал поистине красноречивую фамилию, которая характеризует своего носителя, а также передает авторское негативное отношение к персонажу. Согласно традиционному словообразовательному типу английских фамилий, Теккерей использует суффикс **-ly**, который произошел от древнеанглийского *lea(h)* – ‘луг’, сигнализирующее о принадлежности носителя имени к низшему социальному сословию. Согласно классификации лингвиста Л. В. Гнаповской (Гнаповская 1999), которая делит английские антропонимы германского происхождения на две группы – элитарные (возвышенные, позитивно оценочные) и бытовые (пренебрежительные, негативно оценочные), в данном случае анализируем бытовой антропоним.

По структуре антропоним *Crawley* является двукомпонентным именем, состоящим из лексемы *craw* и морфемы **-ly**, что обусловлено стремлением с помощью одной языковой формы передать более емкий смысл. Каждый из составляющих антропонимического композита содержит блок знаний – как лингвистических, так и внеязыковых. На этом основании каждый структурный элемент двухкомпонентного имени трактуется нами как микрофрейм, а композитное имя в целом рассматривается как текстоконцепт – особая когнитивная структура, состоящая из фрейма семантически ядерной лексе-

мы. В рассматриваемом примере это лексема “*craw*” (англ. – *to crawl* ‘ползать, пресмыкаться’). Следовательно, носитель рассматриваемой фамилии, по авторскому замыслу, это человек приземленный, который не характеризуется изысканным окружением и тонкостью поведения. “*He was such a sharp landlord, that he could hardly find any but bankrupt tenants; and such a close farmer, as to grudge almost the seed to the ground, whereupon revengeful Nature grudged him the crops which she granted to more liberal husbandmen*” (Thackeray 1994: 28). – ‘Он был таким прижимистым землевладельцем, что только вконец разорившиеся горемыки решались арендовать его землю, и таким расчетливым сельским хозяином, что буквально трясся над каждым зерном для посева; и мстительная природа платила ему тем же – обманывала его на урожае и награждала более щедрых хозяев’. Сэру Питту действительно свойственно такое качество, как тактичность и утонченность манер. Он предпочитает окружение простых людей, чем светского общества: “*...he rather preferred the society of a farmer or a horsedealer to that of a gentleman, like my lord, his son*” (Thackeray 1994: 84). – ‘Он предпочитал окружение какого-либо фермера или торговца, чем компанию джентльмена, вроде милорда, своего сына’. Сэр Питт жестокий и жадный; он не умеет грамотно писать и никогда не стремился что-нибудь читать; однако он “очень щепетильно охраняет свое достоинство”. “*...The whole baronetage, peerage, commonage of England did not contain a more cunning, mean, selfish, foolish, disreputable old man. That blood red hand of Sir Pitt Crawley’s would be in anybody’s pocket except his own*” (Thackeray 1994: 85). – ‘Среди всех баронов, пэров и членов палаты общин Англии вряд ли бы нашелся другой такой хитрый, низкий, себялюбивый, вздорный и малопорядный старик. Багровая лапа Питта Кроули готова была полезть в любой карман, только не в свой собственный’.

Достаточно отталкивающим выступает в романе еще один персонаж – носитель оценочного прозвища лорд Стайн (*Lord Steyne*), защитник Ребекки Шарп. Эта оценочная фамилия образована от немецкого существительного *der Stein* (нем. *stein* – ‘камень’), а соответствующий персонаж действительно характеризуется качествами, которые указаны в семантике его имени, – твердостью камня и жестокостью. Апеллятив этого оценочного антропонима характеризует внутренние качества героя, а именно жестокое отношение к членам семьи, которые для него нередко выступают объектами унижения и насмешки: “*Lord Steyne seldom disturbed the females of his household, or saw them except upon public days, or when they crossed each other in the hall, or when from his pit-box at the Opera he surveyed them in*

their box on the grand tier...” (Thackeray 1994: 517). – ‘Лорд Стайн редко беспокоил жителей своего дома, встречаясь с ними разве только в дни приемов, или в вестибюле, или в опере, когда он со своего ложа в партере смотрел их в ложе бельэтажа...’.

Но наибольшему унижению в семье подвергается жена лорда, Мэри Керлин. Интересен факт женитьбы на ней лорда Стайна: он, собственно, не женился, а купил ее за огромную сумму денег, которую задолжал ему брат этой женщины: “*In the pride of her beauty she had been married – sold, it was said, – to Lord Steyne, then at Paris, who won vast sums from the lady’s brother at some of Philip of Orleans banquets*” (Thackeray 1994: 496). – ‘На самом пике красоты ее выдали замуж за лорда Стайна – продали, как говорят, этому человеку, который был тогда в Париже и выиграл огромную сумму у брата этой леди на банкетах Филиппа Орлеанского’. Даже речь лорда Стайна к Бекки с целью убедить ее в бессмысленности ее стремлений непременно попасть в высший свет является его характеристикой. Выражая скептическое отношение как к снобизму женщин его семьи, так и у другим светским предрассудкам, Стайн (который сам был далеко не свободным от снобизма, однако удачно замаскированный мнимым презрением к общепринятым представлениям) своей манерой говорить, грубым смехом, распушенностью появляется перед читателями порочным циником, готовым на все ради своей прихоти, какой бы она ни была: “*You’ve got no money, and you want to compete with those who have. You poor little earthware pipkin, you want to swim down the stream along with the great copper Kettles. All women are alike. Everybody is striving for what is not worth the having. Gad! You will go to Gaunt House... You’ll be bored there. I am. My wife is as gay as lady Macbeth and my daughters as cheerful as Ragan and Goneril. I daren’t V sleep in what they call my bedroom. I have a little brass bed in a dressing room; and a little hair mattress like an anchorite. I – an anchor. Ho! Ho!*” (Thackeray 1994: 529). – ‘У вас нет денег, а вы хотите соревноваться с теми, у кого они есть. Вы жалкий глиняный горшочек, хотите плыть по реке вместе с большими медными котлами. Все женщины одинаковы: все они требуют одного, чего не стоит добиваться ... Вам будет скучно. Мне там всегда скучно. Моя жена весела, как леди Макбет, а дочери жизнерадостны, Регана и Гонерилья. Я не решаюсь спать в моей роскошной спальне: у меня в гардеробной есть маленькая медная кровать и маленький волосяной матрас анахорета. Я отшельник. Хо! Хо!’.

Таким образом, очевидна связь между фамилией персонажа и его сущностью: образ лорда Стайна – образ грубого, жестокого и развращенного циника, готового на все ради удовлетворения собственных прихотей.

Вышеупомянутое позволяет сделать вывод о том, что оценочные антропонимические единицы создают особый пласт антропонимикона романа. Адекватное их понимание дает возможность воспринимать текст как художественное целое.

4.1.3.4 В случаях, когда персонажи возникают в художественном произведении только в эпизодах и не получают развернутой характеристики или характеризуются в портретных зарисовках, оценочный литературный антропоним помогает автору дополнить сжатый портрет или даже заменить его. Так называемые имена-вывески дают характеристику в тех случаях, когда нужный для ансамбля персонаж является лишь статистом в “Ярмарке тщеславия” (Милашевич 2003).

Таким, например, является известный сплетник Том Ивз (*Tom Eaves*). Апеллятив, от которого образована фамилия этого персонажа – англ. *to eavesdrop* – ‘подслушивать’, придает образу лаконическую характеристику. Автор называет его только “...*my little informant, who knows everything*” (Thackeray 1994: 517). – ‘...мой осведомитель, маленький Том Ивз, который все решительно знает’. Изображая семью лорда Стайна, Теккерей не раз ссылается на Тома Ивза, которому известны все чужие тайны.

Описывая отношения лорда Стайна с его женой, Теккерей снова вспоминает Тома Ивза: “*If Mr. Eaves information be correct...*”, “*According to Mr. Eaves...*” (Thackeray 1994). Этот герой знает все лондонское общество и тайны всех состоятельных семей – отсюда и происхождение его имени, семантика которого характеризуется негативной оценочной окраской, дифференциальная сема этого антропонима “недостойная черта характера”, что соответствует сущности героя, осуждается автором и рассматривается как один из недостатков описанного им общества.

Примером еще одного оценочного антропонима в романе В. Теккерей “Ярмарка тщеславия” является имя Кеклби (*Cackleby*), образованное от англ. *cackle* ‘болтовня, треп’. Действительно, фамилия персонажа указывает на главную черту его характера – сплетничать и клеветать на других.

Персонаж, чья фамилия Уег (*Wagg*), англ. *wag* ‘шутник’, – известный остро слов, подхалим лорда Стайна – предстает перед читателем в довольно жалком виде. Сделав мишенью своих нелепых шуток Бекки Шарп, он попадает в немилость своего защитнику. Для того, чтобы восстановить утраченное положение, Уегу приходится заискивать перед Ребеккой и пресмыкаться перед ее мужем.

Следовательно, имя-вывеска дает характеристику персонажа, раскрывая его качества, и, имея непосредственное сатирическое звучание, подчеркивает обличительный смысл образа.

В других случаях имя представляет собой ироничный намек на возможную характеристику. Примером служит имя старого судьи Томаса Коффина (*Thomas Coffin*), англ. *coffin* ‘гроб’, который был известен строгостью своих приговоров. Автор намеренно дает этому персонажу фамилию, доантропонимическое значение которого может ассоциироваться со смертельным приговором. Подобные имена формируют отношение читателя к персонажу и в контексте произведения становятся глубоко символическими.

В романе также встречаются имена, намекающие на какие-либо обстоятельства, связанные с персонажем. Так, имена лакея Браша (англ. *brush* ‘щетка’) и старой мисс Лок (англ. *lock* ‘замок’), которая стерегла ворота парка в имении Королевском Кроули, указывает на невысокий социальный статус героев; фамилии капитана Кенона (англ. *cannon* ‘оружие’) и женщины адвоката миссис Бриффлес (англ. *briefless* ‘неимеющий практики (об адвокате)’) указывают на род деятельности персонажей. В романе фиксируется большое количество негативно оценочных антропонимов, имеющих в семантике компонент “прислуживание” или “отсутствие профессионализма”. Использование автором подобных имен создают контраст с персонажами-представителями более состоятельного сословия или актуализируют негативное отношение автора к деятельности отдельных героев.

4.1.3.4 Примером вариативности собственного имени может служить роман “Женщина французского лейтенанта”, в котором Джон Фаулз называет свою героиню такими именами: *Poor Tragedy, the French Lieutenant's Woman, The French Lieutenant's Whore, Sarah Woodruff, Sara Roughwood, the New Woman* (Fowles 1996).

Интересной является мысль Г. В. Таича о важности вариаций для формирования семантики литературного антропонима: “Здесь дело, конечно, не в стремлении избежать тавтологии, а в концентрированном употреблении имен, сознательно с целью более полного раскрытия образа. Именованное будто оттачивается, уточняется, выкристаллизовывается для того, чтобы как можно полнее охарактеризовать человека” (Таич 1974: 37). С точки зрения антропонимии, вариации не являются видоизменениями одного и того же имени, как, например, варианты. Будучи различными именованиями, они имеют лишь одно общее – принадлежность к одному лицу. При этом внимания заслуживает тот факт, что в процессе развития сюжета и жизни персонажа в произведении подвергается эволюции не только носитель имени, но и само имя, на которое очень часто влияет ситуация. Именно ситуация формирует именование персонажа и заставляет имя звучать по-разному. Проанализируем эволюцию именования главного персонажа романа Дж. Фаулза “Женщина французского лейтенанта”:

“*Good heavens, I took that to be a fisherman. But isn't it a woman?*”. “*But I can guess who it is. It must be poor Tragedy*”. “*Tragedy?*”. “*A nickname. One of her nicknames*”. “*And what are the others?*”. “*They call her the French Lieutenant's ... Woman*” (Fowles 1996: 12). – “Боже, сначала я считал, что это рыбак. Но это женщина, не так ли?”. “И я могу догадаться, кто это на самом деле. Это должно быть бедная Трагедия”. “Трагедия?”. “Это прозвище. Одно из прозвищ”. “Какие же другие?”. “Ее называют ... женщиной французского лейтенанта”.

Первичная номинация персонажа представлена в примере 7 производной официальной формой имени, а неофициальная – прозвищами. Как известно, семантика прозвищ обычно определяется признаками их носителей, это – именование, которое предоставляется человеку, кроме имени, и указывает на определенную выдающуюся черту его характера, внешности или поведения и выражает определенное оценочное отношение автора к персонажам произведения. Значит, имя-прозвище осознается, прежде всего, как оценочное, значащее имя. Оно отличается от обычной фамилии закономерностью, мотивированностью, значимостью. Действительно, читатель узнает, что Сара – дочь фермера, когда ее отец разорился, то лишился здравого ума, умер в психиатрической больнице, она начинает сама зарабатывать себе на жизнь, работая гувернанткой. Семантика ее первого прозвища не только полностью определяется фактами их биографии, но и подчеркивает обреченность, одиночество Сары. Происходят изменения в жизни Сары, она встречает молодого француза. Молодой офицер после кораблекрушения получает серьезные травмы, Сара принимает очень активное участие в его исцелении, это способствует их сближению. Изменения в жизни персонажа, изменение отношения к нему окружающих влияет на эволюцию имени. Первичное официальное имя *Sarah Emily Woodruff* (Fowles 1996) постепенно уступает негативно окрашенному, унижительному именованию *The French Lieutenant's Whore* (Fowles 1996) и его эвфемистической вариации *The French Lieutenant's Woman* (Fowles 1996), которое скрывает в своей семантике имплицитно пейоративную оценку, характеризуя Сару как женщину легкого поведения. Отъезд Сары из родных ей мест в Лондон, где никто не знает ее прошлого, имеет дальнейшее влияние на эволюцию имени. Вариации *Poor Tragedy*, *The French Lieutenant's Whore*, *The French Lieutenant's Woman* (Fowles 1996) выходят из употребления, сыграв свою роль для характеристики персонажа, они исчезают, уступая исходному начальному имени *Sarah Woodruff* (Fowles 1996).

Как отмечалось выше, для антропонима в художественной речи ведущими становятся отантропонимическое и доантропонимическое значения.

При этом имена, прямо характеризующие персонажей, в основном, активно функционируют в жанрах сатирических, например, в комедиях Р. Шеридана, а имена, которые дают непрямую характеристику персонажам, то есть имеют косвенные указания на те или иные черты, имплицитно выражающие оценку автора, имеются в любом художественном произведении. Среди имен художественных произведений нет незначащих имен, в художественном тексте происходит семантическая перестройка антропонимов, при которой очень часто апеллятивное значение становится ведущим. Не является исключением в этом отношении имя *Sarah Woodruff* (Fowles 1996). *Woodruff* – название лекарственного растения, известного в Англии как “сенная трава”, то есть она пахнет так приятно, как сено после сенокоса (Рум 1978). Высушенные листья этой травы применяется для приготовления ароматного чая, который лечит головную боль и развеивает печаль. Семантика апеллятивной основы литературного антропонима *Sarah Woodruff* (Fowles 1996) указывает не только на мотивированность имени таким свойством Сары, как способность к лечению, поскольку она возвращает к жизни морского офицера после кораблекрушения. Название лекарственного растения передает определенную информацию и вызывает у читателя представление о чем-то свежем, приятном, чистом. И действительно, с развитием сюжета репутация распутной женщины, которая создается негативно-оценочным прозвищами *The French Lieutenant's Whore*, *The French Lieutenant's Woman* (Fowles 1996), не соответствует действительности. Рассказав выдуманную историю о своих отношениях с французским лейтенантом, Сара заставляет окружающих ее людей называть себя унижительными прозвищами. На самом деле она такая же чистая, как “сенная трава”.

Следует подчеркнуть еще один оттенок семантики фамилии Сары. В староанглийском языке название вышеупомянутого лекарственного растения имело форму *Wuderofe* (Апресян 2001) и глагольное значение “скидаться, ползать, унижаться”. Именно такое впечатление Сара произвела на Чарльза и Эрнестину, более удачливых персонажей романа. Таким образом, первоначальное апеллятивное значение литературного антропонима имеет прямую связь с носителем этого имени и, если у читателя возникают соответствующие ассоциации, то он “обогащен в своем восприятии образа, потому, что он, читатель, кроме всего прочего, расшифровывает и тайные знаки субъективного авторского отношения к герою, образу, то есть, получает в имени не вывеску, которая заранее все объясняет читателю, с чем тот имеет дело, а лишь своеобразный аккомпанемент” (Магазанник 1964: 11).

4.1.3.5 Анализ антропонимов в хронологическом плане, то есть в тесной связи с этапами жизни персонажа, показывает, что хронологическая эволюция антропонима делает его важным средством характеристики героя. В конце романа героиня получает новое имя – *Sarah Roughwood* (Fowles 1996). Новое имя, как правило, связано с новой личностью. В конце повествования Сара уже не изганница, не объект насмешек, каким она была в родном городе, – это женщина, полная достоинства, которая выбрала свой путь в жизни. Изменение имени символизирует появление новой личности, и не случайно в процессе развития сюжета этот персонаж получает не только новое имя, но и описательно именуется *The New Woman* (Fowles 1996). Этот антропонимический вариант передает позитивную авторскую оценку этого этапа жизни Сары, окончательно утверждая о том, что справедливость всегда побеждает.

4.1.4 Антропонимия романа М. Дреббл “Мой золотой Иерусалим” выполняет очень важную характерологическую функцию. Положительное отношение писательницы к персонажам произведения выражается полной корреляцией семантики позитивно-оценочного антропонима и достойного поведения или привлекательной черты характера литературных героев. Негативный компонент значения литературных антропонимов произведения актуализируется за счет противопоставления семантики антропонимов личностным качествам и поступкам их носителей. Несоответствие знака оценки литературного антропонима сущности его носителя рассматривается как своеобразный стилистический прием, который создает иронический эффект.

4.1.4.1 Собственная заинтересованность автора именами и фамилиями реализуется в характере главной героини Клары Моэм, для которой ее имя очень тесно связано с ее судьбой. Имя играет для Клары очень важную роль, и поэтому она, знакомясь и общаясь с другими людьми, всегда обращает внимание на их имена и фамилии, которые, как оказывается позже, или соответствуют чертам характера и личным свойствам человека, или, наоборот, противоречат им. Начало романа сразу же знакомит читателя с именем главной героини и ее отношением к своему имени, с изменением этого отношения с течением времени и значением имени в жизни девушки. В романе присутствует и социолингвистическая проблематика, связанная с антропонимической модой: Клара объясняет, что ее имя старое, но в будущем оно может стать популярным. Автор романа также раскрывает социальное значение имени: девушка была так названа в честь сестры бабушки, которая исповедовала протестантство (“вэслеан” – исповедующий протестантскую веру, родоначальником которой был Вэсли (Новейший словарь

иностранных слов и выражений 2003). Сам выбор имени в честь сестры бабушки отражает реально существующую тенденцию называть детей в честь родственников или известных людей, характеризуя религиозные убеждения и семейные привязанности родителей. В выборе имени выражается отношение матери к своей дочери, в отношении Клары к своему имени косвенно выражается и ее отношение к матери. *“Clara never failed to be astonished by the extraordinary felicity of her own name. She found it hard to trust herself to the mercy of fate, which had managed over the years to convert her greatest shame into one of her greatest assets, and even after years of comparative security she was still prepared for, still half expecting the old gibes to be revived”* (Drabble 2006: 7). – ‘Клара не переставала изумляться, как невероятно повезло ей с именем. Трудно было положиться на благосклонность судьбы, с годами каким-то образом превратившей величайшее ее несчастье чуть ли не в величайшее достояние; и даже теперь, после нескольких сравнительно спокойных лет, она всегда оставалась настороже и не могла до конца поверить, что больше не услышит прежних колкостей’.

В следующем примере видна параллель “имя – интеллект”, что дает возможность анализировать непривычное для английского языка имя как символ необычности, неординарности личности героини. Ее имя, как и ее интеллект, выделяет Клару среди окружающих, заставляет ее искать другой мир, где бы она жила с таким же как и она людьми и где ее имя не было бы поводом для насмешек. *“The reversal of fortune was in fact so complete that Clara sometimes found herself wondering whether she had not gone so far as deliberately to seek a world in which her name could be a credit and not a shame. Her social progress had certainly taken her far enough from her starting point. On the other hand, time had converted liabilities other than her name into assets, and things surely more integral to the nature of her progress. Her intelligence, which was considerable, must for instance have played some more significant and guiding role: the name question was merely piece of luck. Her intelligence, like her name had been as a child, as a source of trouble to her, for it too had singled her out, when her own desire had been to be inconspicuous”* (Drabble 2006: 7–8). – ‘В самом деле, Фортуна столь безоговорочно сменила гнев на милость, что Клара порой задумывалась, а что, если она сама нарочно старается оказаться там, где ее имя было бы не проклятьем, а подспорьем? Уж очень далеко она ушла – принимая во внимание, с чего пришлось начинать. Впрочем, и другие недостатки Клары время превратило в достоинства, в том числе и те, от которых ее успехи зависели гораздо больше. Например, ум: Клара была способной девочкой, и это наверняка сыграло более важную,

определяющую роль, в то время как имя было не более чем делом случая. В детстве и имя, и наличие способностей доставляли ей множество страданий, из-за них она выделялась, хотя больше всего на свете желала оставаться незаметной’.

В романе имена девушек, которые очень похожи по своим взглядам на жизнь, внутренним миром, отношением к окружающим, сходны по звучанию: *Clelia* и *Clara* (Drabble 2006). Аллитерирующие имена подчеркивают сходство их характеров, акцентируют на себе внимание. Позже становится понятно, что необычные, но во многом подобные имена являются символами необычных, но во многом подобных характеров двух девушек. *“In view of all the other men in the room, Clara paid no attention at all to Sebastian Denham’s daughter, apart from wondering whether she had heard her name aright, for she seemed to be called Clelia: the name, at first hearing, was so uncannily like Clara that Clara dispensed with the notion that she might have misheard the initial consonant, and that the girl might be supposed to be called Dahlia. Clelia was a name with which she had no acquaintance. She didn’t think it likely that she would ever need to use it, so she was not unduly uneasy about her ignorance”* (Drabble 2006: 15). – ‘В комнате собралось столько мужчин, что на дочку Себастьяна Денэма Клара не обратила никакого внимания, подумав только, правильно ли она расслышала имя: вроде бы ее звали Клелия, и это имя, прозвучав в первый раз, было так неожиданно похоже на ее собственное, что Клара решила: наверное, она плохо расслышала первый слог и на самом деле девушку зовут Лилия. Имени “Клелия” она никогда раньше не встречала. Но, рассудив, что вряд ли ей вообще придется его произносить, не стала зря мучиться из-за этого упущения’.

4.1.4.2 На протяжении всего романа мир семьи Моэмов, мир бездушия, скупости, ненависти к проявлениям интеллекта, незаурядности противопоставляется миру семьи Денем, мира теплоты, щедрости, высокой интеллектуальности и раскованности. Противопоставление двух семей проявляется и в противопоставлении имен. Так, в семье Денема и родители и дети, которых связывает взаимная симпатия, имеют необычные имена. Это также своеобразный сигнал значимости рода в жизни главной героини и свидетельства незаурядности, необыкновенности их носителей. Мисс Денем, например, придумывает имя для своей второй дочери Клелия (Клилии) таким образом, чтобы оно сочеталось с именем первой – Эмили. Свою младшую дочь она называет Анунциатой, имя, которое поэтизирует, возносит. *“She wondered what her mother would have made of Amelia, Magnus, Gabrid, Clelia and Annunciata, let alone Sebastian and Candida”* (Drabble 2006: 123). – ‘Ей

было интересно, что ее мать сделала бы из Эмилии, Магнуса, Габриды, Клелии и Анунциаты, не говоря уже о Себастьяне и Кандиде’.

В следующем примере просто называется персонаж и дается его характеристика, ведь в раскрытии образа поэтессы ее имя оказывается релевантным. Имя *Margarita* (Drabble 2006) (Маргарита), которое является вариантом имени *Margaret* (Маргарет), происходит от латинского *margarita* – ‘жемчужина’, в переносном значении ‘клад’, ‘самая лучшая’ (Рыбакин 1989). Это очень красивая женщина, имеющая изысканный вкус, однако даже не очень сведущая в поэзии Клара понимает, что как поэтесса она является достаточно посредственной личностью. Внешняя эффектность противопоставляется ограниченностью внутреннего мира. Приведенный пример иллюстрирует изменение характера оценки литературного антропонима *Margarita*, апеллятивная основа которого несет позитивный, пожелательный смысл, а значит, характеризуется положительной оценкой. Однако с развитием сюжетной линии образ персонажа приобретает качественно другие характеристики: женщину вряд ли можно назвать поэтессой. Если это и жемчужина, то ненастоящая, а подделка. Автор намеренно выбирает такое имя именно для этого персонажа: оно выполняет яркую характерологическую функцию, а также актуализирует негативное отношение Дреббл к Маргарите. Итак, в контексте рассматриваемого романа семантика имени *Margarita* приобретает дополнительные негативные значения “ненастоящая”, “фальшивая”, “пустая” и, как следствие, изменяет начальную позитивную оценку на негативную. “*Margarita Cassel, the only one whose fame had filtered through to the regions where Clara lived, looked just as a poetic actress ought to look; she was middle-aged and beautiful, flippant and intense, strident and informal. Her dress was of pale shining embroidered silk, and she read with emotion, and when Peter said, finally, in Clara’s ear, that she was not good, Clara knew that she had known it, for how could anything so pleasant be good, and yet she was nevertheless grateful, for such colorful badness, for the drab empty stage, with its bleak abstract backcloth, and its ill-rehearsed lighting changes, demanded such relief*” (Drabble 2006: 12). – ‘Единственной, отголоски чьей славы докатились до Клариных краев, оказалась Маргарита Касселл, и выглядела она так, как и положено выглядеть выступающей на сцене поэтессе: красивая женщина средних лет, вызывающе броская, резкая и раскованная. На ней было светлое платье из блестящего вышитого шелка, и стихи она читала с огромным чувством, но, когда Питер наконец прошептал Кларе на ухо, что читает она плохо, Клара подумала: да, она сразу поняла, это настолько мило, что хорошо быть просто не может, но была тем не менее благодарна

миссис Касселл; пусть плохо, зато глаз радуется, иначе на этой, скучной голой сцене с тусклым абстрактным задником и неотлаженными световыми эффектами взгляду было бы не на чем задержаться’.

Еще один пример иллюстрирует противопоставление внешнего – внутреннего, видимости – существующего, что находит свое отображение в антропонимах персонажей произведения. Антропонимическая формула *Eric Harley* (Drabble 2006) (*Eric* ‘почтенный’, ‘вожак’ (Рыбакин 1989), *Harley* – *hare* ‘заец’ + *lea* ‘поле, луг’ (Рыбакин 1989) демонстрирует явное несоответствие между именем и фамилией, является авторским средством раскрытия аналогичного несоответствия между видимостью, впечатлением, которое производит поэт, и его сущностью, внешность – “*well-articulated, clear, strong*” (“сильный человек со светлыми мыслями”), сущность – “*awful*” (“ужасная”) (Drabble 2006: 11–12). Противопоставление актуализируется также в образах персонажей. Эрик Харли противопоставляется поэту Денему (Drabble 2006), который внешне “*monotonously even and undramatic*” (Drabble 2006: 11–12) (“однообразно спокойный и лишенный драматизма”), но как поэт – “*superb*” (“замечательный”).

Определенные ассоциации у читателя вызывает комбинация имени и фамилии еще одного персонажа. Так, *Samuel Wisden* (Drabble 2006) (*Samuel* – буквально ‘имя его Бог’, в Библии Самуил – выдающийся пророк и судья Израиля (Hanks, Hodges 1996), *Wisden* – созвучно с *wisdom* ‘мудрость’ (Freedman 1997) представляется в соответствии с своим именем и фамилией пожилым, мудрым человеком. Клара, прочитав некоторые его произведения, представляла его как “*plain and sensitive, given to riding bicycles*” (‘простого и чувствительного человека, который мог бы заниматься велоспортом’) (Drabble 2006). Однако ни представления, которые вызывает имя персонажа, ни впечатление, которое производит его поэзия на Клару, не подтверждаются, несоответствие снова создает иронический эффект. “*She had been impressed: she had even gone so far as to look up some of Samuel Wisden’s works before attending the reading. They were shy, lyrical, lower middle class pieces about young men in cheap suits in parks and on railway stations; she had pictured some plain and sensitive man, given to riding bicycles, and was agreeably surprised when she found that a motorbike was more the image that he evoked, for he was flamboyant, leather-jacketed, and he had a fancy hair cut*” (Drabble 2006: 12). – ‘Клара настолько прониклась уважением, что перед тем, как идти, даже посмотрела кое-что из сочинений Самюэла Уиздена. Это оказалась непритязательная городская лирика, где героиней, молодой человек в дешевом костюме, бродил по паркам и вокзалам,

и воображение уже нарисовало Кларе образ неприметного и чувствительного любителя велосипедных прогулок; она была приятно удивлена, когда увидела, что настоящему Сэмюэлу Уиздену подошел бы скорее не велосипед, а мотоцикл – поэт был жизнерадостный, в кожаной куртке и со стильной стрижкой.’.

Корреляция семантики антропонимов и личности, характера персонажа выражается в романе антропонимом Sebastian Denham (Drabble 2006): *Sebastian* – ‘священный, достопочтенный’ (Freedman 1997), *Denham* – ‘дом, имение в долине’ (Рыбакин 1989). Как отмечает Л. Г. Шеремет, фамилии с топонимическими суффиксами или фамилии-микротопонимы характерны для персонажей, которые занимают высокие социальные позиции (Шеремет 1984: 159). Образ Себастьяна Денема полностью оправдывает ассоциации, вызванные его именем и фамилией. Это уже немолодой известный поэт, отличается своей “подлинностью”. Соотношение между именем и фамилией персонажа и его личностью подчеркивается определением “*real authenticity*” (“настоящая подлинность”). Таким образом, в данном случае имя и фамилия служат средством дополнительной характеристики персонажа. “*Of the four performers, Sebastian Denham was the only one to exude real authenticity. He was, for one thing, the oldest, the programme said that he was in his early fifties. He was also the most famous, though Clara could not have known this had she not looked him up in various works of reference, so when she had been invited to the Poetry Reading she had not so much as heard of him. As she looked through the list of his published works in the library catalogue, and read the comments on him in the Penguin Guides, and inspected his career in the programme notes, she felt ashamed that someone of such evident distinction could have eluded her consciousness so entirely. His reputation was clearly as firm as a rock, adjectives such as “classic” and “masterly” abounded in the vicinity of his name*” (Drabble 2006: 13). – ‘Из всех четверых лишь о Себастьяне Денэме можно было сразу сказать: это настоящее. Прежде всего, он был самым старшим, в программе сообщалось, что ему было пятьдесят с небольшим. Он же был и самым известным; правда, узнала Клара об этом лишь тогда, когда, получив приглашение на вечер, заглянула в несколько справочных изданий; раньше она о Себастьяне Денэме даже не слышала. Она просмотрела в библиотечном каталоге список его публикаций, прочла статьи в популярных справочниках издательства “Пингвин”, изучила программку с перечнем его заслуг и устыдилась, что столь выдающаяся личность оказалась полностью за пределами ее поля зрения. Его имя высилось подобно скале; везде оно было плотно окружено словосочетаниями типа “классический” и “виртуозный”’.

Имя Себастьян Денэм приобретает положительную оценку, актуализируется и поддерживается в контексте романа такими определениями, как *“real authenticity”* (‘реальная подлинность’), *“the most famous”* (‘самый известный’), *“someone of such evident distinction”* (‘выдающийся человек’), *“classic”* (‘классический’), *“masterly”* (‘совершенный’) (Drabble 2006). Соответствие семантики литературных антропонимов (имени и фамилии) внутренней сущности персонажа в вышеприведенном примере является неслучайной и стилистически значимой. Среди всех поэтов Себастьян Денэм один настоящий, и это помогает понять его имя и фамилия, скорее соответствие между ним как личностью и ассоциациями, вызывает его имя. Образ Себастьяна противопоставлен фигуре Маргариты Кассел, которая не оправдывает значения своего имени – “жемчужина”. В ее имени нет такого соответствия.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что основным свойством ОА в художественном тексте вместе с номинацией является характеристика носителя имени. Высокий стилистический потенциал ОА в художественном тексте определяется системой произведения в целом, взаимосвязанностью и общей мотивированностью всех его элементов. В тексте художественного произведения различным качествам персонажа, различным идеям, которые воплощает автор, могут соответствовать и разные имена. Имена и фамилии, имена и прозвища вступают в сложные отношения. Противопоставление характера оценки имен воспринимается как противопоставление разных качеств, которые сочетаются и сосуществуют в человеке. Персонаж будто существует в нескольких ипостасях, одна из которых противоположна другой. При этом ОА стремятся выйти за пределы собственного для них употребления и расширить сферу своего влияния. Это выражается прежде всего в символизации антропонима, который воспринимается как олицетворение определенных качеств персонажа, и в этом контексте получает такие же права, как и имя нарицательное, превращаясь в средство описания и оценки действительности.

4.2 Семантический и функционально-стилистический потенциал английских прозвищ в художественном тексте

4.2.1 Как отмечалось ранее, английская антропонимическая система, кроме личного и фамильного имен, включает также прозвища. Исследования английского антропонимикона последних лет были направлены на изучение различных аспектов личных и фамильных имен (Васильева 2009; Вахрушев 1984; Азнабаева 2006; Гюббенет 1991; Ермолович 2001), однако такой класс антропонимов, как прозвища, до сих пор остается недостаточ-

но изученным. Анализ семантического и функционально-стилистического потенциала ОА, который осуществляется в данной работе, не может быть завершен без описания прозвищ как элемента английской антропонимической системы.

Прозвище является древнейшей антропонимической единицей, генетическим источником личных имен и фамилий. Очень трудно точно определить период возникновения прозвищ как одной из форм именования, однако причины их возникновения понятны и имеют социальное значение. Прозвище возникло тогда, когда возникает необходимость отличить одного индивидуума от другого в первобытном обществе. В процессе развития общества личное имя и фамилия вытесняют прозвище, которое начинает функционировать как дополнительный знак, что индивидуализирует своего носителя в тех случаях, когда, как отмечает Л. Н. Щетинин, “личное имя не в состоянии индивидуализировать того или иного члена языкового коллектива. Индивидуализирующая роль прозвища особенно возрастает, когда на смену многочисленным языческим личным именам, которые почти неограниченно привлекали в свой круг общие имена, приходит незначительное количество христианских имен, повторяющихся на каждом шагу” (Щетинин 1966: 73). Характерной особенностью личного прозвища была его прямая соотнесенность с теми или иными признаками человека, который его носил: происхождение из определенной местности или от определенного человека, внешность, характер, социальное положение, профессия и т.д. Подавляющее большинство личных прозвищ было описательным. Таким образом, на определенном этапе развития общества происходит разграничение личных и фамильных имен, с одной стороны, и прозвищ, с другой.

Чтобы обосновать специфику семантики прозвищ, следует обратиться к анализу соответствующего термина, значение которого на сегодня характеризуется определенными изменениями. Как уже отмечалось, сначала прозвище было эквивалентом личного имени, затем фамилии и только со временем приобрело сугубо прозвищное содержание. Э. Смит обобщает данные словарей и определяет прозвище следующим образом: “Прозвище можно определить как дополнительное имя или заменитель собственного имени человека, которым его называли с целью насмешки, как выражение презрительного отношения к человеку или как следствие дружеского” (Smith 1956: 75). Необходимым компонентом значения прозвища является шутливая, ироническая или насмешливая характеристика именуемого. Словари ограничивают значение прозвища, сводя его к оценочно-характеризующему неофициальному именованию. Официальным именем остается фамилия –

зафиксированное в государственных документах, унаследованное родовое имя человека, передающееся от отца детям. В процессе формирования государственности происходило становление фамильного имени для осуществления важных государственных задач (перепись населения, налогообложения и т.д.). В дальнейшем фамилия остается постоянным родовым именем, хотя первоначальная связь с именем родоначальника теряется.

Прозвища, в отличие от фамилий, обычно не регистрируются в официальных документах и относительно редко наследуются (главным образом в том случае, если признак, на основе которого возникло прозвище отца, сохраняется и в жизни детей). Сферой применения прозвищ является разговорная речь, которая предусматривает относительную свободу в выборе средств выражения. По мнению В. А. Никонова, для прозвищ, употребляемых в сфере принудительно-бытового общения, характерной чертой является корпоративность, то есть употребление в узком кругу лиц, связанных родственными отношениями, производственной деятельностью, интеллектуальными и духовными интересами: “ прозвища ... функционируют как условный знак маленькой замкнутой корпорации ” (Никонов 1970: 22).

Таким образом, прозвища функционируют в пределах определенной социальной группы как дополнительное именование, преимущественно негативного характера.

4.2.2 Как отмечает Л. Г. Шеремет (Шеремет 1984: 165), на современном этапе прозвища и фамилии имеют много общего. Прежде всего следует отметить, что прозвища этимологически классифицируются так же, как и фамилии. Выделяют четыре их основных типа, которые возникли уже в староанглийском языке. Прозвища, описывающие носителя по месту жительства или рождения (локальные прозвища), по профессии или должности (профессионально-должностные прозвища), по личному имени отца (патронимические прозвища) или различными внешними или внутренними качествами (описательные прозвища) (Шеремет 1984: 165–166). При этом описательные прозвища, которые возникли в результате объективизации самой доступной для визуализации черты человека, представляют самую многочисленную и разнообразную в лексико-семантическом отношении группу.

Прозвища именно этой группы чаще всего функционируют в художественных текстах как яркое средство характеристики персонажа. Что касается признаков, лежащих в основе номинации, то среди описательных можно выделить прозвища, указывающие на внешний вид в целом:

“What bloody-thirsty instincts you have, Frankie”. “I know. It’s probably atavism. Don’t you think so? I’m sure I’m atavistic. My nickname at school was

Monkey Face". "...She had ... a certain resemblance to an organ grinder's monkey. (She had long sorrowful dark eyes and a pucked up face)" (Bates 1977: 24). – 'Что за жестокие инстинкты у тебя, Фрэнки? Я знаю. Это, наверное, атавизм. Вы так не думаете? Я уверен, что я атавистический. Мое прозвище в школе было Обезьянья Мордочка'.

"I used to call her *Hippo*, because she was such a hypocrite – and so fat. *Enormous*" (Hoffman 1989: 129). – 'Я назвал ее Бегемотом, потому что она была лицемерной и очень толстой. Огромной'.

"That's our nickname for her, nurse. She's always known as *Lovely Louise*". "Is she so very handsome then? I asked" (Steinbeck 1937: 13). – 'Это так мы ее называем. Она всегда для нас Милая Луиза'. 'Я спросил, действительно ли она так красива?'

К описательным прозвищам относятся и такие, которые указывают на особенности телосложения:

"Oh, hello, *Crooks*. What's the matter? ...His body was bent over to the left by his crooked spine, and his eyes lay deep in his head" (Steinbeck 1937: 57). – 'О, привет, Крукс. А в чем дело? ... Его тело было наклоненным влево из-за искривленного позвоночника, и, казалось, что его глаза были очень глубоко посажены'.

"I believe the name *Hop-Frog* was... given to the dwarf on account of his inability to walk as other men do" (Poe 2007: 69). – 'Я считаю, что прозвище Лягушонок ... карлик получил из-за его неспособности ходить так, как другие люди'.

Отдельную группу составляют описательные прозвища, указывающие на особенности отдельных частей тела:

"Come in, *Cotton-Eye*", Faye called. The door opened and the crooked little cotton-eyed piano player stood in the entrance waiting for a sound to tell him where she was" (Steinbeck 2002: 261). – 'Заходи, Хлопковый Глаз' – крикнул Фей. Дверь открылась, и на пороге появился небольшого роста сгорбленный пианист с белесыми глазами; он стоял, ожидая услышать звук, чтобы понять, где она была'.

"I saw a man once – bartender – he had one (a scar) that looked like a cat. It was a birth mark. His nickname was *Cat*" (Steinbeck 2002: 70). – 'Однажды я увидел человека – бармена; у него был шрам, который делал его похожим на кота. Это была родинка. Его прозвище было *Кот*'.

"*Rabbit* Angstrom, coming up the alley in a business suit, stops and watches. So tall, he seems an unlikely rabbit, but the breadth of white face, the pallor of his lips, and a nervous flutter under his brief nose as he stabs a cigarette

into his mouth partially explain the nickname, which was given to him when he was a boy” (Updike 1996: 5). – ‘Кролик Энгстром, поднимаясь по аллее, останавливается и смотрит. Он такой высокий, что кажется совсем не похожим на кролика, но широкое белое лицо, бледность губ и нервная дрожь верхней губы под вздернутым носом, когда он берет в рот сигарету, оправдывают его прозвище, которое он получил еще в детстве’.

Вполне очевидно, что назначение подобных прозвищ заключается не только в том, чтобы сообщить адресату речи языковой знак, который он может в дальнейшем использовать для идентификации конкретного лица, а в том, чтобы обратить внимание на какую-либо отличительную черту внешности человека. Как видно из примеров, в большинстве случаев отличительные признаки внешности, являющиеся основанием для возникновения прозвища персонажей, является отклонением от нормы, например, Хлопковый Глаз фиксирует в своей семантике необычный белый цвет роговицы глаза. Основой для прозвища Кот служит физиологическое отклонение от нормы, то есть наличие шрама на коже. Кролик, Гарри Энгстром, именуемый именно так из-за своей специфической внешности, а также из-за внутренних качеств: это человек, поведение которого лишено изящества, все в его жизни было основано на инстинктах. Он, как кролик, не в состоянии бороться ни за свою любовь, ни за чувство собственного достоинства. В представленном исследовании антропонимы, содержащие в значении сему “отклонение от нормы”, считаем негативно оценочными единицы, которые имплицитно противопоставляются единицам с семами, соотносящимися с понятием “соответствие норме”.

Однако функция прозвища не всегда сводится лишь к тому, чтобы обратить внимание читателя на отличительные внешние признаки или черты характера. Иногда даже в художественных произведениях встречаются описания, почти целиком состоящие из прозвищ. В отрывке, который приводится ниже, с помощью прозвищ создается довольно подробный и выразительный портрет жителей небольшого городка, фиксируются черты их внешности, характера, поведения. *“He closed his eyes and thought of the black men... Their names. Names they got from yearning, gestures, flaws, events, mistakes, weaknesses. Names that bore witness. Macon Dead, Sing Byrd, Crowell Byrd, Pilate, Reba, Hagar, Madeline, First Corinthians, Milkman, Guitar, Railroad Tommy, Hospital Tommy, Empire State (he just stood around and swayed), Small Boy, Sweet Circe, Moon, Nero, Humpy-Dumpy, Blue Boy, Scandinavia, Quack-Quack, Jericho, Spoonbread, Ice-Man, Dough Belly, Rocky River, Gray Eye, Cock-a-Doodle-Do, Cool Breeze, Muddy Waters, Pinetop, Jelly*

Roll, Fats, Lead-Belly, Bo Diddley, Cat-Iron, Peg-Leg, Son, Shortstuff, Smoky Babe, Funny Papa, Bukka, Pink, Bull Mouse, B.B., T-Bone, Blackace, Lemon, Washboard, Gatemouth, Cleanhead, Tampa Red, Juke Boy, Shine, Staggerlee, Jim and Devil, and Dat Nigger” (Morrison 1987: 334). ‘Закрыв глаза, он думал о неграх... Имена, каких только у негров нет имен! Неосуществленные желания, жесты, физические недостатки, события, ошибки, слабости, – все может послужить источником, именно так и получают негры имена. Имена-свидетели. Пой Берд, Воррен Берд, Пилат, Реба, Агарь, Магдалина, Послание к Коринфянам, Молочник, Гитара, Железнодорожный Томми, Больничный Томми, Имперский Штат (все стоит да покачивается), Малыш, Киска, Цирцея, Луна, Нерон, Шалтай-Болтай, Синий, Скандинавия, Кря-Кря, Иерихон, Затируха, Мороженщик, Рыхлое Пузо, Скалистый Берег, Серый Глаз, Кукареку, Ветерок, Трясина, Верхушка Сосны, Вишневый Пирог, Жирняга, Свинцовое Брюхо, Пришлый Жулик, Кошачья Миска, Деревянная Нога, Сынок, Недомерок, Черномазая Кроха, Папочка с Приветом, Бука, Первый Сорт, Лось, Берцовая Кость, Туз Пик, Лимон, Стиральная Доска, Рот до Ушей, Чистая Голова, Красный Тампа, Подавальщик, Штукарь, Колченогий, Чертушка Джим, Фигня и Тот Самый Ниггер’.

В данном исследовании мы разделяем мнение тех лингвистов, которые считают, что прозвища имеют богатый содержательный потенциал, особенно описательные прозвища. Исследовательница Л. Г. Шеремет (Шеремет 1984), применив метод компонентного анализа к изучению семантики антропонимов, приходит к выводу, что значение антропонимов можно представить как семную структуру, состоящую из таких типов сем: архисема существительное и тематические семы материальное, лицо, умное, пол и национальность. Совокупность этих сем наделяет антропоним способностью репрезентировать общее, описывать и классифицировать его, определяя в нем известное содержание и свойства. Содержанием значения антропонимов является понятие о ряде лиц мужского или женского пола определенной национальности. Значение антропонимов в языке очень широкое, полностью оно раскрывается в речи при соотнесении с индивидуальными референтами. Прозвище является одним из компонентов английской антропонимической системы, то есть используется прежде всего как дополнительное имя человека. Становится возможным и в этом разряде имен выделить смысловой потенциал, который содержит определенное количество признаков. При этом следует отметить, что в отличие от имен и фамилий, которые характеризуются общим языковым значением (Шаховский 1987: 187), прозвища демонстрируют богатый понятийный объем, главным об-

разом за счет наличия оценочного компонента, поскольку, кроме концептуальных сем родового понятия, его смысловой потенциал содержит также сведения об отличительных признаках референта, которые повлекли за собой возникновение прозвища. Так, если женщина получила прозвище *Hippo*, то к указанному выше набору сем, которые интегрируют в себе содержание родового понятия, добавляется еще сема “толстый, жирный”, которая делает именование неуважительным и придает антропонимической единице пейоративного значения. В прозвище *Crooks* дифференциальной семой выступает сема “искривленный”. В приведенных примерах прозвища становятся богаче по содержанию не только за счет дополнительных дифференциальных сем “толстый” и “искривленный”, а также в связи с тем, что семантика фамилии обогащается эмотивными компонентами значения.

4.2.3 Одним из основных источников прозвищных имен являются нарицательные имена во вторичной номинативной функции. Образование вторичных номинативных функций базируется на метафорическом или метонимическом переносе. Метафора обычно определяется как скрытое сравнение, как способ переосмысления на основе совпадения или аналогии признаков в понятийном отражении обозначаемого объекта и в денотате переосмысляемого слова. Это и отличает метафору от метонимии, где основа переосмысления заложена в смежности обозначаемых объектов. Таким образом, в результате вторичной номинации некоторые признаки, присущие переосмысляемой языковой единице, переносятся в денотат нового наименования, то есть прозвища. Вторичное использование нарицательных имен в качестве прозвищ всегда опосредованное и мотивированное их структурно-семантическими признаками.

Очень часто прозвищем может стать апеллатив, который непосредственно называет определенный признак и использует те же семы, которые формируют лексическое значение апеллатива: *Long, White, Crooks*.

Однако концептуальное ядро прозвища может характеризоваться только одним дифференциальным признаком нарицательного имени. Например, понятийный объем прозвища *Hop-Frog* (Poe 2007) содержит сему “прыгающий”, а прозвище *Rabbit* (Updike 1996) – только дифференциальный признак “дрожащая верхняя губа”.

Таким образом, апеллативы, становясь прозвищами, характеризуются качественными изменениями семной структуры своего значения, переосмысливаются, несут дополнительную смысловую нагрузку. Но во всех приведенных примерах прозвище является информативным, его семантика содержит оценочную характеристику определенного признака, которая стала основой для его возникновения.

Рассмотрим такой фрагмент:

“Macon Dead never knew it came about – how his only son acquired the nickname that stuck in spite of his own refusal to use it or acknowledge it... No one mentioned to him the incident out of which the nickname grew... Without knowing any of the details, however, he guessed, with the accuracy of a mind sharpened by hatred, that the name he heard schoolchildren called his son, the name he overheard the ragman used when he paid the boy 3 cents for a bundle of old clothes – he guessed that this name was not clean. Milkman. It certainly didn't sound like the honest job of a dairy-man, or bring to his mind cold bright cans standing on the back porch, glittering like captain on guard. It sounded dirty, intimate and hot” (Morrison 1987: 15). ‘Но и не зная подробностей, он догадался, так как ненависть усугубляет пронизательность, что в прозвище, с которым к его сыну обращались школьные товарищи и даже старьевщик, когда отсчитывал мальчику три цента за кучу старого тряпья, – что в этом прозвище есть что-то нечистое. Молочник. Не добропорядочный доильщик, честный труженик молочной фермы, не сверкающие холодным блеском бидоны, которые выстроились на заднем крыльце, словно почетный караул, нет, что-то совсем-совсем другое связывалось с этим словом. Что-то грязное, интимное и жаркое’.

В приведенном примере прозвище сына *Milkman*, которое вызывает негативные эмоции у отца, который не знает мотивации, содержит нечто грязное, интимное и оскорбительное. Прозвище, соответственно, с одной стороны, несет конкретную информацию, а с другой стороны, выражает пейоративную оценку.

4.2.4 В художественных текстах семантика прозвища отличается динамичностью, подвижностью. Содержание одного и того же прозвища, употребляемого различными персонажами или одним персонажем в разное время, может изменяться, уточняться. Содержание прозвища может быть разным для разных персонажей, даже если они употребляют одно и то же прозвище, которое относится к конкретному персонажу. В тексте литературного произведения прозвище выступает ярким средством характеристики персонажа, поскольку конкретизирует признак, важный для понимания сущности соответствующего образа. Подобные прозвища имеют композиционное значение, они не только характеризуют взаимоотношения между персонажами, но и участвуют в развитии сюжета, отражая его динамику. Рассмотрим это положение на примере употребления прозвищ в повести Дж. Фаулза “Башня из черного дерева” (Fowles 1999). В имени старого художника Генри Бресли, расположенного в Пампонском лесу, с которым

связано много легенд, живут две девушки, одну из которых художник называет *the Freak* (Fowles 1999), а другую *the Mouse* (Fowles 1999). Персонажи имеют личные имена – *Anna* и *Diana* (Fowles 1999). Семантика прозвищ обычно определяется признаками их носителей, потому для правильного понимания того, почему старый художник называет девушку *the Freak*, обратимся к словарю Macmillan English Dictionary, где находим следующую словарную дефиницию: *freak (n) – person, animal or plant that is abnormal in form or behavior* (Macmillan English Dictionary 2002: 348) ‘человек, животное или растение, которое характеризуется необычной внешностью или поведением’. Прозвище *the Freak* (Fowles 1999), которое дает яркую характеристику персонажа, обладает сильным негативно-эмоциональным зарядом. Называя девушку *the Freak*, Генри Бресли передает свое чувство высокомерного пренебрежения к ней и одновременно характеризует ее. Образ девушки, который создает автор, описывая ее внешность, устанавливает корреляцию между семантикой негативно оценочного прозвища и сущностью этого персонажа.

“If the Mouse was odd, this creature was preposterous. She was even smaller, very thin, a slightly pinched face under a mop of frizzed out hair that had been reddened with henna... The eyelids had been black. She had the look of a rag-doll, a neurotic golliwog...” (Fowles 1999: 25–26). – ‘Если Мышь выглядела странно, то эта особа просто нелепо. Она была еще меньше, очень худая, с изможденным лицом под шапкой завитых волос, окрашенных хной в красный цвет. Веки были черными. У нее был вид тряпичной куклы, невротического чучела...’.

Слово *creature* (Fowles 1999) ‘создание’ вместо *girl* ‘девушка’ подчеркивает необычность, даже аномальность поведения девушки, которое подтверждается следующими фактами из ее жизни, о которых читатель узнает с развитием сюжета. *The Freak* (Fowles 1999) – дочь сумасшедших сектантов-иеговистов, которая рано познала изнанку жизни в обществе вседозволенности и разочаровалась в перспективе учительской карьеры. Следовательно, прозвище *The Freak* предполагает уподобление по линии ‘отклонения от нормы’ как внешних, так и внутренних качеств, которые по аксиологической шкале коррелируют с пейоративной характеристикой.

Совсем иное значение передает прозвище другой девушки. *“Henry calls me the Mouse”* ‘Генри называет меня Мышью’ (Fowles 1999), – говорит другая девушка Дэвиду Уильямсу при встрече с ним (*mouse – sort of small rodent* ‘мышь – разновидность маленького грызуна’ (Macmillan English Dictionary 2002: 561). Читатель, заранее ничего не зная об этой девушке, но апел-

лируя к прозвищу, может предугадать некоторые внешние признаки и черты характера персонажа: это хрупкое, маленькое создание, с невыразительной внешностью, робкое и даже ничтожное. Однако эти представления не оправдываются. В этом случае прозвище *the Mouse* (Fowles 1999) употребляется не по ассоциации с его общим значением, оно функционирует в художественном языке как словарный индивидуализирующий знак персонажа, отличный от значения соответствующего апеллятива. Образ девушки подается через восприятие художника по профессии, Дэвида Уильямса, который впервые видит эту девушку и отмечает прежде всего ее своеобразную красоту: “...*a slim girl of slightly less than medium height and in her early twenties; brown and gold hair and regular features and wide eyes...*” (Fowles 1999: 13). – ‘...худенькая девушка, немного меньше среднего роста, чуть за двадцать лет; с коричнево-золотистыми волосами, правильными чертами лица и широко открытыми глазами’.

При рассмотрении приведенного примера, по нашему мнению, следует обратиться к стилистике декодирования – к возможностям использования стилистической интерпретации понятия “квантования”. Сущность понятия состоит в том, что “...от окружающей нас реальности мы получаем непрерывный поток информации; в этом контексте мы можем выделить отдельные единицы – кванты, совокупность которых и является континуумом в целом” (Арнольд 1974: 3). И. В. Арнольд считает, что квантование является источником дополнительной экспрессивности, благодаря чему выполняется условие эффективности связи: максимум сообщения при минимуме сигнала. Таким образом, по отдельным квантами, касающимся якобы только деталей внешности персонажа, можно составить достаточно выразительный и целостный образ девушки по прозвищу *the Mouse* (Fowles 1999). Вполне очевидно, что ее внешние данные не имеют никакой связи с апеллятивным значением. Однако прозвище имеет эмоциональный компонент, а также оценочный пейоративный, иронично-презрительный оттенок, поскольку отражает уничижительное суждение старого художника о ней. Выделение экспрессивного компонента в этом прозвище обусловлено тем, что оно относится к тематической группе “мелкое животное, грызун”, а употребляется в окружении слов тематической группы “человек”.

Старый художник, называя девушку *the Mouse* (Fowles 1999), наполняет содержание прозвища своим, сугубо личным отношением к этой девушке. “*Know why I call her the Mouse? I did rather wonder. Not the animal. The old man hesitated, then reached and took a sheet of notepaper from a drawer beside him. Standing at his shoulder, David watched him address himself to*

the paper as if to some formal document; but all he did was to print in pencil the letter M and after a space, the letter U, S, E – Muse” (Fowles 1999: 81). – ‘Знаешь, почему я назвал ее Мышью? Сам удивляюсь. Это вроде не животное. Старик замешкался, потом потянулся взять листок бумаги из ящика позади. Опершись на плечо, Дэвид наблюдал за тем, как он серьезно относится к этой бумаге, как к деловому документу; но все, что он сделал – написал карандашом букву М и, немного отступив, буквы У, З, А – Муза’.

Итак, прозвище *the Mouse* (Fowles 1999) является не средством индивидуализации и точного именованя лица, а атропонимом-конспирацией, что позволяет автору скрыть настоящее имя персонажа. Предполагается, что своей графической и звуковой формой это имя должно вызвать у читателя ассоциации, уточняя и углубляя характеристику этого персонажа. Иногда читатель может прийти к подобным выводам самостоятельно, в процессе чтения произведения, устанавливая связь между именем героя и его характеристикой. Но в этом случае писатель устами главного героя повести – старого художника Генри Бресли подчеркивает эту ассоциацию, таким образом, полностью реализуя заложенные в прозвище девушки потенциальные возможности для ее характеристики. Соответственно, прозвище *the Mouse* используется в произведении как маска, под которой скрывается другое прозвище *the Muse*, действительно выражая сущность персонажа.

В словаре Macmillan English Dictionary находим такую дефиницию слова *muse*: 1) each of nine goddesses, the daughters of Zeus and Mnemosyne, who preside over the arts and sciences; 2) a woman, or a force personified as a woman, who is the source of inspiration for a creative artist (Macmillan English Dictionary 2002: 566) 1) муза (каждая из девяти богинь, покровительниц поэзии, искусств и наук у древних греков) 2) муза (источник поэтического вдохновения).

Следовательно, прозвище *the Muse*, которое является семантически наполненным, информативным, помогает читателю в процессе прочтения повести создать исчерпывающий образ девушки. Эта девушка с необычной внешностью, одаренная художница. Упорно прокладывая собственный путь в живописи, она покинула элитный колледж и состоятельных родителей во имя бескорыстного служения любимому делу. В доме выдающегося художника, который боится ее потерять, она является добрым гением, вдохновляя и подбадривая его. Она выражает одну из главных идей повести: отношение искусства к жизни, когда живопись, потеряв интерес к человеку, окончательно покончила с принципом изобретательности.

В нежном имени девушки *the Muse* реализуется экспрессивный, эмоциональный и мелиоративный оценочный компоненты коннотации. Но

вместе с этими компонентами в антропониме возникает еще одна коннотация, которая не может быть декодирована вне контекста. В этом случае важен именно стилистический контекст, поскольку если в контекстологическом анализе необходимо установить указанный минимум, что позволяет идентифицировать одно значение из нескольких возможных, то в стилистическом контексте, наоборот, желательно обнаружить не минимум, а возможный максимум контекстуальных связей.

При употреблении антропонимов в художественных текстах компрессия информации обусловлена именно способностью таких слов вызывать различные ассоциации. Стилистический контекст не только помогает выявить, какое из значений слова реализовано, но и способствует образованию новых коннотаций. Так, прозвище *the Muse*, а также личное имя девушки *Diana* не может не вызывать у читателя целой гаммы ассоциаций, поскольку и тот, и другой антропоним приобретает в тексте дополнительную коннотацию – историческую, ведь антропонимы *the Muse* и *Diana* содержат в своей семантике аллюзию на мифологическую богиню Диану.

Образ Дианы, римской богини охоты, отождествляется с греческой Артемидой. В мифах Диана – целомудренная, непорочная богиня, богиня охоты, рождения детей, покровительница диких зверей. В английской литературе это имя встречается неоднократно: в пьесе Шекспира “Все хорошо, что хорошо кончается”, в романе В. Скотта “Роб Рой”, в романе Л. П. Хартли “Посредник”. Все Дианы характеризуются силой характера и моральной чистотой (Рыбакин 1989).

Таким образом, исторический компонент коннотации позволяет писателю идти более коротким путем к масштабным философским и этическим обобщениям. Ассоциация с мифологической богиней является средством конструирования картин будущего, материалом для сопоставления с современностью. Этот дополнительный компонент коннотации объясняет и поведение Дианы: ее внешняя доступность, которая кажется распушенностью, – только видимость, блеф. Она девственно чиста и столь же недоступна, как и мифологическая богиня.

Таким образом, прозвище, выражая сущность персонажа, не может быть семантическим. Отсутствие определенных условий, необходимых для возникновения прозвища, может привести к возможной замене одного прозвища другим, даже к потере прозвища, как, например, в романе Дж. Фаулза “Женщина французского лейтенанта”, когда прозвища *Poor Tragedy*, *The French Lieutenant's Whore*, *The French Lieutenant's Woman* (Fowles 1996), сыграв свою композиционную роль, исчезают из произведения с потерей мо-

тивации. Но если прозвище сохраняется, то сохраняется и тенденция к его семантическому наполнению, которое характеризуется богатым набором концептуальных признаков.

Стилистический потенциал прозвища в значительной степени обусловлен его звучанием, морфологическим составом и этимологическим значением.

Выводы к разделу 4

Стилистический потенциал антропонимов в художественном тексте обусловлен своеобразием их языковой природы. В тексте художественного произведения в семантике антропонимов актуализируются потенциальные семы, которые являются источником различных коннотаций, которые дают основание маркировать литературные антропонимы как позитивно или негативно оценочные, и лежат в основе стилистической актуализации английского антропонима. Коннотативная часть семантики антропонимов играет особо важную роль, поскольку в процессе перехода антропонимов из речи в язык художественного текста возникает сдвиг в семной структуре значения антропонимов, проявляется его качественное изменение, которое выражается в обогащении семантики антропонимов новыми коннотативными, оценочными компонентами значения. В отличие от нарицательных имен в английских антропонимах понятие коннотации, его специфика меняется и расширяется. Так же, как и имена нарицательных, коннотативная часть лексического значения антропонимов может быть представлена эмоциональным, оценочным, экспрессивным и стилистическим компонентами, которые в художественном тексте часто сопровождают друг друга и могут использоваться в различных комбинациях. Обычно контекст обогащает значение антропонимов этими компонентами. Своеобразие коннотативного значения английских антропонимов проявляется и в том, что в конкретном акте его употребления в структуру лексического значения антропонима вводятся социальная, историческая и литературная коннотации, которые, реализуясь в тексте художественного произведения, служат для достижения определенных художественных целей. Вместе с другими стилистическими средствами они выражают авторскую позитивную и негативную оценку и способствуют созданию многогранного художественного образа литературного персонажа.

Изучение семантики прозвищ выявило, что она характеризуется оценочной специфичностью по сравнению с личными именами. Семантика описательных прозвищ, которые возникли в результате объективизации

самой доступной для наблюдения, самой приметной черты человека, как правило соответствует настоящим признакам их носителей, актуализируя при этом позитивную или негативную оценку той или иной внешней или внутреннего признака литературного персонажа. Прозвище – это всегда имя значимое. Оно отличается от фамилии или имени закономерностью, мотивированностью, значимостью. Если виртуальное значение оценочных личных имен отличается общим характером, прозвище в этом плане демонстрирует более богатое содержание, поскольку, кроме концептуальных сем родового понятия, к смысловому потенциалу прозвища добавляется также дифференциальный (позитивный или негативный) признак референта, что составляет основу для возникновения прозвища. Кроме того, семантика описательного прозвища обогащается за счет эмотивных компонентов коннотативного значения, которые обычно базируются на метафорическом переносе. Таким образом, апеллятивы, становясь прозвищами, характеризуются качественным изменением семной структуры значения, переосмысливаются, несут дополнительную смысловую нагрузку. Прозвище остается информативным, отмечается семантической наполненностью, которая характеризуется наличием богатого набора концептуальных и коннотативных признаков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ семантических, структурных и функциональных особенностей оценочных антропонимических единиц в английском ономастическом пространстве позволяет сделать следующие выводы:

Лингвокультурологическое исследование английского оценочного антропонимикона выявляет особенности мировоззрения говорящих, которые отражаются в виде ментальных моделей и фиксируется в языковой картине мира. Оценочный антропоним – это имя человека (личное имя, фамилия и прозвище), лексический фон которого содержит оценочный компонент, который актуализируется в процессе имянаречения на основании следующих признаков: родное – иностранное, активное – пассивное, знакомое – незнакомое, созвучное с позитивно-оценочными – негативно-оценочными единицами вокабуляра, тождественное именам достойных – недостойных известных носителей. Семантическую структуру ОА следует рассматривать, учитывая особенности функционирования антропонимов в языке и речи. На уровне языка антропонимы не имеют устойчивых понятий, кроме принадлежности к проприальной лексике. В речи структура денотативного значения антропонимических единиц может подвергаться семантическим модификациям, когда любой признак онима ощущается говорящим как субъективное отражение окружающей действительности. Результатом этого является появление оценочного значения в семантической структуре антропонимических единиц. Оценка рассмотрена как компонент конотативного значения антропонимов. На основе существующих в лингвистике теорий выделяются три типа оценки: рациональная, эмоциональная и рационально-эмоциональная.

Денотативное в собственном имени может сосуществовать с коннотативным. Когда прагматический аспект значения превалирует над когнитивным, то есть какой-либо из признаков антропонимов становится главным в его семантической структуре, происходит субъективное переосмысление антропонимов, они приобретают оценочное значение.

Оценочный компонент значения антропонимов влияет на характер мотивов имянаречения. Процесс номинации основывается на системе социальных и индивидуальных мотивов имянаречения. Группа социальных мотивов является универсальной языковой категорией, включающей в себя гендерный, национальной, этимологический и идеологический мотивы. Индивидуальные мотивы имянаречения, которые формируются под влиянием культурно-исторических особенностей определенного языкового коллектива, представлены благозвучием, деривационной активностью антропонимов

и семейной традицией. Именно социальные мотивы влияют на коннотативный объем значения собственного имени.

Установленные критерии отбора языкового материала послужили основанием для вычленения ОА из общего фонда антропонимов английского языка. Это – словарные пометы, указывающие на популярность-непопулярность имени; маркеры, указывающие на происхождение антропонимических единиц; описания этимологии апеллятивной основы имени; словарные пометы, очерчивающие географию популярности имени; словарные указания на тождество антропонимов с именами известных носителей, литературных персонажей, вызывающих в сознании англичан положительные или отрицательные ассоциации.

На основе критериев отбора языкового материала сформирован корпус исследования, который составляет 3275 ОА, полученных методом сплошной выборки из антропонимичных словарей и источников иллюстративного материала, включающих произведения художественной литературы английских и американских писателей. Наличие оценочного компонента в подсистеме проприальных единиц, функционирующих как элементы национальной антропонимической системы (узуса) и как стилеобразующие элементы художественного текста, подтверждает актуальность когнитивных процессов в системе языка. Результатом классификации исследуемых единиц по семантическим признакам является выделение восьми семантических классов ОА. Ядерными семантическими классами по количественному показателю являются “аллюзивные оценочные антропонимы” и “ОА с дифференциальной семой “внешность”. Менее продуктивными являются семантические классы “ОА, указывающие на род деятельности и социальный статус”, “ОА сферы религии”, “ОА, обозначающие черты характера и личностные качества”. Периферийными оказываются единицы классов “ОА с дифференциальной семой “межнациональная вражда”, “ОА с дифференциальной семой “межличностные отношения” и остаточный семантический класс “другие”.

Исследование особенностей семантики английских ОА свидетельствует о том факте, что оценка в семантике исследуемых единиц определяется с помощью двух типов актуализаторов оценки: этимология общей основы и культурно-исторический компонент. Результаты анализа соотношения положительно- и негативно-оценочных антропонимов свидетельствуют о значительном преимуществе положительно-оценочных (80,6 %) над негативно-оценочным (19,4 %) единицами в фонде английской АС. Преимущество антропонимов с положительно-оценочной семантикой наблюдается в рам-

ках всех семантических классов. Наиболее существенное преобладание положительно-оценочных антропонимов над негативно-оценочным обнаружено среди единиц семантического класса “аллюзивные ОА”. Семантический класс “ОА с дифференциальной семой “межличностные отношения” представлен только положительно-оценочными антропонимами, что объясняется происхождением большинства таких позитивно окрашенных имен от ласкательных форм обращения к человеку.

Пополнение проприальной лексики положительными оценками, которые указывают на соответствие норме, демонстрирует влияние на лексику прагматического фактора. Участники процесса номинации стремятся выбрать такое имя, которое бы наделило их ребенка желанными внутренними или внешними качествами, обращаясь при этом к именам с положительно-оценочным компонентом.

Оценочный английский антропонимикон характеризуется преимуществом единиц с рациональным типом оценки. Этот тип оценки является наиболее характерным для единиц классов “аллюзивные ОА”, “ОА с дифференциальной семой “внешность”, “ОА, указывающие на род деятельности и социальный статус”, “ОА, обозначающие черты характера и личностные качества”. Эмоциональный и смешанный тип оценки фиксируется в семантике отдельных антропонимов в пределах семантических классов “ОА сферы религии”, “ОА с дифференциальной семой “межнациональная вражда” и “ОА с дифференциальной семой “межличностные отношения”.

Результаты словообразовательного анализа языкового материала свидетельствуют о возможности выделения двух структурных типов ОА: однотемных (простых и производных) и двутемных, из которых самым продуктивным является структурный тип однотемных ОА. Преимущество в современном английском антропонимиконе однотемных имен можно объяснить прозрачностью их семантики и структурной простотой, что несколько упрощает процесс выбора имени для ребенка.

В результате исследования структурных особенностей ОА выявлены основные словообразовательные модели английских ОА: в системе однотемных непроеизводных имен это антропонимы, образованные от существительного и прилагательного; в системе однотемных производных имен это единицы, образованные от существительных, глаголов и основ сокращенных имен с добавлением гипокористических суффиксов. Группа двутемных ОА представлена единицами, образованными путем слияния основ существительных; прилагательного и существительного; глагола и существительного. Количественные данные анализа структуры единиц свиде-

тельствуют о преимуществе в английской антропонимической системе производных ОА, образованных путем отапеллятивного образования имени, то есть безаффиксным способом от существительных и прилагательных.

Среди производных ОА преобладают личные имена, образованные от существительных. По этой самой продуктивной модели образованы имена с дифференциальной семой “межличностные отношения”, личные имена, указывающие на социальный статус и род деятельности, а также некоторые имена сферы религии

Анализ специфики способов образования английских ОА свидетельствует о том, что основными путями пополнения антропонимикона оценочной лексикой является семантическая деривация, словообразовательные способы и заимствования. Самым продуктивным путем пополнения антропонимикона оценочными именами является семантическая деривация, основанная на метафорическом переносе (наделение объекта именования качествами и свойствами объектов природы, неодушевленных предметов, ассоциация имени объекта антропонимической номинации со свойствами абстрактных понятий). Значительный семантико-деривационный потенциал антропонимов является одной из их специфических характеристик, что выделяет их из системы общих имен.

ОА, которые возникли в антропонимическом фонде благодаря словообразовательным процессам, представленные сокращенно-производными ОА; ОА, образованными сложением основ и редуцированными ОА. Анализ фонда сокращенно-производных ОА по принадлежности к женской и мужской антропонимической номенклатуре обнаруживает определенную гендерную неоднородность среди современных дериватов. Количественный анализ оценочных антропонимических дериватов свидетельствует о том, что наиболее частотным типом первичной деривации как среди мужских, так и среди женских антропонимов является сокращение окончания имени или апокопы. Аферезис и синкопа представлены сравнительно небольшим количеством примеров среди женских ОА и отсутствуют в номенклатуре мужских ОА. Женские ОА, в отличие от мужских, демонстрируют больший деривационный потенциал. Зафиксировано гораздо больше женских вторичных дериватов с суффиксами *-ie*, *-i* (которые традиционно считаются женскими), чем с гипокористическими суффиксами *-y*, *-ey*, фоносемантика которых ассоциируется с мужскими оценочными номинациям.

Наблюдается общая гендерная тенденция использования дериватов вместо полных антропонимических форм, основанная на стремлении совре-

менного англоязычного общества создать более неформальную и благоприятную атмосферу общения, а также на восприятии гипокористиков как ласкательных форм именования, которые коннотируют положительную оценку на морфологическом уровне.

Характерные особенности ОА влияют на их функционирование в микро- и макроконтексте. Так, в художественном тексте ОА как экспрессивные единицы с большим смысловым потенциалом позволяют решить прагматические задачи коммуникации более эффективно, чем, например, соответствующие им имена нарицательные со стилистически нейтральной окраской. Своеобразие коннотативного значения английского антропонима проявляется и в том, что в конкретном акте его употребления в структуру лексического значения антропонимов вводятся социальная, историческая и литературная коннотации, которые, реализуясь в тексте художественного произведения, являются средствами достижения определенных художественных целей. Наряду с другими стилистическими средствами они выражают авторское позитивное или негативное отношение к фрагментам художественной реальности и способствуют созданию многогранного художественного образа литературного персонажа.

Представляется перспективным сопоставительный анализ и описание семантического, структурного и функционального аспектов ОА с привлечением разноструктурных языков, что позволит сопоставить ценностные приоритеты в процессе имяназвания разных народов. Актуальным также является диахроническое исследование, которое даст возможность изучить особенностей пополнения антропонимического состава языков оценочными единицами на разных этапах их развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автеньева Л. А. Корреляция предметно-логического и назывного значения антономасии в оригинале и переводе / Л. А. Автеньева, Т. В. Бакастова // Актуальные вопросы русской ономастики. – К. : УМК ВО, 1988. – С. 162–168.
2. Азнабаева А. Ф. Сопоставительная антропонимика: современное имянаречение в Башкирстане и Германии / А. Ф. Азнабаева. – Уфа, 2006. – 122 с.
3. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова / Э. С. Азнаурова. – Ташкент, Фан, 1973. – 405 с.
4. Алейникова Н. В. Закономерности функционирования антропонимов в художественном произведении : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Алейникова. – М., 1991. – 225 с.
5. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта-Наука, 2010. – 224 с.
6. Андриенко Е. Ю. Коммуникативно-прагматический потенциал собственных имен в научно-фантастическом тексте : автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е. Ю. Андриенко. – Одесса, 1992. – 17 с.
7. Антышев А. Н. Имена. Немецкие антропонимы / А. Н. Антышев. – Уфа : Изд-во Башк. гос. аграр. ун-та, 2001. – 238 с.
8. Апресян Р. Г. Рациональное и эмоциональное в морали / Р. Г. Апресян. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 156 с.
9. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Высшая школа, 1995. – 480 с.
10. Арнольд И. В. О возможности использования понятия квантования в стилистике / И. В. Арнольд // Вопросы английской контекстологии. – Вологда, 1974. – С. 3–11.
11. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : [сб. статей] / И. В. Арнольд. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 444 с.
12. Арутюнова Н. Д. Образ (опыт концептуального анализа) / Н. Д. Арутюнова // Референция и проблемы текстообразования. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
13. Арутюнова Н. Д. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
14. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.

15. Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры / Н. Д. Арутюнова // *Res philologica: Филологические исследования: Памяти академика Г. В. Степанова.* – М. : Наука, 1990. – С. 71–88.
16. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология.* – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
17. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М. : Либроком, 2009. – 296 с.
18. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 189 с.
19. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Либроком, 2009. – 398 с.
20. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1994. – 616 с.
21. Барт Р. Основы семиологии // *Структурализм: «за» и «против»* / Р. Барт. – М., 1975. – С. 70–170.
22. Барт Р. Текстовый анализ / Р. Барт // *Новое в зарубежной лингвистике.* – М. : Прогресс, 1980. – Вып. IX. – С. 307–312.
23. Беліцька Є. М. Конотонімізація онімів як лексико-семантичний процес : дис. ... кандидата філол. наук : 10.02.15 / Є. М. Беліцька. – Донецьк, 2000. – 185 с.
24. Беспалова А. В. Структурно-семантические модели эргонимов и их употребление в современном английском языке (на материале названий фирм, кооперативов и т.д.) : дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / А. В. Беспалова. – Одесса, 1984. – 181 с.
25. Беспалова А. В. Принципы и способы номинации в английской эргонимии / А. В. Беспалова // *Номинация и ономастика : [сб. науч. тр.]*. – Свердловск, 1991. – С. 158–167.
26. Бессонова О. Л. Оценка как семантический компонент лексического значения слова (на материале существительных-наименований лица в английском, французском и украинском языках) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.19 / О. Л. Бессонова. – Донецк, 1995. – 184 с.
27. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови : когнітивно-гендерні аспекти : [монографія] / О. Л. Бессонова. – Донецьк : ДонНУ, 2002. – 362 с.
28. Бестужев-Лада И. В. Исторические тенденции развития антропонимов / И. В. Бестужев-Лада // *Личные имена в прошлом, настоящем, будущем.* – М. : Наука, 1970. – С. 23–24.

29. Блисковский З. Д. Муки заголовка / З. Д. Блисковский. – М. : Книга, 1972. – 137 с.
30. Болотов В. И. К вопросу о значении имен собственных / И. В. Болотов // Восточно-славянская ономастика. – М. : Наука, 1972. – С. 336–346.
31. Бондалетов В. Д. Ономастика и социоллингвистика / В. Д. Бондалетов // Антропонимика : [сб. науч. ст.]. – М. : Наука, 1970. – С. 17–23.
32. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
33. Брендаль В. Структурная лингвистика / В. Брендаль. // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М. : Просвещение, 1965. – С. 94.
34. Буштян Л. М. Общеязыковая коннотация собственных имен в художественном произведении / Л. М. Буштян // Русский язык. – К., 1982. – Вып. 4. – С. 51–74.
35. Буштян Л. М. Стилистика и коннотация имени собственного / Л. М. Буштян // Тезисы докладов межобластной научно-практической конференции молодых ученых. – Одесса : ОГУ, 1983. – С. 63–72.
36. Буштян Л. М. К проблеме фонетической коннотации собственных имен в поэзии / Л. М. Буштян // Русская ономастика : [сб. научн. тр.]. – Одесса : ОГУ, 1984. – С. 118–124.
37. Буштян Л. М. Стилистическая коннотация: на материале русской советской поэзии : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Л. М. Буштян. – Одесса, 1985. – 203 с.
38. Буянова Л. Ю. Поэтический текст как мир виртуального: проблема эмотивности / Л. Ю. Буянова // Текст. Узоры ковра. – СПб. : Ставрополь, 2000. – Вып.4. – С.10–13.
39. Вакуров В. Н. Развитие эмоциональных значений и полиэмоциональность фразеологических единиц / В. Н. Вакуров // Филологические науки. – М., 1991. – № 6. – С. 74–82.
40. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева. – М. : Либроком, 2009. – 224 с.
41. Вахрушев В. С. Творчество Теккеря / В. С. Вахрушев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – С. 59–83.
42. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русское слово, 1996. – 412 с.
43. Вельмешева В. С. К изучению поэтической ономастики И. Ильфа и Е. Петрова (об антропонимах в записных книжках и в художественных произведениях писателей) / В. С. Вельмешева // Вопросы ономастики: Новая серия. – 1971. – № 214. – С. 72–85.

44. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 320 с.
45. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Либроком, 2009. – 280 с.
46. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1953. – 254 с.
47. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1959. – 255 с.
48. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 244 с.
49. Винокур В. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / В. Г. Винокур. – М. : Либроком, 2009. – 242 с.
50. Вопросы ономастики : [научный журнал]. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2004. – № 1. – 194 с.
51. Вульфсон Р. Е. Эмоционально-оценочная лексика и контекст / Р.Е. Вульфсон // Русский язык в школе. – 1991. – №4. – С. 33–35.
52. Гайдук И. В. Особенности функционирования антропонимов в английской и американской прессе : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.04 / И. В. Гайдук. – Воронеж, 2001. – 235 с.
53. Гак В. Г. Лексическое значение / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 261–263.
54. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В. Г. Гак // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М., 1979. – № 3. – С. 87–95.
55. Гальперин И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста / И. Р. Гальперин // Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. – С. 267–290.
56. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Либроком, 2009. – 144 с.
57. Гарагуля С. И. Имя личное в истории и культуре Великобритании и США / С. И. Гарагуля, Т. А. Комарова. – Белгород : Изд-во БелГТАСМ, 1998. – 72 с.
58. Гаранина Е. А. Юмористическая функция имен собственных в литературе для детей (на материале сказок для мультфильмов Г. Остера) / Е. А. Гаранина // Ономастика Поволжья. – М. : Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук, 1997. – С. 133–142.
59. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 351 с.

60. Гиляревский Р. С. Иностранные имена и названия в русском тексте / Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин. – М. : Высшая школа, 1985. – 302 с.
61. Гнаповская Л. В. Лингвокогнитивные и лингвокультурологические характеристики английских антропонимов германского происхождения : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Л. В. Гнаповская. – К., 1999. – 20 с.
62. Гоббс Т. Учение о теле / Т. Гоббс // Избранные сочинения. – М. : Мысль, 1991. – Ч. I. – 41 с.
63. Говердовский В. И. Коннотация как предмет изучения стилистики / В.И. Говердовский // Проблемы функциональной семантики : [межвуз. сб. науч. тр.]. – Пермь, 1981. – С. 14–19.
64. Говердовский В. И. Диалектика коннотации и денотации (взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) / В. И. Говердовский // Вопросы языкознания. – 1985. – № 2. – С. 71–79.
65. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русском языке / М. В. Голомидова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1998. – 225 с.
66. Горбаневский Н. В. В мире имен и наименований / Н. В. Горбаневский. – М. : Знание, 1987. – 208 с.
67. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе / Н. В. Горбаневский. – М. : Знание, 1988. – 87 с.
68. Гордиенко Т. А. Имя собственное в творческой лаборатории писателя (на материале романа М. Н. Алексеева «Вишневый омут») / Т. А. Гордиенко, В. П. Санжарова // Русская ономастика. – Одесса : Изд-во ОГУ, 1984. – С. 151–157.
69. Гражданская З. Т. От Шекспира до Шоу / З. Т. Гражданская. – М. : Просвещение, 1982. – С. 125–131.
70. Григорьев В. П. Ономастика Велимира Хлебникова: индивидуальная поэтическая норма / В. П. Григорьев // Ономастика и норма. – М. : Наука, 1976. – С. 200–208.
71. Григорьев В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – 343 с.
72. Гюббенет И. В. Топонимия в вертикальном контексте художественного произведения / И. В. Гюббенет. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 74 с.
73. Данилина Е. Ф. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имени в русском языке / Е. Ф. Данилина // Ономастика. – М. : Наука, 1969. – С. 146–161.
74. Добродомов И. Г. О надежности топонимических этимологий / И. Г. Добродомов // Этимология. – М. : Наука, 1982. – С. 93–102.

75. Евсеева М. Г. Особенности латентных семантических связей коннотативных значений поэтических номинаций / М. Г. Евсеева // Филологические исследования. – Донецк : Юго-Восток, 2000. – Вып. II. – С. 181–190.
76. Евсеева М. Г. Коннотативные особенности мотивации тематически маркированной лексики / М. Г. Евсеева // Филологические исследования. – Донецк : Юго-Восток, 2002. – Вып. V. – С. 43–49.
77. Елмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Елмслев. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.
78. Епурь В. Б. Дефиниция имен собственных в англоязычной лексикографии : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04. «Германские языки» / В. Б. Епурь. – Минск, 1988. – 19 с.
79. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р.Валент, 2001. – 198 с.
80. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : КомКнига, 2006. – С. 71–72.
81. Живоглядов А. А. Особые случаи перевода смысловых имен собственных (на материале перевода поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на английском языке) / А. А. Живоглядов // Теория и практика перевода. – К. : Высш. шк., 1982. – Вып. 7. – С. 60–72.
82. Жихарева О. О. Лінгвокультурологічні особливості ознакових слів в англійських текстах Євангелія : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. О. Жихарева. – К., 2004. – 19 с.
83. Зайцева К. Б. Английская стилистическая ономастика. Тексты лекций / К. Б. Зайцева. – Одесса, 1973. – 67 с.
84. Зайцева К. Б. Англичане / К. Б. Зайцева // Системы личных имен у народов мира. – М. : Наука, 1986. – С. 37–42.
85. Залевская А. А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений / А. А. Залевская // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 31–42.
86. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М : РГГУ, 2007. – 566 с.
87. Зеленин Д. К. Избранные труды по духовной культуре 1901–1913 гг. / Д. К. Зеленин. – М. : Индрик, 1994. – 317 с.
88. Зинин С. И. Из истории антропонимических терминов / С. И. Зинин // Антропонимика. – М. : Наука, 1970. – С. 24–26.
89. Зинин С. И. Антропонимический мир Гренландии. (Имена собственные в произведениях А. Грина) / С. И. Зинин // Восточно-славянская ономастика. Исследования и материалы. – М. : Наука, 1979. – С. 317–328.

90. Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии / И. В. Зыкова. – М. : УРСС, 2003. – 232 с.
91. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. Перевод. Язык. Культура / А. О. Иванов. – СПб : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 192 с.
92. Ивашко В. А. Как выбирают имена / В. А. Ивашко. – Минск, 1988. – 240 с.
93. Ивин А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.
94. Ивин А. А. Основы социальной философии : [учеб. пособ. для вузов] / А. А. Ивин. – М. : Высшая школа, 2005. – 440 с.
95. Калинин В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
96. Калинин В. М. Этюды о поэтике онимов в творчестве О. Мандельштама. IV. AETERNA URBS И Третий Рим / В. М. Калинин // Филологические исследования. – Донецк : Юго-Восток, 2002. – Вып. V. – С. 78–97.
97. Кам'янець В. М. Структурні, семантичні та функціональні особливості власних назв сучасної німецької мови : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / В. М. Кам'янець. – Львів, 2001. – 18 с.
98. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : КомКнига, 2010. – 264 с.
99. Карпенко О. Ю. Роль власних назв у когнітивній обробці та переробці інформації / О. Ю. Карпенко // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк : Донеччина, 2004. – № 9. – С. 58–69.
100. Карпенко О. Ю. Проблематика когнітивної ономастики : [монографія] / О. Ю. Карпенко. – Одеса : Астропринт, 2006. – 325 с.
101. Карпенко Ю. А. Семантическая группировка литературных антропонимов / Ю. А. Карпенко // Актуальные проблемы лексикологии. – Минск : Изд-во Белорусского университета им. Ленина, 1970. – С. 88–89.
102. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.
103. Касьяненко Н. Е. Отонимные окказионализмы и окказиональные онимы в русском языке : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Н. Е. Касьяненко. – Донецк, 1991. – 240 с.
104. Катермина В. В. Опыт коннотативного словаря русских и английских имен собственных / В. В. Катермина. – Краснодар, 1998. – 101 с.

105. Киселевский А. И. Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей / А. И. Киселевский. – Минск : Изд-во Белорусского университета им. Ленина, 1977. – 176 с.
106. Кисель О. В. Коннотативные аспекты семантики личных имен : дис. на кандидата филол. наук : 10.02.19 / О. В. Кисель. – Челябинск, 2009. – 183 с.
107. Круковер В. Л. Самые популярные имена мира / В. Л. Круковер. – М. : АСТ, Сталкер, 2006. – 416 с.
108. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : [монография] / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2004. – 288 с.
109. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : КомКнига, 2007. – 352 с.
110. Ковалев Г. Ф. Ономастические этюды: Писатель и имя : [монография] / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : ВГУ, 2002. – 275 с.
111. Ковалев Г. Ф. Этнос и имя / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : ВГУ, 2003. – 236 с.
112. Ковалева О. В. Роль образных средств в создании прагматического потенциала художественного текста / О. В. Ковалева // Некоторые вопросы общего и частного языкознания. – Пятигорск, 2001. – С. 210–218.
113. Кондратьева Т. Н. Метаморфозы собственного имени. Опыт словаря / Т. Н. Кондратьева. – Казань, 1983. – 110 с.
114. Космеда Т. А. Денотат, конотація й аксеосемантика у проєкції на лексико-семантичні відповідники російської на українській мов / Т. А. Космеда // Мовознавство. – 1997. – № 4 / 5. – С. 58–63.
115. Кресан О. Я. Функції композитної ономастичної структури в англійській художній прозі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. Я. Кресан. – Одеса, 2001. – 19 с.
116. Кубрякова Е. С. Общее языкознание (Внутренняя структура языка) / Е. С. Кубрякова, Г. П. Мельников, Т. В. Булыгина. – М. : Наука, 1972. – 568 с.
117. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 156 с.
118. Курдина (Сысоева) Е. С. Функционально-стилистический потенциал антропонимов в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» / Е. С. Курдина (Сысоева) // Сучасні проблеми та перспективи дослідження романсь-

ких і германських мов і літератур : VII міжвуз. конф., 27–28 січ. 2009 р. : матеріали доповідей. – Донецьк, 2009. – С. 150–153.

119. Курдина (Сысоева) Е. С. Антропонимы в жанре сатирического романа / Е. С. Курдина (Сысоева) // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання* : [наук. журнал]. – Донецьк : ДонНУ, 2009. – Т. 6. – № 2 (17). – С. 16–26.

120. Курдина (Сысоева) Е. С. Антропонимия в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» / Е. С. Курдина (Сысоева) // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових співробітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2007–2008 рр. – Донецьк : Цифрова типографія, 2009. – Т. 2. : Суспільно-гуманітарні науки. – С. 66–67.

121. Курдина (Сысоева) Е. С. Коннотативная специфика семантики личных имен в английском языке / Е. С. Курдина (Сысоева) // *Сучасні проблеми та перспективи дослідження романських і германських мов і літератур* : VIII міжвуз. конф., 27–28 січ. 2010 р. : матеріали доповідей. – Донецьк, 2010. – С. 80–92.

122. Курдина (Сысоева) Е. С. Семантико-словообразовательные особенности оценочных антропонимов с дифференциальной семой «внешность» / Е. С. Курдина (Сысоева) // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання* : [наук. журнал / відп. ред. В. Д. Каліущенко]. – Донецьк : ДонНУ, 2010. – Т. 7. – № 3 (21). – С. 22–37.

123. Курдина (Сысоева) Е. С. Особенности имянаречения в английском языке / Е. С. Курдина (Сысоева) // *Компаративістика і типологія в сучасній лінгвістичній науці: здобутки і проблеми: ІХ міжнар. семінар* : матеріали семінару. – Донецьк, 2010. – С. 38–40.

124. Курдина (Сысоева) Е. С. Концептуальная модель антропонимической номинации в английском языке / Е. С. Курдина (Сысоева) // *Сучасні проблеми та перспективи дослідження романських і германських мов і літератур* : ІХ міжвуз. конф., 26–27 січ. 2011 р. : матеріали доповідей. – Донецьк, 2011. – С. 87–89.

125. Курдина (Сысоева) Е. С. Лингвосоциальные характеристики личного имени / Е. С. Курдина (Сысоева) // *Каразінські читання : Людина. Мова. Комунікація* : X наук. конф., 4 лют. 2011 р. : тези доповідей. – Харків, 2011. – С. 161–163.

126. Курдина (Сысоева) Е. С. Семантика аллюзивных оценочных личных имен в английской антропонимической системе / Е. С. Курдина (Сы-

соева) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна : Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов : [наук. журнал / відп. ред. І. С. Шевченко]. – Харків, 2011. – Вип. 65. – № 953. – С. 154–161.

127. Курдина (Сысоева) Е. С. Факторы влияния на семантику английских оценочных антропонимов / Е. С. Курдина (Сысоева) // Компаративистика і типологія в сучасній лінгвістичній науці : здобутки і проблеми : Х міжнар. семінар : матеріали семінару. – Донецьк, 2011. – С. 61–64.

128. Курдина (Сысоева) Е. С. Семантика английских оценочных антропонимов, обозначающих род деятельности и социальный статус / Е. С. Курдина (Сысоева) // Матеріали наукової конференції професорсько-викладацького складу, наукових співробітників і аспірантів Донецького національного університету за підсумками науково-дослідної роботи за період 2009–2010 рр. – Донецьк : Цифрова типографія, 2011. – Т. 2. : Суспільно-гуманітарні науки. – С. 104.

129. Курилович Е. С. Очерки по лингвистике / Е. С. Курилович. – М. : Тривиум, 2000. – 490 с.

130. Леонович О. А. В мире английских имен / О. А. Леонович. – М. : АСТ, Астрель, 2002. – 160 с.

131. Леонтьев А. А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности / А. А. Леонтьев // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. – Т. 1. – С. 92–100.

132. Лидин Р. А. Иностранные фамилии и личные имена. Практика транскрипции на русский язык : [справочник] / Р. А. Лидин. – М. : Толмач, 2006. – 480 с.

133. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 270 с.

134. Лосев А. Ф. Проблема вариативного функционирования поэтического языка / А. Ф. Лосев // Имя. – СПб. : Университетская книга, 1997. – С. 355–389.

135. Лукаш Г. П. Актуальні питання української конотоніміки: [монографія] / Г. П. Лукаш. – Донецьк : ТОВ “Видавничо-поліграфічне підприємство “ПРОМІНЬ”, 2011. – 438 с.

136. Лукаш Г. П. Український конотонімікон: структура і чинники формування : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня док. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Г. П. Лукаш. – Київ, 2011. – 36 с.

137. Лукьянова Н. А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц / Н. А. Лукьянова // Экспрессивность лексики и фразеологии. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1983. – С. 12–42.

138. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 227 с.
139. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
140. Луценко Н. А. Теория языка и поэтическое ударение XVIII века / Н. А. Луценко // XVIII век: язык, жанр, стих. – Донецк : ДонГУ, 1996. – С. 2–17.
141. Магазанник Э. Б. О прототипах и протонимах / Э. Б. Магазанник // Труды Самаркандского государственного университета. – Самарканд : Изд-во Самарканд. ун-та, 1964. – С. 49–53.
142. Магазанник Э. Б. Ономопозитика, или «говорящие» имена в литературе / Э. Б. Магазанник. – Ташкент : Фон, 1978. – 148 с.
143. Маковский М. М. Лингвистическая генетика / М. М. Маковский. – М. : Высш. шк., 1992. – 248 с.
144. Малащенко М. В. Имя в парадигмах лингвопрагматики / М. В. Малащенко. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2003. – 210 с.
145. Маслова В. А. К построению психолингвистической модели коннотации / В. А. Маслова // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 108–120.
146. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2010. – 208 с.
147. Мельник Л. В. Культурно-національна конотація українських фразеологізмів : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Л. В. Мельник. – Одеса, 2001. – 19 с.
148. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. взаимосвязь структуры языка и ментальности / А. А. Мельникова. – СПб. : Речь, 2003. – 320 с.
149. Милашевич О. А. Текстобразующая функция вариативных способов именованья персонажей (на материале произведений У. М. Теккерея) / О. А. Милашевич // Вісник Донецького університету. Сер. Б : Гуманітарні науки, 2003. – Вип. 1. – С. 76–81.
150. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной / Дж. Ст. Милль. – М. : Ленанд, 2011. – 832 с.
151. Михайлов В. Н. Антология поэтонимологической мысли / В. Н. Михайлов. – Донецк : Юго-Восток, 2008. – 418 с.
152. Мезенин С. М. Стилистическая функция личных имен в драматических произведениях В. Шекспира / С. М. Мезенин // Вопросы теории английского языка. – М., 1975. – Вып. 2. – С. 39–52.

153. Мокиенко В. М. О собственном имени в составе фразеологии / В.М. Мокиенко. – М. : Наука, 1980. – С. 57–67.
154. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1980. – 270 с.
155. Мурнаева Е. Н. Имена собственные и их производные в современных англоязычных словарях : автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е. Н. Мурнаева. – СПб., 1993. – 17 с.
156. Мурясов Р. З. Словообразование и теория номинации / Р. З. Мурясов // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 39–53.
157. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова / Е. Ю. Мягкова. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 187 с.
158. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Либроком, 2009. – 170 с.
159. Никольская Т. Е. Ассоциативное поле имени личного / Т. Е. Никольская // Семантика языковых единиц. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – Т. II. – С. 187–190.
160. Никонов В. А. Задачи и методы антропонимики / В. А. Никонов // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М., 1970. – 75 с.
161. Никонов В. М. Коннотативное слово (фразаема) в языке и прагматико-коммуникативный акт / В. М. Никонов // Коммуникативно-прагматическая семантика : [сб. научн. тр.]. – Вологоград, 2000. – С. 82–95.
162. Новиков Л. А. Избранные труды // Эстетические аспекты языка. Miscellanea / Л. А. Новиков. – М. : Изд. Рос. ун-та дружбы народов, 2001. – Т. II – 844 с.
163. Обухова Е. С. Ономастика лицейской лирики А. С. Пушкина / Е. С. Обухова. – Воронеж : ВГУ, 2005. – 208 с.
164. Олійник Т. С. Семантичні та функціональні характеристики символічних власних імен в сучасній англійській мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Т. С. Олійник. – К., 2001. – 14 с.
165. Отин Е. С. Лингвострановедческий аспект изучения русских антропонимов и антропонимных формул в иноязычной аудитории / Е. С. Отин // Материалы II Международного семинара «Славянская культура в современном мире». – К., 1991. – С. 65–66.
166. Отин Е. С. Семантическое и словообразовательное освоение в русском языке имен персонажей западно-европейской литературы (из словаря собственных имен, развивших референтне коннотации) / Е. С. Отин. –

Античность XX век: проблемы изучения литературы и языка. – Донецк : ДонГУ, 1996. – С. 172–186.

167. Отин Е. С. Типология коннотативных онимов и их производных / Е. С. Отин // Українська пропріальна лексика: матеріали наукового семінару, 13–14 вер. 2000 р. – К.: Кий, 2000. – С. 122–128.

168. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк : ООО «Юго – Восток, ЛТД», 2004. – 412 с.

169. Павлова Н. М. Условия и закономерности развития актуальных смыслов слова / Н. М. Павлова // Семасиологические исследования. – Ростов-на Дону, 1983. – С. 3–4.

170. Пелевин Н. Ф. Коннотация и контекст / Н. Ф. Пелевин // Вопросы семантики. – Калининград, 1983. – С. 119–123.

171. Пименова М. В. Семантика языковой ментальности и импликации / М. В. Пименова // Филологические науки. – М., 1999. – № 4. – С. 52–56.

172. Пищальникова В. А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста / В. А. Пищальникова. – Барнаул, 1984. – 59 с.

173. Платон. Кратил, или о правильности имен / Платон // Сочинения. – М. : Мысль, 1968. – Т. I. – С. 413–491.

174. Подольская Н. В. Проблема ономастического словообразования (к постановке вопроса) / Н. В. Подольская // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 40–53.

175. Попова З. Д. Лексическая система языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Либроком, 2011. – 176 с.

176. Потапенко С. І. Сучасний англомовний медіа-дискурс : лінгвокогнітивний і мотиваційний аспекти: [монографія] / С. І. Потапенко. – Ніжин: Вид-во Ніжинського НДУ імені Гоголя, 2009. – 391 с.

177. Потапова Р. К. Коннотативная паралингвистика / Р. К. Потапова. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 127 с.

178. Постникова О. А. Антропонимическая символика в англоязычной культуре : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / О. А. Постникова. – СПб., 2009. – 21 с.

179. Разинкина Н. М. Стилистика английской научной речи. Элементы эмоционально-субъективной оценки / Н. М. Разинкина. – М. : Высш. шк., 1972. – 153 с.

180. Ревзина О. Г. О понятии коннотации / О. Г. Ревзина // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. – М., 2001. – С. 436–445.

181. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 536 с.

182. Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках: романская и русская антропонимика / Ю. А. Рылов. – М. : АСТ, Восток – Запад, 2006. – 320 с.

183. Сапожникова О. С. К семантической систематизации коннотативных значений / О. С. Сапожникова // Филологические науки. – 2003. – № 2. – С. 70–78.

184. Семенова Т. И. Детерминация имен собственных личных в современном английском языке : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т. И. Семенова. – М., 1990. – 17 с.

185. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики : [уч. пособ. для студентов и аспирантов филологических специальностей] / Ю. М. Скребнев. – Горький, 1975. – 182 с.

186. Сисоєва Є. С. Особливості лексикографічної репрезентації оцінного значення англійських антропонімів / Є. С. Сисоєва // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання* : [наук. журнал / відп. ред. В.Д. Каліущенко]. – Донецьк, 2012. – Т.9. – № 3 (27). – С. 103–112.

187. Сисоєва Є. Загальна семантична характеристика англійських оцінних антропонімів / Є. Сисоєва // *Лінгвістичні студії*. – Донецьк : ДонНУ, 2013. – Вип. 26. – С. 219–224.

188. Сисоєва Є. С. Оцінний компонент значення антропонімічних одиниць / Є. С. Сисоєва // *Нова філологія*. – Запоріжжя : ЗНУ, 2013. – № 55. – С. 183–187.

189. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : ЛКИ, 2009. – 370 с.

190. Смирницкий А. И. Значение слова / А. И. Смирницкий // *Вопросы языкознания*. – 1995. – № 2. – С. 79–89.

191. Смирнов О. К. Имя собственное в художественной литературе и специфика его перевода / О. К. Смирнов. – Одесса : Изд-во Одесского государственного университета, 1991. – 202 с.

192. Соссюр де Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – С. 199–203.

193. Ступин Л. П. Лексикография английского языка / Л. П. Ступин. – М. : Высш. шк., 1985. – 168 с.

194. Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сэпир. – М. : Прогресс, 1993. – 658 с.

195. Таич Р. У. Антропонимия сатирического текста (на материале произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина) : [конспект лекций] / Р. У. Таич. – Черновцы, 1974. – 48 с.
196. Телия В. Н. Типы языковых значений / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 239 с.
197. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 269 с.
198. Теория и методика ономастических исследований / [А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов]. – Либроком, 2009. – 258 с.
199. Толстой Н. И. Язык и народная культура / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1995. – 374 с.
200. Толстой Н. И. Славянская лексикология и семасиология / Н. И. Толстой. – М. : Языки русской литературы, 1997. – 520 с.
201. Томахин Г. Д. Теоретические основы лингвострановедения: на материале лексических американизмов английского языка : автореф. дис. на соискание науч. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Г. Д. Томахин. – М., 1984. – 32 с.
202. Травничек Фр. Грамматика чешского литературного языка / Фр. Травничек. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1950. – 466 с.
203. Трипольская Т. А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица) : дис. ... кандидата филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языкознания” / Т. А. Трипольская. – Новосибирск, 1984. – 266 с.
204. Тульнова М. А. Социокультурная коннотация слова в контексте иллюстративного примера словарной статьи / М. А. Тульнова // Языковая личность: проблемы креативной семантики. – Волгоград, 2000. – С. 84–90.
205. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 198–226.
206. Фатыхова Л. Т. Имя собственное: аспекты изучения / Л. Т. Фатыхова // III Международные Бодуэновские чтения: труды и материалы. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т. 1. – С. 28–30.
207. Федоров В. В. Поэтический мир и творческое бытие / В. В. Федоров. – Донецк : Кассиопея, 1998. – 77 с.
208. Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации / А. В. Филиппов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 1. – С. 57–63.
209. Флоринский П. А. Имена / П. А. Флоринский. – Х. : Фолио: М. : АСТ, 2000. – 439 с.

210. Фонякова О. И. О системе анализа имени собственного в художественном тексте / О. И. Фонякова // Проблемы комплексного анализа языка и речи. – Л. : ЛГУ, 1990. – С. 83–89.

211. Фрост С. Г. Лингвокультурологический аспект исследования коннотаций (на примере коннотаций существительных тематической группы “семья”) : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языкознания” / С. Г. Фрост. – Челябинск, 2006. – 19 с.

212. Хиддекель С. С. Природа и характер языковых оценок / С. С. Хиддекель, Г. Г. Кошель // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1983. – С. 11–16.

213. Чернобров А. А. Ассоциативный словарь английских личных имен / А. А. Чернобров. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1994. – 98 с.

214. Чернобров А. А. Лингвострановедческий анализ английских личных имен : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.19 / А. А. Чернобров. – М., 1994. – 219 с.

215. Чурсина И. С. Развитие антропонимикона английского языка (морфонологический и социокультурный аспекты) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.04 / И. С. Чурсина. – Тула, 2002. – 202 с.

216. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1987. – 178 с.

217. Шаховский В. И. О взаимодействии концепций в лингвистике эмоций / В. И. Шаховский // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. – Харьков, 1991. – С. 312–322.

218. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 20–25.

219. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

220. Швачко С. О., Баранова С. В., Кобякова І. К., Медвідь О. М., Чернюк Н. І. Засоби квантифікації: лінгвокогнітивні аспекти [монографія] / За редакцією проф. С. О. Швачко. – Суми: Вид-во СумДУ, 2007. – 203 с.

221. Шеремет Л. Г. Значение и стилистический потенциал английских имен собственных (именования людей) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.04 / Л. Г. Шеремет. – Л., 1984. – 198 с.

222. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

223. Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи: Очерки об именах / Л. М. Щетинин. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1966. – 222 с.

224. Щетинин Л. М. Русские имена (очерки по донской антропонимике) / Л. М. Щетинин. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1972. – 230 с.
225. Bach A. Deutsche Namenkunde / A. Bach. – Heiderberg, 1952. – 312 s.
226. Baiker M. G. Onomastics and Zamiatin's "We" / M. G. Baiker // Canadian-American Slavic Studies. – Ottawa, 1977. – Vol. 11. – P. 551–560.
227. Barry H. Computers and Research on Personal Names / H. Barry // Journal of the American Name Society. – 1995. – Vol. 43. – No 4. – P. 189–201.
228. Bebbington G. London Street Names / G. Bebbington. – Lnd, 1972. – 214 p.
229. Blonar V. Studia Onomastica / V. Blonar, K. Hengst, E. Eichler. – Leipzig, 1979. – 251 p.
230. Bod R. Probabilistic Linguistics / R. Bod, J. Hay, S. Jannedy. – Lnd, England : The MIT Press, 2003. – 451 p.
231. Bolinger D. Degree words / D. Bolinger. – The Hague : Mouton, 1972. – 324 p.
232. Bolinger D. Aspects of language / D. Bolinger. – N.Y. : Harcourt, Brace, Jovanovich, 1975. – 682 p.
233. Burge T. Reference and Proper Names / T. Burge // The Journal of Philosophy. – 1973. – Vol. LXX. – No. 14. – P. 425–439.
234. Cameron K. English Place Names / K. Cameron. – L. : Batsford, 1961. – 110 p.
235. Chafe W. Meaning and structure of language / W. Chafe. – Chicago; L. : Univ. of Chicago press, 1971. – 360 p.
236. Chapman R. Linguistics and literature: an introduction to literary stylistics / R. Chapman. – Lnd. : Edward Arnold, 1973. – 119 p.
237. Culleton C. A. Names and Naming in Joyce / C. A. Culleton. – Madison, 1994. – 148 p.
238. Curme G. O. English Grammar. The Principles and Practice of English Grammar Applied to Present-Day Usage / G. O. Curme. – N. Y. : Barnes & Nobble, 1996. – 308 p.
239. Davison A. Linguistic or pragmatic description in the context of the performadox / A. Davison // Linguistics and Philosophy. – 1983. – Vol. 6. – P. 499–526.
240. Dunkling L. The Guinness Book of Names / L. Dunkling. – Lnd, 1993. – 255 p.
241. Ehrlich E. What's in a Name? How Proper Names Became Everyday Words / E. Ehrlich. – N.Y. : Henry Holt and Company, 1999. – 238 p.

242. Evans C. K. *Common American Given Names of the Twentieth Century: a Preliminary Analysis by Decades* / C. K. Evans // *Onoma*. – N.Y., 2003. – Vol. 38. – P. 217–234.
243. Gardiner A. H. *The theory of proper names. A controversial essay* / A. H. Gardiner. – Lnd, 1940. – 67 p.
244. Horst N. *Das kleine Vornamenbuch* / N. Horst. – Leipzig, 1970. – 176 S.
245. Joseph J. E. *Language and Identity National, Ethnic, Religious* / J. E. Joseph. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2004. – 268 p.
246. King D. *Making Americans. Immigration, Race, and the Origins of the Diverse Democracy* / D. King. – L. : Harvard University Press, 2000. – 388 p.
247. Kripke S. *Semantical Considerations on Modal Logic* / S. Kripke // *Acta Philosophica Fennica*. – Oxford, 1971. – Vol. 16. – P. 83–94.
248. Kurdina (Sysoeva) Eu. *Semantic peculiarities of proper names with connotative potential* / Eu. Kurdina (Sysoeva) // *English Learning in the Long-life Education : XV TESOL Ukraine National Conference : book of abstracts*. – Rivne, 2010. – P. 28.
249. Kurdina (Sysoeva) Eu. *Evaluation as a meaning component of English anthroponyms* / Eu. Kurdina (Sysoeva) // *Language, Education and Career : I TESOL Ukraine International Conference : book of abstracts*. – Sevastopol, 2011. – P. 37.
250. Lawson E. *On English Personal Names* / E. Lawson // *In Internationaler Kongress fur Namengebung*, 1984. – S. 141–150.
251. Lieberman S. F. *A Matter of Taste: How Names, Fashions, and Culture Change* / S. F. Lieberman. – New Haven, L. : Yale University Press, 2000. – 334 p.
252. Long R. B. *The Grammar of English Proper Names* / R. B. Long // *Names*. – N. Y., 1969. – Vol. XVII. – No. 2. – P. 107–126.
253. Mathews G. *Global Culture. Individual Identity: Searching for Home in the Cultural Supermarket* / G. Mathews. – L. : Routledge, 2000. – 228 p.
254. Moncur A. *Why didn't Monica change her moniker?* / A. Moncur // *The Gardian*, February 2, 1998.
255. Nicolaisen W. F. H. *Are There Connotative Names?* / W. F. H. Nicolaisen // *Names*. – Canada, 1978. – Vol. 26. – P. 40–47.
256. Nuessel F. H. *The Study of Names: A Guide to the Principles and Topics* / F. H. Nuessel. – Westport, Connecticut, L. : Greenwood Press, 1992. – 154 p.
257. Pulgram E. *Theory of Names* / E. Pulgram. – Berkeley, 1984. – 49 p.

258. Searle J. R. What is a speech act? / J. R. Searle // *Philosophy in America*. – Max Black : London, 1965. – P. 221–239.
259. Searle J. R. The Problem of Proper Names / J. R. Searle // *Semantics. An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology*. – Cambridge : The University Press, 1991. – P. 134–141.
260. Selten B. The Anglo-Saxon Heritage in Middle English Personal Names (East-Anglia 1110 – 1399) / B. Selten. – Lund, 1972. – 257 p.
261. Shore B. Culture in Mind: Cognition, Culture, and the Problem of Meaning / B. Shore. – New York, Oxford : Oxford University Press, 1996. – 118 p.
262. Simmonds F. N. Naming and Identity / F.N. Simmonds // *Reconstructing Womanhood, Reconstructing Feminism. Writings on Black Women* / Edited by D. Jarett-Macauley. – L., N.Y. : Routledge, 1996. – P. 109–115.
263. Sloat C. Proper Nouns in English / C. Sloat // *Language*. – 1969. – Vol. 45. – No. 1. – P. 26–30.
264. Smith A. H. English Place-Name Elements / A. H. Smith. – London, 1956. – 129 p.
265. Srensen H. S. The Meaning of Proper Names / H. S. Srensen. – Copenhagen : G.E.C. Gad Publisher, 1996. – 117 p.
266. Stebbing L. S. A modern elementary logic / L. S. Stebbing. – London : University Paperbacks, 1952. – 214 p.
267. Stern G. Meaning and change of meaning / G. Stern. – Goteborg, 1931 – 320 p.
268. Storm H. Old English personal names in Bede's history: an etymological-phonological investigation / H. Storm. – Lund, 1939. – 147 p.
269. Strawson P. F. Intension and convention in speech acts / P. F. Strawson // *The Philosophical Review*. – 1964. – Vol. LXXIII. – 4. – P. 439–460.
270. Sweet H. The Indispensable Foundation: a Selection from the Writings of Henry Sweet / H. Sweet. – Oxford University Press, 1971. – 329 p.
271. Tamura E. H. Americanization, Acculturation, and Ethnic Identity. The Nisei Generation in Hawaii / E. H. Tamura. – Urbana, Chicago : University of Illinois Press, 1994. – 328 p.
272. Trillin C. The Tummy Trilogy / C. Trillin. – Farrar, Strau and Giroux, 1994. – 400 p.
273. Utley F. L. The Linguistic Component of Onomastics / F. L. Utley // *Names*. – N.Y., 1993. – Vol. II. – No. 3. – P. 145–176.
274. Volec B. Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian / B. Volec. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins publishing company, 1987. – 270 p.

275. Woodward K. Understanding Identity / K. Woodward. – L. : Arnold, 2002. – 184 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

276. Апресян Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь : [в 3-х т.] / Ю. Д. Апресян. – 6-е изд., стер. – М. : Русский язык, 2001. – 2496 с.

277. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

278. Большой энциклопедический словарь / [И. Лапина, Е. Маталина, Р. Секачев, Е. Троицкая, Л. Хайбуллина, Н. Ярина]. – М. : АСТ, 2008. – 1248 с.

279. Мелетинский Е. М. Мифологический словарь / Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 672 с.

280. Мифологический словарь / [И. Н. Лосева, Н. С. Капустин, О. Т. Кирсанова, В. Г. Тахтамышев]. – Феникс, 1999. – 576 с.

281. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М. : Современный литератор, 2003. – 976 с.

282. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 198 с.

283. Рум А. Р. У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь / А. Р. У. Рум, Л. В. Колесников, Г. А. Пасечник. – М. : Русский язык, 1978. – 480 с.

284. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен / А. И. Рыбакин. – М. : Русский язык, 1989. – 221 с.

285. Суперанская А. В. Словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. – М., 2005. – 376 с.

286. Суперанская А. В. Словарь русских имен / А. В. Суперанская. – М. : Эскмо, 2005. – 554 с.

287. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

288. Butler A. Butler's Lives of the Saints / A. Butler, H. J. Thurston, D. Attwater. – Christian Classics, 1954. – 1954 p.

289. Collins English Dictionary and Thesaurus. – Harper Collins, 2011. – 990 p.

290. Dictionary of English Language and Culture. – L. : Longman, 1992. – 1531 p.

291. Crowder J. Guide to British and American Culture / J. Crowder. – Oxford : University Press, 2001. – 596 p.

292. Delahunty A. Oxford Dictionary of Nicknames / A. Delahunty. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 230 p.
293. Dickson P. A Collector's Compendium of Rare and Unusual, Bold and Beautiful, Odd and Whimsical Names / P. Dickson. – N. Y. : Delacorte Press, 1986. – 284 p.
294. Freedman T. The Wordsworth Dictionary of First Names / T. Freedman, I. Maclead. – Herefordshire : Wordsworth Editions LTD, 1997. – 254 p.
295. Gottschald M. Deutsche Namenkunde / M. Gottschald. – Berlin, N.Y., 1987. – 667 S.
296. Hanks P. A Dictionary of First Names / P. Hanks, F. Hodges. – Oxford, N.Y. : Oxford University Press, 1996. – 444 p.
297. Hayward A. L. The Dickens Encyclopedia / A. L. Hayward. – London : Routledge and Kegan Paul Ltd., 1969. – 509 p.
298. Macmillan English Dictionary. – London : Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1675 p.
299. Rybakin A. I. A Dictionary of British Surnames / A. I. Rybakin. – Moscow : Russkiy Yazyk Publishers, 1986. – 576 p.
300. Simpson J. Oxford English Dictionary. Second edition. Twenty volumes / J. Simpson, F. Weiner. – Clarendon Press, 1989. – 21789 p.
301. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. – Chicago : A Merriam-Webster, 1993. – 3136 p.
302. Withycombe E. G. The Oxford Dictionary of English Christian Names / E. G. Withycombe. – Oxford : Oxford University Press, 1971. – 400 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

303. Bates H. E. Oh! To be in England / H. E. Bates. – Penguin Books, 1977. – 143 p.
304. Drabble M. Jerusalem the Golden / M. Drabble. – Penguin Books LTD, 2006. – 208 p.
305. Fowles Jh. The French Lieutenant's Woman / Jh. Fowles. – Vintage, 1996. – 448 p.
306. Fowles Jh. The Ebony Tower / Jh. Fowles. – Back Bay Books, 1999. – 313 p.
307. Grisham J. The King of Torts / J. Grisham. – L. : Arrow Books, 2003. – 490 p.
308. Hoffman E. Lost in Translation. A Life in a New Language / E. Hoffman. – N.Y. : Penguin Books, 1989. – 280 p.

309. Morrison T. Song of Solomon / T. Morrison. – Alfred Knopf, 1987. – 337 p.
310. Poe E. A. Great Tales and Poems / E. A. Po. – Simon & Schuster, 2007. – 432 p.
311. Steinbeck J. East of Eden / J. Steinbeck. – Centennial Edition, 2002. – 601 p.
312. Steinbeck J. Of Mice and Men / J. Steinbeck. – Covici Friede, 1937. – 107 p.
313. Thackeray W. Vanity Fair / W. Thackeray. – Oxford : University Press, 1994. – 768 p.
314. Updike J. Rabbit, Run / J. Updike. – Ballantine Books, 1996. – 272 p.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Автеньева Л. А. 8
Азнабаева А. Ф. 156
Азнаурова Э. С. 9, 28, 31
Алейникова Н. В. 8, 21, 108
Алефиренко Н. Ф. 61
Андриенко Е. Ю. 8, 136
Антышев А. Н. 31
Апресян Р. Г. 9, 25
Апресян Ю. Д. 9, 149
Арнольд И. В. 24, 28, 165
Арутюнова Н. Д. 9, 23, 24
Аскольдов С. А. 32
Ахманова О. С. 9, 64
Бабенко Л. Г. 28
Балли Ш. 27, 28
Барт Р. 9, 27, 28
Беліцька Є. М. 7, 8, 15, 16, 28, 45, 58
Беспалова А. В. 55
Бессонова О. Л. 9, 22, 23, 24, 26
Бессонова О. Л. 23
Бестужев-Лада И. В. 55
Блисковский З. Д. 14
Болотов В. И. 20, 32
Бондалетов В. Д. 49
Брендаль В. 14
Буштян Л. М. 8, 28, 29, 32
Буянова Л. Ю. 8
Вакуров В. Н. 9
Васильева Н. В. 8, 156
Вахрушев В. С. 156
Вежбицкая А. 9, 23
Вельмешева В. С. 8
Верещагин Е. М. 18, 19, 20, 42, 57, 58
Вольф Е. М. 7, 23
Виноградов В. В. 9, 22, 137
Винокур В. Г. 27, 28
Вульфсон Р. Е. 9
Гайдук И. В. 72, 122
Гак В. Г. 9, 27, 28, 73
Гальперин И. Р. 9
Гарагуля С. И. 55
Гаранина Е. А. 8
Гаспаров Б. М. 25
Гиляревский Р. С. 9
Гнаповская Л. В. 55, 143
Гоббс Т. 17, 25
Говердовский В. И. 8, 24
Голомидова М. В. 42, 50
Горбаневский Н. В. 8, 136
Гордиенко Т. А. 136
Гражданская З. Т. 137
Григорьев В. П. 136, 137
Гюббенет И. В. 8, 156
Данилина Е. Ф. 164
Добродомов И. Г. 55
Евсеева М. Г. 8
Елмслев Л. 27, 28
Епурь В. Б. 131
Ермолович Д. И. 8, 29, 30, 31, 44, 46, 50, 122, 156
Есперсен О. 14, 127
Живоглядов А. А. 8, 95

Жихарева О. О. 104
Зайцева К. Б. 8, 71, 81, 95, 96, 103, 108, 111, 131
Залевская А. А. 8, 28
Зеленин Д. К. 20
Зинин С. И. 8
Зыкова И. В. 8
Иванов А. О. 137
Ивашко В. А. 8
Ивин А. А. 9, 22, 24, 25
Калинкин В. М. 71, 137
Кам'янець В. М. 55
Караулов Ю. Н. 28
Карпенко О. Ю. 8, 14
Карпенко Ю. А. 8, 136
Касьяненко Н. Е. 8
Катермина В. В. 8, 30
Киселевский А. И. 33
Кисель О. В. 8, 28, 29, 31, 41, 42, 43, 45, 46, 48, 49, 51, 56
Круковер В. Л. 55
Крюкова И. В. 55
Кобозева И. М. 28
Ковалев Г. Ф. 8
Ковалева О. В. 8
Комарова Т. А. 55
Кондратьева Т. Н. 14
Космеда Т. А. 8
Костомаров В. Г. 18, 19, 20, 42, 57, 58
Кресан О. Я. 8
Кубрякова Е. С. 9
Курдина (Сысоева) Е. С. 38, 58, 60
Курилович Е. С. 14, 55
Леонович О. А. 55
Леонтьев А. А. 27, 28
Лидин Р. А. 55
Лосев А. Ф. 8, 55
Лукаш Г. П. 8, 23, 28
Лукьянова Н. А. 8, 28
Лурия А. Р. 7
Луценко Н. А. 137
Магазанник Э. Б. 78, 137, 149
Маковский М. М. 137
Малашенко М. В. 55
Маслова В. А. 8
Мельник Л. В. 8
Мельникова А. А. 8
Милашевич О. А. 8, 137, 146
Милль Дж. Ст. 14, 17, 18
Михайлов В. Н. 8, 136, 137
Мезенин С. М. 8
Мокиенко В. М. 8, 14
Мурнаева Е. Н. 65
Мурясов Р. З. 49
Мягкова Е. Ю. 8
Никитин М. В. 15
Никольская Т. Е. 21, 22
Никонов В. А. 8, 50, 140, 158
Никонов В. М. 8
Новиков Л. А. 28
Обухова Е. С. 137
Олійник Т. С. 28, 614
Отин Е. С. 7, 8, 28, 30, 45, 58, 68
Павлова Н. М. 8
Пелевин Н. Ф. 8
Пименова М. В. 8

Пищальникова В. А. 137
 Платон 17
 Подольская Н. В. 8, 66, 73
 Попова З. Д. 9
 Потапенко С. И. 9
 Потапова Р. К. 8
 Постникова О. А. 23, 29
 Разинкина Н. М. 9
 Ревзина О. Г. 8
 Реформатский А. А. 8, 14, 138
 Рылов Ю. А. 48, 50, 84
 Санжарова В. П. 136
 Сапожникова О. С. 27, 48
 Семенова Т. И. 55, 88
 Скребнев Ю. М. 28
 Сисоева Е. С. 58
 Суперанская А. В. 8, 18, 20, 21, 41,
 42, 46, 49, 50, 51, 55, 56, 96
 Смирницкий А. И. 27
 Смирнов О. К. 8
 Соссюр де Ф. 17
 Старостин Б. А. 9
 Стернин И. А. 9
 Ступин Л. П. 14
 Сэпир Э. 23, 127
 Таич Р. У. 8, 138, 140, 147
 Телия В. Н. 7, 23, 24, 27, 56, 129
 Толстой Н. И. 9
 Томахин Г. Д. 115
 Травничек Фр. 14
 Трипольская Т. А. 9
 Тульнова М. А. 27
 Тынянов Ю. Н. 136
 Фатыхова Л. Т. 31
 Федоров В. В. 137
 Филиппов А. В. 27, 88
 Флоринский П. А. 8, 125
 Фонякова О. И. 8, 14
 Фрост С. Г. 28, 47
 Хиддекель С. С. 9, 24
 Чернобров А. А. 9, 21, 88
 Чурсина И. С. 8, 15, 19, 20, 45, 46, 81,
 82, 97, 115, 127, 128, 129, 131
 Шаховский В. И. 24, 25, 65, 161
 Швачко С. О. 9
 Шеремет Л. Г. 8, 32, 58, 122, 137, 155,
 158, 161
 Шмелев Д. Н. 27, 28
 Щетинин Л. М. 14, 65, 157
 Bach A. 55
 Baiker M. G. 8
 Barry H. 55
 Bebbington G. 55
 Blanaar V. 55
 Bod R. 8
 Bolinger D. 23
 Burge T. 27
 Cameron K. 65
 Chafe W. 27
 Chapman R. 137
 Culleton C. A. 8
 Curme G. O. 8
 Davison A. 27
 Dunkling L. 20
 Ehrlich E. 27, 46
 Evans C. K. 8

Gardiner A. H. 14, 18
Horst N. 27, 44
Joseph J. E. 8
King D. 45
Kripke S. 8
Kurdina (Sysoeva) Eu. 39
Lawson E. 8
Lieberson S. F. 8
Long R. B. 55
Mathews G. 8
Moncur A. 8, 66
Nicolaisen W. F. H. 8
Nuessel F. H. 45
Pulgram E. 55
Searle J. R. 45
Selten B. 20
Shore B. 8
Simmonds F. N. 45
Sloat C. 45
Smith A. H. 27, 157
Srensen H. S. 14, 88
Stebbing L. S. 14
Stern G. 9
Storm H. 8, 20
Strawson P. F. 88
Sweet H. 14
Tamura E. H. 8
Trillin C. 65
Utley F. L. 55, 65
Volec B. 55
Woodward K. 55, 88

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолютная оценка 7, 23, 64
- Аксиологическая шкала 23, 25, 26, 62, 92, 164
- Актуализатор оценки 57, 58, 68, 84, 93, 171
- Антропонимикон 9, 10, 11, 13, 21, 22, 27, 34, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 52, 60, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 77, 80, 81, 82, 83, 85, 86, 91, 93, 99, 101, 105, 107, 108, 110, 112, 114, 121, 122, 124, 125, 126, 128, 130, 131, 132, 134, 135, 137, 142, 146, 156, 170, 172, 173, 190
- Антропонимический дериват 128, 135, 173
- Антропооснова 14, 21, 95, 99, 128
- Апеллятив 11, 16, 18, 22, 23, 35, 52, 56, 72, 77, 78, 90, 101, 103, 104, 105, 106, 113, 115, 117, 120, 133, 142, 146, 162, 165, 169
- Ассоциативное поле 21, 22, 52
- Внутренняя форма антропонима 37, 53, 56, 94
- Воплощенные имена 18
- Гипокористический суффикс 70, 87, 99, 100, 106, 112, 123, 126, 127, 128, 133, 134, 172, 173
- Гипокористик 24, 26, 29, 33, 43, 67, 90, 107, 112, 114, 123, 125, 126, 127, 128, 135, 174
- Графосемантика 127
- Двухтемные оценочные антропонимы 95, 96, 97, 99, 109, 110, 111, 117, 119, 120, 128, 134, 135, 172
- Денотат 7, 16, 20, 21, 24, 26, 52, 78, 162
- Диахроническая информативность 46, 52
- Эмотивность 30
- Эмоциональная оценка 24, 25, 81
- Этимология общей основы 57, 70, 79, 171
- Имя-характеристика 98, 110
- Импликационал 16, 26
- Интенсионал 16, 26
- Историко-оценочные антропонимы 39, 40, 69, 98, 114, 117, 119, 134
- Композиты имени 119, 121
- Коннотативное обозначение проприальной единицы 17
- Коннотация 6, 7, 8, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 52, 54, 62, 63, 64, 66, 68, 69, 71, 73, 74, 75, 88, 90, 93, 140, 166, 167, 168, 174
- Конотоним 8, 9
- Культурно-исторический компонент значения 6, 40, 52, 57, 58, 62, 63, 93, 102, 113, 171
- Лексема 15, 17, 19, 37, 53, 56, 57, 58, 60, 90, 93, 94, 143, 144
- Лексический фон 6, 19, 20, 21, 26, 34, 57, 62, 105, 109, 113, 129, 170
- Литературный антропоним 61, 62, 70, 71, 72, 73, 74, 77, 91, 92, 93, 111, 136, 137, 140, 141, 142, 146, 147, 149, 150, 153, 156, 168
- Мотивы имянаращения 7, 10, 31, 35, 38, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 60, 108, 170
- Номинативная функция антропонима 136, 162
- Объект оценки 7, 53, 136
- Однотемные оценочные антропонимы 95, 99, 100, 102, 103, 105, 106, 109, 133, 134, 172

- Окказиональное имя 8, 111
- Оценка в значении антропонимической лексики 7, 27, 53
- Оценочный антропоним 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 24, 30, 40, 55, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 69, 70, 74, 75, 76, 80, 82, 84, 85, 87, 88, 91, 93, 94, 95, 99, 100, 113, 128, 129, 131, 136, 141, 144, 146, 147, 170, 171
- Оценочный компонент значения 10, 12, 27, 33, 34, 40, 56, 168, 170
- Предметная часть словарной статьи 34, 36
- Прозрачная семантика 77, 86, 106
- Рациональная оценка 24, 53, 62, 63, 71, 75, 76, 78, 84, 92, 93, 170, 172
- Рационально-эмоциональная оценка 24, 26, 53, 75, 170
- Развоплощенные имена 18
- Семантическая часть словарной статьи 26
- Семема 19
- Сигнификат 18, 19
- Словообразовательная модель 13, 97, 99, 100, 105, 106, 107, 109, 110, 119, 134, 172
- Структурный тип 10, 11, 13, 95, 97, 100, 132, 133, 134, 172
- Субъект оценки 7, 53, 136
- Субстантивный формант 111
- Современные оценочные антропонимы 39, 40, 69
- Фоносемантика 31, 127, 173
- Фоносимволизм 127

Sysoieva Yevgenia S.

Evaluative anthroponyms in the English Language and Culture: Monograph. – Rostov-on-Don: Publishing House of Southern Federal University, 2016. – 206 p.

The book focuses on the analysis of the semantic, structural and functional peculiarities of English evaluative anthroponyms. By the evaluative anthroponym we mean a person's name (first name, last name and nickname) the semantics of which contains an evaluative component. Evaluation in the anthroponymic semantics is a connotation component which is actualized on the basis of the following features: native – borrowed; frequent – rare; active – passive; familiar – unfamiliar; containing positively – negatively evaluated vocabulary units; alluding to famous – infamous referents. For instance, the vocabulary component 'gold' determines the positive evaluation of a female name *Goldie* in the modern anthroponymic system. The name is traditionally given to girls who have beautiful goldish hair colour. Another example is a male name *Adolf*, marked by the negative evaluation due to the association with Adolf Hitler, notorious for being the dictator of the German Reich and initiating World War II in Europe. The positive evaluation of one more female name *Cordelia* is connected with the literature allusion to Shakespearian tragedy 'King Lear' and is associated with the name of the youngest daughter of the King whom he loved immensely. The positive semantics here is also supported by the etymology of the anthroponym – Latin *cordis* means 'heart'.

The methodology of the study is based on the combination of traditional, axiological and linguocultural approaches, which allows to identify the peculiarities of the English national outlook, the system of ethno-cultural values and the dominants of the English language and culture.

The study shows that the anthroponymic system gets enriched at the expense of the positively evaluated units. Choosing a name for a child, parents strive for endowing it with the most positive features, suggested by the name semantics. The predominance of the unaffixed one-stem evaluative anthroponyms derived from vocabulary nouns and adjectives testifies to the wish of parents to give their children semantically transparent and structurally simple names.

In fiction, the use of the evaluative anthroponyms for pragmatic purposes is more effective than the use of the anthroponyms with stylistically neutral colouring. Together with other stylistic devices the evaluative anthroponyms express the author's positive or negative attitude and help to create a many-sided artistic image of a literary personage.

Научное издание

Сысоева Евгения Сергеевна

**Оценочные антропонимы
в английском языке и культуре**

Монография

В авторской редакции

Подписано в печать _____.2016 г.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 16,61.
Тираж 500 экз. Заказ № 16-Апр69.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство про внесение субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.